

15874

IX, 970

1888.

1895.

ЖИВНІ ЗІЖ

ЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

Годъ VIII

Мартъ 1895 LXXXVII

Содержаніе

1. Н. Марковъ, Елисаветградъ. Сочиненія А. С. Грибоѣдова, помимо «Горя отъ ума».
2. А. Громачевскій, Таганрогъ. Причины высокой образованности у древнихъ Грековъ.
3. В. Анри. Вопросы для психол. изслѣдованія о первыхъ воспомина- нияхъ дѣтства.
4. Б. Краевскій, Харьковъ. Обученіе и заучиваніе.
5. В. Завадскій-Краснопольскій, СПБ. 8—7 = 5.

Приложенія

6. М. Демковъ. Исторія русской педагогії. Стр. 21—33.
7. Я. А. Коменскій. Великая дидактика (прод.).
8. Т. Луcreцій Каръ. Поэма о природѣ. Перевелъ съ латинскаго из. А. Горбатовъ, Царицынъ.
9. В. Межовъ. Педагог. библиографія. №№ 7695—4864.

Сотрудники „Гимназій“

- Ахтырка. П. Квицинскій (прог.)
 — В. Покровский (дир. пр.)
 Балтійскій-Портъ. Свящ. І. Регема.
 Волховъ. М. Лисицынъ.
 Бѣла. Е. Гомеровъ (гимн.).
 — Р. Киричинскій (гимн.).
 Варшава. И. Ельсинъ.
 — В. Истоминонъ (дир. гимн.).
 Витебскъ. В. Тычининъ (дух уч.).
 Воронежъ. С. Николаевъ (гимн.).
 Вязьма. И. Виноградовъ (г.).
 Владивостокъ. К. Котельниковъ (прог.).
 Глуховъ. М. Демковъ (учит. инст.).
 Екатеринбургъ. Г. Бергъ (гимн.).
 — П. Козловскій.
 Елабуга. В. Павловскій (дир. р. у.).
 Елецъ. П. Первовъ (гимн.).
 Елисаветградъ. Н. Марковъ (р. уч.).
 Измаилъ Ю. Стовикъ (дир. прог.).
 Казань. Г. Горгаловъ (г.).
 — Д. Нагуевскій (проф. ун.).
 — П. Черняевъ (г.).
 Калуга. Ѡ. Штифтаръ (гимн.).
 — Д. Любимовъ (г.).
 Каменецъ-Подольскъ. М. Гринчакъ (г.).
 Карачевъ. А. Овсянниковъ (прог.).
 Киевъ. А. Степовичъ (дир. К. П. Г.).
 — С. Воскресенскій (гимн.).
 — И. Корольковъ (проф. дух. ак.).
 — Я. Мищенко (г.).
 — А. Юркевичъ (б. уч. гимн.).
 — А. Ярепъ (К. П. Г.)
 Коломна. Е. Крыловъ (г.).
 Кутаисъ. С. Воршевскій (г.).
 Лодзь. А. Шумейко (гимн.).
 Лубны. С. Чемолосовъ (г.).
 Люблинъ. В. Дмитриевскій (г.).
 Мозырь. П. Изенфламъ (прог.).
 Москва. В. Апшельротъ (пр.-д. ун.).
 — Л. Поливановъ (дир. гимн.).
 — И. Семеновъ.
 — Г. Фишеръ (гимн.).
 — Э. Черный (г.).
 — В. Шенрокъ (гимн.).
 Николаевъ. А. Солоникю (гимн.).
 Новый Бугъ. А. Крыловъ (дир. уч. с.).
 — И. Успенскій (уч. с.).
 Нѣжинъ. А. Кузнецовъ (инст.).
 Одесса. П. Враккенгеймеръ (гимн.).
 — А. Григорьевъ (прог.).
 — П. Ладновъ (прог.).
 — М. Попруженко (пр.-д. ун.).
 — А. Флеровъ (г.).
 Омскъ. К. Ельницкій (кад. к.).
 Острогжскъ. К. Турчаковскій (д. пр.).
 Пенза. П. Горницкій (гимн.).
 Полаangenъ. П. Пользинскій (прог.).
 — М. Преображенскій (прог.).
 Радомъ. Е. Киричинскій (г.).
 Ревель. Е. Ветнекъ (г.).
 Ревель. И. Кальнинъ (г.).
 — Н. Кораблевъ (гимн.).
 — М. Крыгинъ (г.).
 — И. Сиполь (г.).
 — Н. Херасковъ.
 — Е. Шмидтъ ф.-д.-Лауницъ (г.).
 — Г. Янчевецкій (дир. г.).
 Рига. В. Зайцъ (р. уч.).
 — И. Желтовъ (б. уч. г.).
 — С. Кузнецовъ (г.).
 — Прот. Н. Лекаревъ (г.).
 Рыбинскъ. Н. Вергинъ (гимн.).
 Рязань. П. Коцеволевскій (г.).
 Слуцкъ. М. Крашенинниковъ (г.).
 Смоленскъ. С. Блажеевскій (г.).
 — М. Дроздовъ (дух. сем.).
 — Г. Лобовиковъ (р. уч.).
 С.-Петербургъ. Ю. Верещагинъ (г.).
 — С. Гинтовтъ (г.).
 — А. Григорьевъ (г.).
 — А. Желобовскій (г.).
 — Г. Зоргенфрей (г.).
 — И. Киприановичъ (г.).
 — В. Кораблевъ.
 — В. Латышевъ.
 — А. Маленинъ.
 — А. Образцовъ (г.).
 — Н. Санчурскій (окр. инсп.).
 — В. Сланскій.
 — А. Филоновъ (б. дир. г.).
 — Х. Шванебахъ (б. дир. р. у.).
 — В. Янчевецкій.
 — Д. Янчевецкій.
 Ставрополь. Н. Кузнецовъ (г.).
 — Г. Дорозевъ (г.).
 Сувалки. О. Вабиеръ (г.).
 Сумы. Л. Горкевичъ (г.).
 Таганрогъ. А. Громачевскій (дир. г.).
 Ташкентъ. И. Любомірскій.
 Тверь. Н. Овсянниковъ (б. дир. г.).
 Тифлисъ. Е. Богословскій (гимн.).
 — М. Зданевичъ (г.).
 — А. Приселковъ (гимн.).
 — Э. Фехнеръ (г.).
 Троицкъ. М. Вукъ (г.).
 — И. Тихомировъ (дир. г.).
 Тула. Прот. А. Ивановъ (гимн.).
 Усть-Медвѣдица. Н. Боголюбовъ (г.).
 Харьковъ. В. Краевскій (г.).
 — А. Петровъ.
 — Н. Сумцовъ (проф. ун.).
 — В. Харциевъ (г.).
 Холмъ. В. Ипатовъ (гимн.).
 Хортица. А. Нейфельдъ (зав. центр. уч.).
 Черниговъ. А. Тиховъ (гимн.).
 Царицынъ. П. Черняевъ (гимн.).
 — Е. Арбатскій (гимн.).
 — А. Горбатовъ (г.).
 Царское-Село. С. Цыбульскій (гимн.).
 Эриванъ. В. Романовскій (гимн.).
 Феодосія. Ю. Галабутовъ (г.).

Гимназія

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ФИЛОЛОГІИ И ПЕДАГОГІИ

In primis, ut tenerae mentes tracturaeque altius, quicquid rudibus et omnium ignaris insederit, non modo, quae diserta, sed vel magis, quae honesta sunt, discant. Ceteris, quae ad eruditionem modo pertinent, longa aetas spatium dabit. Quint. inst. or. I, 8.

ГОДЪ VIII

LXXXVII

1895

Ревель

Печатано въ типографіи «Ревельскихъ Извѣстій»

1895

RIEHNEN

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ПУБЛИКАЦИОННОЕ

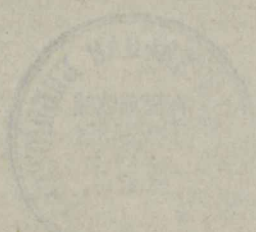
ИЗДАНИЕ

Второй год издания. Выходит по четвергам. Цена 1 рубль в год. Подписки принимаются во всех почтовых отделениях. Издатель: Р. К. Кукко.

Доволено цензурою. — Ревель, 4-го мая 1895 года.

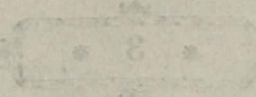
ТОМ VIII

№ 1

AR
R. K. Kukk
R. K. Kukk
R. K. Kukk

65.639

Ревель
Издатель: Р. К. Кукко
1895

Сочиненія А. С. Грибоѣдова, помимо „Горя отъ ума“.

Письма и драматическія произведенія.

Н. Марковъ, Елисаветградъ.

Слава Грибоѣдова и значеніе его въ исторіи русской литературы опредѣляются обыкновенно его комедіей «Горе отъ ума», которую критика вмѣстѣ съ романомъ «Евгеній Онѣгинъ» положила въ основаніе новой русской поэзіи. Но личность поэта и особенности его таланта выясняются этимъ его произведеніемъ еще не въ достаточной полнотѣ; поэтому знакомство съ прочими его произведеніями заключаетъ въ себѣ не мало интереса, на что мы и обращаемъ вниманіе нашего читателя.

Въ 1889 году вышло въ Петербургѣ собраніе сочиненій Грибоѣдова подъ редакціей И. А. Шляпкина. Это собраніе сочиненій поэта редакторъ назвалъ полнымъ. Въ двухъ большихъ томахъ собрано все, что было доступно; словомъ, все литературное, извѣстное до сего времени богатство, оставленное Грибоѣдовымъ потомству; но богатство это въ количественномъ отношеніи не особенно велико. Судя по громадному таланту Грибоѣдова, должно замѣтить вообще, что написалъ онъ сравнительно мало. Пушкинъ и Лермонтовъ въ его годы дали русской литературѣ значительно больше. Что-то въ родѣ сознанія объ относительно слабой литературной производительности есть у самого Грибоѣдова; эта сознаніе слышится въ его письмахъ. Изъ Крыма въ 1825 году онъ писалъ: «вотъ почти три мѣсяца

я провелъ въ Тавридѣ, а результатъ нуль. Ничего не написалъ. Не знаю, не слишкомъ ли я отъ себя требую? Умѣю ли писать? Право, для меня еще загадка. Что у меня съ избыткомъ найдется что сказать, за это ручаюсь; отчего же я нѣмъ? Нѣмъ какъ гробъ!! Кровь волнуется, высокія мысли бродятъ и мчатъ далеко за обыкновенные предѣлы пошлыхъ опытовъ, воображеніе свѣжо, какой-то бурный огонь въ душѣ пылаетъ и не гаснетъ»... Должно замѣтить, что это было писано тогда, когда «Горе отъ ума» было уже извѣстно, когда Грибоѣдова знали какъ «сочинителя Фамусова и Скалозуба» по его собственному выраженію.

Первый томъ названнаго выше собранія сочиненій Грибоѣдова заключаетъ въ себѣ прозу, которая имѣетъ характеръ то научныхъ, то критическихъ статей, или это просто сообщенія въ журналы о разныхъ фактахъ изъ жизни самого автора или лицъ его окружавшихъ. Большую часть этого тома составляютъ путевыя записки, а также частная и служебная переписка Грибоѣдова. Литературнаго, чисто художественнаго этотъ томъ, болѣе чѣмъ въ 500 страницъ, не заключаетъ ровно ничего. Даже путевыя записки Грибоѣдова изъ Персіи, Эриванской области и Крыма, отъ которыхъ можно было бы ожидать чего либо живописно-повѣствовательнаго, каково, напримѣръ, пушкинское Путешествіе въ Арзрумъ, не носятъ на себѣ и слѣдовъ поэзіи. Это нѣчто въ родѣ дневника съ короткими иной разъ замѣчаніями подъ выставленнымъ впереди числомъ мѣсяца. Письма же Грибоѣдова великолѣпный матеріалъ, первоисточникъ для біографіи поэта. Второй томъ, почти равный по объему первому, содержитъ въ себѣ поэзію. Тутъ нашли себѣ мѣсто всѣ чисто литературныя труды Грибоѣдова. На ряду съ «Горемъ отъ ума» мы находимъ здѣсь пять другихъ драматическихъ пьесъ, нѣсколько лирическихъ стихотвореній и нѣсколько плановъ или отрывковъ задуманныхъ, но неоконченныхъ авторомъ комедій и трагедій. Этимъ и исчерпывается все, извѣстное намъ изъ литературной дѣятельности Грибоѣдова.

Возьмемъ изъ перваго тома Письма, а изъ втораго драму и ознакомимся съ ними ближе, оставляя въ сторонѣ, какъ сказано выше, «Горе отъ ума».

Въ письмахъ, заключающихъ въ себѣ частную и служебную переписку, числомъ СХІІІ, Грибоѣдовъ, конечно, много говоритъ о предметахъ и дѣлахъ своихъ специальныхъ занятій: онъ присылаетъ свѣдѣнія о ходѣ военныхъ событій на Кавказѣ, въ горахъ; даетъ описанія сраженій; дѣлаетъ даже поправки къ тѣмъ сообщеніямъ, которыя помѣщались въ тогдашнихъ газетахъ, пишетъ о ходѣ дипломатическихъ сношеній съ Персіей; характеризуетъ героевъ и лицъ изъ мѣста своей службы. Но нельзя не замѣтить, что не это составляетъ главную тему писемъ. Много мѣста удѣляетъ онъ тому, что въ особенности волновало его душу; это была, выражаясь коротко, поэзія. И въ этомъ смыслѣ должно понимать его слова, обращенныя къ Булгарину, когда Грибоѣдовъ, жалуясь на скуку жизни вдали отъ столицъ и на тяготу своихъ служебныхъ занятій, говоритъ: «я рожденъ для другого поприща». Это поприще была литературная дѣятельность. Собственное ли творчество, произведенія ли другихъ писателей — служили предметомъ его самаго внимательнаго размышленія. «Поэзія!» восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, «люблю ее безъ памяти, страстно!» .. Онъ привѣтливо встрѣчаетъ литературные труды своихъ друзей; говоритъ о Пушкинѣ, словами котораго пользуется для подкрѣпленія своей мысли, говоритъ о Катенинѣ, дарованіе котораго ставитъ очень высоко и замѣчаніями котораго дорожить; говоритъ о Крыловѣ, Дельвигѣ; переписывается съ Одоевскимъ, Шаховскимъ и др. Къ чести Грибоѣдова нужно отнести и то, что къ литературнымъ своимъ противникамъ, между которыми были Батюшковъ, Гнѣдичъ и даже Жуковский, онъ относился безъ раздраженія, чѣмъ, однако, не всегда отвѣчали ему непріатели.

Но въ богатствѣ біографическаго матеріала въ письмахъ Грибоѣдова особенно важна та черта, которая свидѣтельствуетъ о взглядахъ нашего писателя на значеніе образованія въ широкомъ смыслѣ слова, и въ этомъ отношеніи личность

Грибоѣдова становится особенно интересной. Благодаря своему широкому образованію, на недостатокъ котораго такъ жаловался великій современникъ Грибоѣдова, Пушкинъ, онъ поднимаетъ личность писателя до высокой степени общественнаго служенія. Грибоѣдовъ ясно сознавалъ, что для литератора недостаточно одного таланта, ему нужно образованіе, нужна наука. «А. С. Грибоѣдовъ, замѣчаетъ Ѡ. Булгаринъ, указывалъ на Байрона, Гете и Шиллера, которые оттого именно вознеслись выше своихъ совмѣстниковъ, что гений ихъ равнялся ихъ учености.»

Въ системѣ образованія Грибоѣдова первое мѣсто занимаетъ изученіе языковъ, изъ которыхъ онъ зналъ многіе, какъ европейскіе, такъ и восточные. Эта область знаній давалась ему легко, о чемъ самъ онъ свидѣтельствуетъ въ слѣдующихъ словахъ: «выучиться языку, особливо европейскому, почти нѣтъ труда; надобно только нѣсколько времени прилежанія. Совѣстно читать Шекспира въ переводѣ, если кто хочетъ вполнѣ понимать его, потому что, какъ всѣ великіе поэты, онъ непереводимъ, и непереводимъ оттого, что націоналенъ». Латынь Грибоѣдовъ изучилъ еще въ школьные годы и, читая въ бытность свою московскимъ студентомъ Плавта подъ руководствомъ Буле, нуждался лишь въ спеціальныхъ объясненіяхъ языка этого писателя. Въ 1817 году, состоя уже на службѣ, онъ учится греческому языку, а, спустя пять лѣтъ, главнокомандующій на Кавказѣ А. П. Ермоловъ ходатайствуетъ передъ министромъ гр. Несельроде о назначеніи Грибоѣдова при немъ на должность секретаря по иностранной части, указывая главнымъ образомъ на его знаніе персидскаго языка. Припомнимъ, что Грибоѣдовъ на пути изъ Тавриса въ Тифлисъ переломилъ себѣ въ двухъ мѣстахъ руку и, «не нашедши, какъ пишетъ Ермоловъ, нужныхъ въ дорогѣ пособій, долженъ былъ по необходимости обратиться къ первому, который могъ дать ему помощь, и оттого произошло то, что по прибытіи въ Тифлисъ, надлежало ему худо исправленную руку переломить въ другой разъ! До сего времени, говорится въ томъ же письмѣ, почти не владѣя оною, не можетъ онъ отправиться въ Персію. Съ

сожалѣніемъ я долженъ удалить его отъ занимаемаго имъ мѣста, но, зная отличныя способности молодого человѣка и желая воспользоваться пріобрѣтенными имъ въ знаніи персидскаго языка успѣхами, я просить ваше сіятельство покорнѣйше честь имѣю опредѣлить его при мнѣ секретаремъ по иностранной части». Въ томъ же отзывѣ Ермолова о Грибоѣдовѣ читаемъ мы еще болѣе лестную рекомендацію, въ которой онъ признается пригоднымъ по своимъ знаніямъ быть руководителемъ школы восточныхъ языковъ. Еще сильнѣе выражается другой свидѣтель Н. Н. Муравьевъ: «успѣхи, которые онъ (Грибоѣдовъ) сдѣлалъ въ персидскомъ языкѣ удивительны. Онъ въ точности знаетъ языкъ персидскій и занимается теперь арабскимъ.» Тогда же къ своимъ занятіямъ Грибоѣдовъ присоединилъ занятія третьимъ языкомъ — турецкимъ. «Я училъ его по-турецки, говоритъ тотъ же Муравьевъ, а онъ меня по-персидски», при чемъ занятія эти исполнены были замѣчательнаго усердія, продолжался иногда съ утра до 5 часовъ вечера или съ обѣда почти до полуночи.

Но знаніе иностранныхъ языковъ и любовь къ нимъ не заслоняли въ Грибоѣдовѣ интереса къ русской переводной литературѣ, и въ этомъ отношеніи также сказывалась любовь его къ родной рѣчи. «Зная столько языковъ, онъ любилъ читать русскія книги, особенно переводы, даже самыя плохіе, великихъ писателей. Мнѣ любопытно знать, говорилъ онъ, какъ изъяснены высокія мысли и наставленія мудрецовъ, и можетъ ли понимать ихъ классъ, незнающій иностранныхъ языковъ? Это археологическія и этнографическія изысканія, любезный другъ, прибавилъ онъ съ улыбкой» въ разговорѣ съ Булгаринымъ. Изъ великихъ писателей Грибоѣдовъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на Шекспирѣ, Гете, Шиллерѣ и Байронѣ. Въ этомъ отношеніи любопытенъ разговоръ его съ Бестужевымъ, отрывокъ изъ котораго считаемъ умѣстнымъ привести въ данномъ случаѣ. Однажды Грибоѣдовъ въ 1824 году въ Петербургѣ зашелъ навѣстить одного больного своего знакомаго. «Разговоръ, пишетъ Бестужевъ, завязался по-французски о чемъ-то весьма обыкновенномъ; наконецъ, онъ скло-

нился на словесность. Передо мною лежалъ томъ Байрона и я сказала, что утѣшительно жить въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, потому, что онъ умѣетъ цѣнить гениальныя произведенія.

— Даже оцѣнять многое выше достоинства, сказалъ Грибоѣдовъ.

— Я думаю, это обвиненіе не можетъ касаться авторовъ, каковы Гете или Байронъ, — возразилъ я.

— Почему же нѣтъ? Можетъ быть и обоихъ. Развѣ поклонники перваго не превозносятъ до небесъ каждую его поэтическую шалость? Развѣ не придаютъ каждому его слову, наудачу брошенному, тысячу противоположныхъ значеній? Съ Байрономъ поступаютъ еще забавнѣе, потому что его читаетъ весь модный свѣтъ. Гете толкуютъ, какъ будто онъ былъ непонятенъ, а Байрономъ восхищаются, не понимая его. Въ самомъ дѣлѣ, никто не смѣетъ сказать, что онъ проникъ великаго мыслителя, и никто не хочетъ признаться, что онъ не понялъ благороднаго лорда.

— Для того, чтобы заглянуть въ лицо этихъ гигантовъ, равно замѣтилъ я: для доступа къ высотамъ ихъ не помогутъ ни ползніи, ни прыжки, тутъ надобны крылья...

— И крылья орла, прибавилъ Грибоѣдовъ. Солнечные лучи играютъ и въ блесткѣ и въ каплѣ, но только масса воды можетъ отразить цѣлое солнце, только высокая душа можетъ обнять полную мысль генія. Что касается, однокожъ, характеристики выраженій въ Гете и въ Байронѣ, она мнѣ кажется слишкомъ произвольной. Вы назвали ихъ обоихъ великими, и въ отношеніи къ нимъ это справедливо; но между ними все превосходство въ величій должно отдать Гете: онъ объясняетъ своею идеею все человѣчество; Байронъ со всѣмъ разнообразіемъ мыслей только человѣка.

— Надѣюсь, вы не сдѣлаете этого укора Шекспиру. Каждая пьеса его сохраняетъ единство какой либо великой мысли, важной для исторіи страстей человѣческихъ, не смотря на грязную пѣну многихъ подробностей, свойственныхъ болѣе вѣку, нежели человѣку. Я не знаю ни одного писателя въ

мірѣ, который бы обладалъ сильнѣйшимъ языкомъ и большимъ разнообразіемъ мыслей. Вспомните, что онъ проложилъ дорогу самому Гете. Вспомните, когда писалъ онъ...

— Всѣ обстоятельства времени и просвѣщенія — отвѣчалъ Грибоѣдовъ — благопріятствовали, конечно, развитію крыльевъ Гете. Но я сужу не творца, а творенія и едва ли творенія Шекспира выдержать сравненія съ Гетевскими»...

Изъ приведеннаго мѣста разговора видно, какъ строго цѣнилъ Грибоѣдовъ произведенія словесности и съ какимъ разборомъ относился онъ даже къ тѣмъ писателямъ, имена которыхъ были уже установлены незыблемо. Нашъ поэтъ различаетъ великое, постоянное отъ наудачу брошеннаго; онъ отдѣляетъ твореніе отъ творца; а въ оцѣнкѣ такого рода не можетъ быть ничего пристрастнаго или ослабляющаго безотносительную истину. Онъ не цѣнитель изъ толпы, но строгій и добросовѣстный судья, который измѣряетъ достоинство художественнаго произведенія безусловно. Легко замѣтить, что изъ упомянутыхъ выше поэтовъ Грибоѣдовъ отдавалъ преимущество Гете даже въ сравненіи съ Шекспиромъ. Впрочемъ, мнѣніе Грибоѣдова о Шекспирѣ мы узнаемъ изъ его собственнаго письма къ Вѣгичеву, въ которомъ онъ рассказываетъ, какъ извѣстный актеръ Каратыгинъ восторгался драмой «Ромео и Юлія». «Я ему читалъ, говоритъ Грибоѣдовъ, въ плохомъ французскомъ переводѣ пятый актъ и еще нѣсколько мѣстъ изъ «Ромео и Юліи». Онъ было съ ума сошелъ, просить, въ ногахъ валяется, чтобы перевести, коли не полѣнюсь. Такъ хоть послѣдній актъ, а прочіе Жандру отдать, который, прочемъ, нисколько меня не прилежнѣй. Я бы готовъ съ нимъ вмѣстѣ трудиться, но не думаю, чтобы эти литературныя товарищества могли произвести что-нибудь въ цѣломъ хорошее; притомъ же я стану переводить съ подлинника, а онъ съ дурного списка; сладить трудно; перекраивать Шекспира дерзко».

Мы выбрали изъ писемъ Грибоѣдова тѣ мѣста, которыя, по нашему мнѣнію, имѣютъ непосредственное значеніе для характеристики личности его, какъ писателя и какъ цѣнителя.

написаннаго. Знаніе языковъ и отъ природы свободное усвоеніе ихъ открывали ему входъ въ великую сокровищницу произведеній человѣческаго генія, съ которымъ онъ приходилъ въ непосредственное общеніе, ибо, по его же собственнымъ словамъ, «перекраивать Шекспира дерзко». Это была обширная школа, въ которой Грибоѣдовъ черпалъ знанія и набирался духа, для того чтобы оживить имъ, какъ узнаемъ ниже, задуманныя позднѣе произведенія; только для этого, къ сожалѣнію, у нашего поэта не хватило жизни.

Грибоѣдовъ самъ сознавалъ образовательное значеніе языковъ. «Познанія мои, говоритъ онъ въ письмѣ къ Шаховскому изъ Персіи, заключаются въ знаніи языковъ: славянскаго, русскаго, французскаго, англійскаго, нѣмецкаго. [О древнихъ онъ умалчиваетъ]. Въ бытность мою въ Персіи я занялся персидскимъ и арабскимъ». Но онъ тутъ же замѣчаетъ: «Для того, кто хочетъ быть полезенъ обществу, еще мало имѣть нѣсколько выраженій для одной и той же мысли, говоритъ Ривороль; чѣмъ мы болѣе просвѣщены, тѣмъ полезнѣе можемъ быть своему отечеству». Изъ-за этихъ, главнымъ образомъ, побужденій Грибоѣдовъ просилъ объ увольненіи его отъ службы въ полудикой Персіи, или объ отозваніи его изъ грустной страны, въ которой вмѣсто того, чтобы чему нибудь выучиться, «еще забываешь то, что знаешь». Поэтъ, жаждавшій всегда обмѣна мыслей, искавшій всегда интересныхъ для души встрѣчъ, теперь рѣшительно одинокъ. «Теперь, пишетъ онъ Кюхельбекеру, въ поэтическихъ моихъ занятіяхъ довѣряюсь однѣмъ стѣнамъ. Имъ кое-что читаю изрѣдка, свое или чужое; а людямъ ничего, никому!» Послѣ того понятно, сколько желаній заключались въ его вопросахъ, обращенныхъ къ Катенину въ Петербургъ: «что происходитъ въ вашемъ ученомъ и неученомъ мірѣ?»

Итакъ, образованіе — вотъ сила человѣка, съ которою онъ можетъ быть полезенъ обществу, своему отечеству». Прощай, милый мой мудрецъ, говоритъ Грибоѣдовъ Одоевскому, сердечно радуюсь твоимъ занятіямъ, не охлаждайся: они всякой жизни придаютъ высокое значеніе».

Вотъ какими мыслями испещрены, можно сказать, письма Грибоѣдова къ своимъ друзьямъ, и въ нихъ, мы полагаемъ, высокое воспитательное значеніе въ знакомствѣ съ личностью нашего писателя, свидѣтельство глубокаго ума и жизненной правды.

Было бы не безынтересно разсмотрѣть, что читаетъ Грибоѣдовъ; но это повело бы насъ очень далеко; упомянемъ только о томъ, что называетъ онъ въ своихъ письмахъ и о присылкѣ чего просить онъ своихъ друзей. Здѣсь необыкновенная смѣсь: то «Чайльдъ-Гарольдъ» Байрона, то книга Дежерандо или «Анахарисъ» съ картою Греціи, то «Дифференціальное счисленіе» Фронкёра на ряду съ «Борисомъ Годуновымъ» и стихотвореніями Пушкина, то статистическое описаніе западноевропейскихъ государствъ или «Таврида» поэта прошлаго вѣка, Боброва, или, наконецъ, сочиненія по комерціи, бухгалтеріи и проч. и проч.

Но Грибоѣдовъ не сторонникъ ученаго педантизма. Наука не должна и не можетъ стѣснять дарованія, ибо сама наука строить свои теоріи на основаніи плодовъ таланта. Катенинъ, строгій классикъ, упрекалъ Грибоѣдова въ томъ, что въ комедіи его «дарованія болѣе, нежели искусства». «Самая лестная похвала, которую ты могъ мнѣ сказать, отвѣчалъ ему авторъ «Горя отъ ума» въ письмѣ 1825 года, не знаю, стою ли ея? Искусство въ томъ только и состоитъ, чтобы поддѣлываться подъ дарованіе, а въ комъ болѣе вытвержденнаго, прибрѣтеннаго потомъ и мученіемъ (содѣйствіемъ) искусства угождать теоретикамъ, т. е. дѣлать глупости, въ комъ говорю я, болѣе способности удовлетворять требованіямъ, условіямъ, привычкамъ, бабушкинымъ преданіямъ, нежели собственной творческой силы, тотъ, если художникъ, разбей свою палитру и кисть, рѣзецъ или перо свое брось за окошко... Я, какъ живу, такъ и пишу свободно.» Не любилъ Грибоѣдовъ и мелочей, не любилъ онъ и придирокъ критики, которыя иные считаютъ свидѣтельствомъ строгаго вниманія и тщательной работы. «Охота, говорилъ онъ В. О. Одоевскому, такъ ревностно препираться о нѣсколькихъ стихахъ, о ихъ гладкости, жесткости, плоскости. Борьба ребяческая, школьная!»

Мы, конечно, далеко не исчерпали содержанія писемъ Грибоѣдова, да это и не входило въ нашу задачу: мы только хотѣли указать лишь на то, пользуясь этими письмами, что могло свидѣтельствовать о личности нашего поэта, какъ образованнаго человѣка, а также о свойствѣ его отношеній къ литературному труду и художественному творчеству. Перейдемъ къ его драматическимъ сочиненіямъ.

Изъ драматическихъ сочиненій Грибоѣдова, кромѣ «Горя отъ ума», извѣстны: комедіи — «Молодые супруги», «Студентъ», «Притворная невѣрность»; опера-водевиль — «Кто братъ, кто сестра» и интермедія — «Проба интермедіи». Всѣ эти пьесы, кромѣ ком. «Студентъ», состоящей изъ трехъ дѣйствій и написанной прозою, заключаютъ въ себѣ по одному дѣйствию и написаны стихами. Сверхъ того Грибоѣдову принадлежатъ пять сценъ изъ второго акта комедіи въ стихахъ кн. Шаховскаго подъ заглавіемъ: «Своя семья, или замужняя невѣста». Изъ названныхъ сочиненій ком. «Студентъ» написана Грибоѣдовымъ совмѣстно съ Катенинымъ, а въ переводѣ «Притворной невѣрности» нѣкоторыя сцены принадлежатъ Жандру. Интересно взглянуть, какъ создавались эти вещи нѣсколькими авторами въ совмѣстной ихъ работѣ. Въ письмѣ къ Бѣгичеву Грибоѣдовъ говоритъ слѣдующее: «Посылаю тебѣ «Притворную невѣрность», два экземпляра: одинъ перешли Катенину. Вотъ видишь ли, отчего сдѣлалось, что она переведена двумя. При отъѣздѣ моемъ въ Нарву, Семенова торопила меня, чтобы я не задержалъ ея бенефиса, а чтобы меня это не задержало въ Петербургѣ, я съ просьбой прибѣгнулъ къ другу нашему Жандру. Возвратясь изъ Нарвы, я нашелъ, что у меня переведены сцены XII и XIII; остальное, съ того мѣста, какъ Рославлевъ говоритъ: «я здѣсь, все слышалъ и все знаю», я самъ кончилъ. Впрочемъ, и въ его сценахъ есть иное мое, какъ и въ моихъ его переѣмъ. Ты знаешь, какъ я связно пишу; онъ безъ меня переписываетъ, но многихъ стиховъ вовсе не могъ разобрать и замѣнилъ ихъ своими. Я иные уничтожилъ, а другіе оставилъ: тѣ, которые лучше моихъ».

Совмѣстное писаніе однихъ и тѣхъ же сочиненій въ

прежнее время было, можно сказать, дѣломъ довольно обыкновеннымъ. Кн. Шаховской говорить, что его комедія «Своя семья» написана была не двумя, а даже тремя лицами. «Желая сочинить новую комедію, пишетъ онъ, для бенефиса г-жи Валберховой, я выбралъ такое содержаніе пьесы, въ которомъ бы она могла показать разнообразность, игры своей, и старался, сколько можно, связать простою интригою эпизодическія явленія. Времени до назначеннаго дня для бенефиса оставалось мало, и, боясь не сдержать моего обѣщанія, я просилъ А. С. Грибоѣдова и Н. И. Хмѣльницкаго помочь мнѣ: они по пріязни своей ко мнѣ согласились, и первый написалъ все начало второго дѣйствія до ухода Феклы Савишны, а второй въ третьемъ дѣйствіи сцену, въ которой Вирюлькинъ экзаменуетъ Наташу. Благодарность и справедливость требуютъ, чтобы я сдѣлалъ сіе извѣстнымъ и не присвоилъ себѣ чужого». Такимъ образомъ «по пріязни своей» писатели составляли литературныя товарищества и давали на сцену театра пьесы общей композиціи. Естественно, что въ такого рода композиціяхъ авторы ихъ не могли быть всецѣло отвѣтственными каждый въ отдѣльности ни за содержаніе, ни за выполненіе пьесы, да и самъ Грибоѣдовъ въ одномъ мѣстѣ своей переписки замѣчаетъ: «не думаю, чтобы эти литературныя товарищества могли произвести въ цѣломъ что нибудь хорошее», а впослѣдствіи самъ иронически отозвался о нихъ въ ком. «Горе отъ ума», когда заставилъ Репетилова сказать слѣдующія слова:

Однакожь я, когда, умишкомъ понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И какъ-то невзначай вдругъ каламбуръ рожу;
Другіе у меня мысль эту же подцѣпять
И въ - шестеромъ, глядь, водевильчій сдѣпять;
Другіе шестеро на музыку кладутъ,
Другіе хлопаютъ, когда ее даютъ...

Названныя выше комедіи Грибоѣдова особеннаго литературнаго значенія не имѣютъ ни по замыслу, ни по характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ. Это скорѣе водевили съ забавными сценами, неожиданностями, путаницей отношеній между лицами и иногда совершенной внезапностью финала. Живость и под-

вижность въ дѣйстви, а также забавность для зрителя очевидно, главная ихъ цѣль. Всего больше заслуживала бы вниманія комедія «Студентъ», какъ наиболѣе обширная между ними, но и та не заключаетъ въ себѣ ни одного опредѣленно очерченнаго характера, ни одной серьезной сцены. Въ насмѣшливомъ видѣ Грибоѣдовъ вмѣстѣ съ Катенинымъ представляютъ молодого казанскаго студента Беневольскаго, прѣхавшаго въ Петербургъ къ старому знакомому своего умершаго отца, къ его превосходительству Звѣздову, въ домѣ у котораго живетъ воспитанница Варинька. По обѣщанію этого Звѣздова Беневольскій долженъ жениться на Варинькѣ, но, благодаря тому, что своею манерою держаться и до-смѣшного патетическими и туманными рѣчами, а также какимъ то бредомъ и мечтательностью въ стихахъ о высшемъ своемъ назначеніи, онъ производитъ впечатлѣніе ненормальнаго человѣка, въ домѣ къ нему относятся какъ къ полуумному. Вслѣдствіе этого онъ не только не получаетъ согласія на бракъ съ Варинькой, но даже вынужденъ оставить домъ Звѣздова при самыхъ комическихъ обстоятельствахъ, а Варинька становится невѣстою нѣкоего Полюбина. Все это совершается необыкновенно быстро, какъ бываетъ только въ водевиляхъ. Интрига комедіи крайне пуста, отношенія между дѣйствующими лицами лишены сколько-нибудь серьезнаго интереса. Фамиліи лицъ, по обычаю стараго времени, въ комедіи соотвѣтствуютъ или нравственнымъ ихъ качествамъ, или служебному положенію. Звѣздовъ — его превосходительство, важное лицо; Сабликъ — офицеръ «который, сочинителей терпѣть не можетъ»; Полюбинъ — молодой человѣкъ, влюбленный въ Вариньку и, въ свою очередь, любимый ею; Беневольскій — главное дѣйствующее лицо, герой комедіи; по словамъ Полюбина, это «студентъ, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни души, словомъ ничего, недоученый педантъ. Одѣтъ, какъ шутъ, говоритъ какъ дурная книга, ничего не знаетъ, думаетъ о себѣ, что онъ осьмое чудо». Онъ преисполненъ мечтательныхъ стремленій къ чему-то высокому, лучшему, на что указываетъ отчасти его фамилія латинскаго словообразованія. Въ рѣчахъ и желаніяхъ его, какъ думаютъ,

Грибоѣдовъ хотѣлъ представить туманную мечтательность романтиковъ и сентименталистовъ — литературныхъ противниковъ нашего поэта. Въ пьесѣ слишкомъ ярко просвѣчиваютъ личности, что и было причиною того, что комедія не появилась ни въ печати, ни на сценѣ, и только впоследствии вошла въ собраніе сочиненій Грибоѣдова. Самое имя Беневоольскій есть псевдонимъ, которымъ подписывался Загоскинъ, пріѣхавшій, какъ извѣстно, изъ Пензы, подобно тому какъ герой комедіи прибылъ изъ Казани. Стихи, которые патетически декламируетъ и которыми смѣшить свою публику Беневоольскій, взяты изъ стихотвореній Жуковского и Батюшкова. «Бѣдная молочница», о которой говоритъ юноша, напоминаетъ «Бѣдную Лизу» Карамзина. Словомъ, эта пьеса сатира, только сатира не серьезная, на тогдашнее сентиментально-романтическое направленіе и въ лицѣ Беневоольскаго карикатура на писателей романтиковъ, въ произведеніяхъ которыхъ не было національной русской основы.

Гораздо больше интереса привлекаютъ къ себѣ тѣ пять сценъ, которыя, какъ было сказано выше, вошли въ составъ комедіи Шаховскаго «Своя семья». Здѣсь нѣтъ дѣйствія въ широкомъ смыслѣ слова, это только сцены, начало второго акта, но тутъ полная и типичная обрисовка характеровъ. Вслѣдствіе этого названныя пять сценъ Грибоѣдова могли явиться въ свѣтъ и были напечатаны въ «Сынѣ Отечества» 1817 г. какъ нѣчто самостоятельное, еще до выхода въ свѣтъ полной комедіи, при чемъ онѣ сопровождались слѣдующимъ коротенькимъ изложеніемъ содержанія всей пьесы: «Любимъ, молодой человекъ, въ бытность свою въ Петербургѣ, женился по страсти, безъ согласія своихъ родственниковъ. Онъ привозитъ жену въ тотъ городъ, гдѣ живутъ всѣ его тетки и дяди: Ѳекла Савишна, Раиса Савишна, Варвара Савишна, Карпъ Савичъ, Максимъ Меркуловичъ. Всѣ думаютъ, что онъ сговоренъ; никто не знаетъ, что онъ женатъ, кромѣ Варвары Савишны, которая всѣхъ добрѣе, и у которой молодые пристали. Любимова свадьба до времени остается тайной, а между тѣмъ Наташа, жена его, подъ чужимъ именемъ знакомится со всею

мужиной роднею, старается каждому изъ нихъ угодить и понравиться, и въ томъ успѣваетъ». Разговоръ Наташи съ одною изъ тетушекъ, которую Грибоѣдовъ называетъ Маврой Савишной, и послужилъ содержаніемъ сценъ.

Очевидно молодой авторъ самъ былъ доволенъ своимъ сочиненіемъ, на что указываютъ слѣдующія слова изъ его письма къ Бѣгичеву: «Шаховской просилъ меня сдѣлать нѣсколько сценъ стихами въ комедіи, которую онъ пишетъ для бенефиса Валберховой, и я ихъ сдѣлалъ довольно удачно». Мавра Савишна, тетушка Любима, жалуется на новые нравы, «крутыя времена», когда хозяйки стыдятся стряпать въ кухнѣ, когда родныхъ поздравляютъ «объ Святой и въ Рождество» помощью визитныхъ карточекъ, когда кругомъ «расчету ни на грошъ» и проч. Она не можетъ налюбоваться на Наташу, которая умѣло ведетъ себя передъ старушкой и старается заслужить ее вниманіе, принаравляясь въ разговорѣ къ тому, что нравится старымъ людямъ, тѣмъ болѣе, что Мавра Савишна женщина со средствами. Мавра Савишна безъ ума отъ хитрой дѣвушки (она еще не знаетъ, что Наташа замужемъ), которая «такъ любить поѣсть, чтобъ дешево и вкусно», которая «шелкомъ и золотомъ умѣетъ вышивать», которая съ полу поднимаетъ булабочку, потому что она можетъ пригодиться. Особенно нравится Маврѣ Савишнѣ то, какимъ образомъ Наташа, живя въ домѣ графини Ладовой, научилась рукодѣлю. Объ этомъ Наташа рассказываетъ такъ:

Когда къ француженкамъ поѣдемъ мы бывало,
Графинѣ только бы купить что ни попало;
А я тихохонько высматриваю все,
Какъ тамъ работаютъ, кроять и то, и се,
И выпрошу себѣ остатковъ, лоскуточковъ,
Обрѣзочковъ отъ лентъ, материцы кусочковъ,
И дома запершись крою себѣ, крою.
Теперь же, вѣрите-ль, я что угодно шью,
Вы не увидите на мнѣ чужой работы
Вотъ ни на эстолько...

Отъ такой практической сноровки Наташи Мавра Савишна приходитъ въ умиленіе и говорить:

Помилуй, другъ мой, что ты?
Кладъ сущій, — и тебѣ подобной не сыскать!

Съ такими качествами тетушка желала бы видѣть Наташу женою своего племянника Любима.

Я, другъ мой, кажется, въ тебѣ не обманулась,
По волѣ Божіей, когда бъ ты приглянулась
Любиму нашему и вышла бъ за него,
Не расточила-бы наслѣдства моего.

Да и полюбишься ему ты вѣроятно:
Свѣжа, какъ маковъ цвѣтъ, ведешь себя опратно,
А франтовъ нынѣшнихъ не мудрено прельстить.
Ты по французскому умѣешь говорить?

Мавра Савишна и Наташа — два главныхъ дѣйствующихъ лица въ сценахъ Грибоѣдова, и трудно рѣшить, кто изъ нихъ очерченъ лучше. Только Мавра Савишна, богатая и скупая старуха, пережившая трехъ мужей, является здѣсь со всѣми качествами своей души, такою, какъ она есть; а Наташа въ образѣ смиренницы подъ временной маской угодливости; она хитро обходитъ довѣрчивую къ ея разговорамъ старуху и пріобрѣтаетъ къ себѣ полное ея расположеніе. Но и тотъ дѣйствительный образъ и это замаскированное лицо представляются вполне законченными типичными въ своихъ роляхъ. Комизмъ удался поэту, какъ нельзя лучше, естественность положенія дѣйствующихъ лицъ, ни однимъ движеніемъ не переходящихъ за границу должнаго, производить на читателя цѣльное впечатлѣніе. Словомъ, сцены Грибоѣдова заслуживаютъ того, чтобы ихъ назвать нравоописательными. Успѣху сценъ не мало содѣйствуетъ прекрасный разговорный живой языкъ и звучные стихи.

О комедіяхъ «Молодые супруги» и «Притворная невѣрность», какъ о пьесахъ переводныхъ и не заключающихъ въ себѣ особенныхъ литературныхъ достоинствъ, мы умалчиваемъ; впрочемъ, о первой изъ нихъ А. А. Бестужевъ въ «Полярной Звѣздѣ» даетъ довольно лестный отзывъ: «Стихи, говоритъ онъ, живы, хорошій ихъ тонъ ручается за вкусъ его [А. С. Гр.] и вообще въ немъ видно большое дарованіе для театра». О «Притворной невѣрности» пишетъ самъ переводчикъ слѣдующее: «Эту комедійку собираются играть на домашнихъ театрахъ; ко мнѣ присылали рукописные экземпляры для поправки; много переврано; вотъ что заставило меня ее напечатать».

Слѣдовательно, Грибоѣдовъ самъ не особенно высокое значеніе придавалъ своей, какъ онъ выражается, комедійкѣ, и, очевидно, только механическая необходимость заставила пустить ее въ печать.

Перечисленные нами комедіи Грибоѣдова принадлежать къ начальной порѣ его литературной дѣятельности, когда поэтъ еще не вышелъ на свою дорогу, не вступилъ еще на ту почву, на которой онъ становится національнымъ русскимъ писателемъ на ряду съ Пушкинымъ. Нельзя не замѣтить, что труды Грибоѣдова этого времени носятъ на себѣ недостаточно серьезный характеръ; они создаются будто случайно. Это, между прочимъ, видно изъ письма его къ Катенину: «я теперь для него [Жандра] Семелу Шиллерову перевожу слово въ слово, онъ изъ нея сдѣлаетъ прелестную вещь. Это для бенефиса Семеновой. А я ей же въ бенефисъ отдаю «*Les fausses infidélités*». Для Валберховой я сдѣлалъ четыре сцены, которыми Жандръ очень доволенъ». Читатель видитъ, какъ здѣсь все нагромождено одно на другое: и переводъ слово въ слово, и сдѣланная пьеса и только сцены — все вмѣстѣ и все это случайное, только ради бенефисовъ артистокъ. Впрочемъ, и то надо сказать, что Грибоѣдовъ въ это время былъ очень молодъ. Въ 22—23 года еще позволительна такая литературная шаловливость. Съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ самому себѣ онъ говоритъ въ письмѣ къ Бѣгичеву: «не смѣйся, я молодъ, музыкантъ, влюбчивъ и охотно говорю вздоръ». Онъ охотно исчисляетъ свои литературные успѣхи, которые, говоря правду, еще не очень велики; онъ также не прочь, вопреки взглядамъ будущаго Чацкаго, отъ награжденія чиномъ, заявляя: «я рѣшился быть коллежскимъ ассессоромъ или ничѣмъ».

Но эта юношеская игра страстей скоро проходитъ и жизнь Грибоѣдова, какъ и онъ его писемъ съ 20-го года значительно измѣняются. Онъ самъ уже начинаетъ давать совѣты и предостереженія другимъ изъ личнаго опыта. «Мнѣ прости-тельно, пишетъ онъ Жандру, въ другихъ нѣсколько предполагать той слабости, которая мнѣ испортила полжизни». И

сколько серьезности въ дальнѣйшемъ трудѣ, сознанія важности этого труда и тщательной обработки написаннаго видимъ мы въ Грибоѣдовѣ въ его болѣе зрѣлыя годы, тогда близился къ концу его 30-й годъ, который онъ считалъ, не зная, что его ожидало, половиною своего жизненнаго пути! Это было время завершения и послѣдней отдѣлки его «Горя отъ ума». Въ первыхъ словахъ письма его къ Бѣгичеву отъ 24 августа, еще нѣчто лихорадочное, торговое, вызываемое, какъ онъ говоритъ, «побрякушками авторскаго самолюбія»: надѣюсь, жду, урѣзываю, мѣняю дѣло на вздоръ, такъ что во многихъ мѣстахъ моей драматической картины яркія краски совѣмъ... (авторъ не договариваетъ); сержусь и возстановляю старое, такъ что кажется работѣ не будетъ конца... будетъ же, добыюсь до чего-нибудь; терпѣніе есть азбука всѣхъ прочихъ наукъ; посмотримъ, что Богъ дастъ.» Очевидно, что авторъ еще не остановился на концѣ, какъ будто еще не договорилъ чего-то; между объемомъ и содержаніемъ его комедіи не установилось надлежащее соотношеніе. «Кстати прошу тебя моего манускрипта никому не читать и предать ея огню, коли рѣшишься; онъ такъ несовершененъ, такъ не чистъ». Но чѣмъ далѣе въ письмѣ, тѣмъ замѣтнѣе, что авторъ доволенъ своимъ произведеніемъ, когда у него послѣ многократныхъ переписокъ и поправокъ выходило все гладко какъ стекло, когда стихи у него сыплятся искрами. Это уже не похоже на то, какъ писались первые драматическіе опыты въ родѣ «Притворной невѣрности.» Тамъ была игра пера, тутъ серьезная мысль, строгая критика ума и взыскательнаго вкуса.

Переходъ на новую дорогу совершился. Поворотъ на этотъ новый путь, на которомъ поэтъ избираетъ для своей творческой дѣятельности національныя темы, какъ справедливо замѣчаетъ И. А. Шляпкинъ, засвидѣтельствованъ превосходными, хотя и неоконченными стихотвореніями: «Востокъ», «Домовой», а также отрывками: «Прости, отечество!» и «Диалогъ Половецкихъ мужей». Чтобы ознакомиться съ новою мыслью Грибоѣдова стих. «Прости, отечество!» приводимъ во всемъ его объемѣ, какъ оно дошло до насъ.

Не наслажденье живни цѣль,
 Не утѣшенье наша жизнь!
 О, не обманывайся, сердце!
 О призраки — не увлекайте!..
 Насъ цѣль угрюмыхъ должностей
 Опутываетъ неразрывно;
 Когда же въ уголокъ проникъ
 Свѣтъ счастья на единый мигъ...
 Какъ неожиданно, какъ дивно
 Но скоро бросишь кисть и прочь
 Вѣжши отъ радужной палитры!
 Мы молоды и вѣримъ въ рай,
 И гонимся и вслѣдъ и вдалъ
 За слабо брежжущимъ видѣньемъ...
 Пойте!.. Нѣтъ его, угасло!
 Обмануты, утомлены...
 И что-жъ съ тѣхъ поръ? Мы мудры стали,
 Ногой отмѣрили пять стопъ,
 Соорудили темный гробъ
 И въ нихъ живыхъ себя заклали.
 Премудрость! вотъ урокъ ея:
 Чужихъ законовъ несть ярмо,
 Свободу схоронить въ могилу,
 Не вѣрить въ собственную силу,
 Отвагу, дружбу, честь, любовь.
 Займемся былью стародавней,
 Какъ люди весело шли въ бой,
 Когда плѣняло ихъ собой
 Что такъ обманчиво и славно.

Не трудно замѣтить, что въ приведенныхъ словахъ стихотворенія, которое, какъ можно думать, не получило еще полной отдѣлки, есть сходство съ мыслями поэта въ его ком. «Горе отъ ума». «Чужихъ законовъ несть ярмо, свободу схоронить въ могилу, не вѣрить въ собственную силу»... это слова и мысли, которыя по духу пришлись бы и Чацкому.

Талантъ поэта развился, окрѣпъ окончательно и творчество Грибоѣдова проявляется уже въ новой драматической формѣ. Къ этому времени относится та группа плановъ и отрывковъ драматическихъ произведеній, которая въ сочиненіяхъ Грибоѣдова должна составить особый отдѣлъ, и отдѣлъ послѣдній. Сюда принадлежатъ: «Родамистъ и Зинобія», «Юность Вѣщаго», «1812 годъ» и «Грузинская ночь». Замѣчательно, что всѣ эти планы и отрывки принадлежатъ уже трагедіи, а не комедіи. Авторъ выводитъ на сцену сильные

характеры, мощныхъ духомъ и силою мужей, которые своею дѣятельностью и подвигами превышаютъ дѣйствія обыкновеннаго человѣка. Въ построеніи сценъ мы видимъ нѣчто шекспировское, гдѣ дѣйствительное переплетается съ фантастическимъ, гдѣ могучимъ порывамъ страсти нѣтъ удержу, гдѣ сила духа стремится къ борьбѣ съ труднѣйшими для достиженія цѣли препятствіями. На сцену являются «тѣни давно усопшихъ исполиновъ», каковы въ трагедіи «1812 годъ» Святославъ, Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ, Петръ. Въ прологѣ «Юность Вѣщаго» выведенъ могучій представитель человеческого духа — Ломоносовъ, по словамъ трагедіи:

тотъ пѣвецъ, кому никто не смѣетъ
Во слѣдъ ступить изъ бардовъ сихъ временъ,
Предъ кѣмъ святая Русь благоговѣетъ.

Въ «Грузинской ночи», построенной на чувствѣ мщенія матери за своего сына, являются духи, вступающіе въ заговоръ съ несчастной матерью на гибель оскорбителя.

Содержаніе плана къ трагедіи «Родамистъ и Зинобія» не полно, такъ какъ оно прерывается на второмъ, вѣроятно и въ планѣ незаконченномъ, актѣ. Передъ нами на охотѣ восточный владѣтель Родамистъ. Характеръ его, пылкій и дѣятельный, очерчивается сразу; своему приближенному оруженосцу Семпаду онъ довѣряетъ, какъ говоритъ Грибоѣдовъ, безкойство души, алчущей великихъ дѣлъ и нынѣ принужденной довольствоваться ловитвою вепрей и сернъ». Ему ненавистны и Римляне и Пары. Всѣ подъ его державою благоденствуютъ, и въ немъ есть черты не похожія на нравъ восточнаго деспота; въ душѣ его не одно только властолюбіе и безмѣрная гордость; въ немъ много мягкости и благородства. «Тотъ день, говоритъ онъ своимъ царедворцамъ, потерянь, въ который я не награждаю доблесть и не наказываю строптивыхъ. Идите, обращается онъ къ нимъ, покойтесь въ мирныхъ семейственныхъ упражненіяхъ, но не дремлетъ царское око. Враговъ я имѣю и благодарю за нихъ Небо: они поощряютъ меня на безлѣностную бодрость, неусыпные труды и на славные подвиги». Но его привычками и образомъ жизни

не всѣ довольны; отъ не участвуетъ почти въ пиршествахъ, простъ въ своей жизни и «болѣе похожъ на простолюдина, нежели на царя». Противъ него возникаетъ интрига, въ числѣ главныхъ дѣятелей которой находится Ассюдь, объявляющій о насильственной смерти брата; онъ взываетъ о мщеніи. Изъ конца плана мы узнаемъ, что Ассюдь хочетъ заколоть Родамиста, но тотъ отстраняетъ ударъ, притворно выманиваетъ у него тайну и затѣмъ самъ свирѣпствуетъ.

Зинобія является на сцену во второмъ актѣ, она дочь убитаго Родамистомъ Митридата, его дяди, а теперь его жена. Она кроткаго и покойнаго нрава; напрасно Перизада, одна изъ ея прислужницъ, хочетъ возбудить въ ней испавистъ и желаніе мести — эти страсти ея невинному сердцу совершенно незнакомы. «Отца она мало видѣла, почти не знала, мужъ ближе къ ея сердцу и ея долгъ его любить, угождать ему во всемъ и трепетать его гнѣва». Зинобію стараются всѣми силами вооружить противъ Родамиста и пользуются даже съ этой цѣлью тайственными прорицаніями чтимаго за святого пустытника, котораго тайно вводятъ къ ней сѣнныя дѣвушки. Зинобія не знаетъ, кому вѣрить, что дѣлать, она совершенно разстроена и въ концѣ концовъ даетъ слово пустынику придти ночью на склепъ царей армянскихъ, куда по уговору должны собраться также прочіе противники царя Родамиста. Тѣмъ не менѣе она свято вѣритъ въ своего супруга: «Онъ всѣми любимъ, говоритъ она, и злодѣямъ страшень; кто покусится возстать протвъ него». Юридивый пустыжникъ увѣряетъ ее въ противномъ. Въ такомъ тревожномъ состояніи духа она молчаливо встрѣчаетъ Родамиста, пришедшаго къ своей Зинобіи; она печальна; Родамистъ недоволенъ ею, онъ подозрѣваетъ въ ней притворство и не любовь. «Неужели, думаетъ онъ съ грустью, въ лонѣ супружеской любви нѣтъ ему упокоенія!» Взволнованный онъ оставляетъ Зинобію. Тѣмъ не менѣе заговоръ противъ Родамиста состоялся: «Заговорщики ссорятся о будущей власти; въ эту минуту устремляется на нихъ Родамистъ». На этихъ словахъ планъ трагедіи прерывается указаніемъ, между прочимъ, на то что послѣднее

намѣченное дѣйствіе должно произойти въ третьемъ актѣ. Думалъ ли поэтъ закончить свою пьесу этой сценой, или была у него другая мысль — неизвѣстно. Вѣрнѣе сдѣлать предположеніе, что трагедія должна была имѣть новыя дѣйствія, ибо роль Зинобіи прежде всего остается незаконченной. Но и на той канвѣ, которая соткана смѣлою рукою художника, становятся ясными и выразительными черты выведенныхъ на сцену героевъ. Въ пьесѣ, какъ видитъ читатель, много истиннаго трагизма, являющагося непремѣннымъ и естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ коллизій, въ которыя ставитъ авторъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ пьесы. Родамисть окруженъ врагами въ то время, когда онъ заслужилъ того, какъ утверждаетъ Зинобія, чтобы его все любили; но онъ не боится ихъ; «враги нужны, говоритъ онъ, великому человѣку», а важныя происшествія желательны для того, чтобы «измѣрить себя, людей и силу обстоятельствъ». Словомъ, Родамисть величавый образъ человѣческаго духа, онъ готовъ на рѣшительную борьбу, и только коварно задуманное злодѣйство можетъ его сломить, но сломить на смерть. Въ трагедіи изображено во всей его силѣ страшное чувство отчаянной мести. «Я дебри оглашу моими справедливыми проклятіями за жестокость царя къ несчастному брату!» восклицаетъ Ассюдь въ своей рѣшимости мстить Родамисту. Есть въ трагедіи еще одно мужское замѣчательное лицо — это Касперій, можетъ быть братъ Ассюда, за котораго этотъ послѣдній мститъ царю. Касперій — человѣкъ образцовой твердости характера, непоколебимой честности, онъ, какъ Децій, готовъ на самопожертвованіе для благородной цѣли. Ни корысть, ни угода честолюбію, ни даже пріязнь и ласки самого Родамиста не могутъ его сдвинуть въ сторону неправды и грѣха. Но Родамисть спрашиваетъ себя: «къ чему такой человѣкъ въ самовластной имперіи, онъ гражданинъ другого вѣка», и, какъ можно судить по ходу пьесы, онъ губить его на звѣриной травлѣ. Самовластному повелителю былъ негоденъ этотъ человѣкъ, и онъ губить его, признавая его, очевидно, добрыя качества; губить въ угоду своеобразному принципу.

Нѣчто поэтическое, трогательное, задушевное чувствуется въ характерѣ и дѣйствіяхъ Зинобіи, этого гаремнаго существа, оторваннаго, по условіямъ восточной жизни, отъ всего остальнаго міра. Сцены, въ которыхъ участвуетъ она, должны были бы быть великолѣпны по нѣжности чувства, которымъ она исполнена. Въ планѣ своемъ Грибоѣдовъ говоритъ о ней съ видимымъ къ ней сочувствіемъ и сердце ея не одинъ разъ называетъ невиннымъ. Ясно, слѣдовательно, что поэтъ могъ изображать не однихъ только уродовъ, какихъ мы видимъ въ женщинахъ его «Горя отъ ума». Есть въ планѣ и таинственныя лица, какъ и таинственныя сцены. Въ первомъ актѣ, какъ было сказано выше, является нищій скиталецъ; а можетъ быть, какъ замѣчено въ планѣ, царскій соглядатай. Его пещера въ утесѣ на берегу Аракса; свои прорицанія онъ подкрѣпляетъ словами изъ Зендавесты и умѣетъ дѣйствовать на воспламенные умы своихъ слушателей. Призывая мертвецовъ во свидѣтели, онъ ручается за правду своихъ словъ. Онъ знаетъ тайну, отъ которой зависитъ безмятежное теченіе жизни Зинобіи, супруги Родамиста.

Нѣтъ сомнѣнія, что Грибоѣдовъ, знакомый изъ книги и по личнымъ наблюденіямъ съ нравами и вообще съ этнографическими особенностями Востока, могъ бы исполнить въ своей піесѣ всѣ детали съ должною правдой.

Планы къ «1812 году» и «Юности Вѣщаго» написаны на русской основѣ. Содержаніе первой пысы извѣстно намъ по маленькимъ отрывкамъ, характеристику которыхъ сдѣлалъ проф. Ор. Миллеръ въ 1877 году въ «Рус. Старинѣ». Темой ей послужила великая година сожженія Москвы французами.

Въ сценѣ между отцемъ и дочерью, опечаленными событіями ихъ дней, изображена горюющая дѣвушка. На вопросъ отца, — о чемъ она плачетъ: «о прежнихъ ли подругахъ и забавахъ, о братѣ что ли?» дочь отвѣчаетъ:

Ахъ, батюшка! Я плачу не о томъ!
Теперь не та пора...

Отець раздѣляетъ ея чувства и говорить:

Когда же ты о родинѣ печальна,
 Рыдай, мое дитя, и для тебя
 Отраднѣе слова не имѣю,
 Бывало на душѣ кручинко — посохъ въ руки,
 Съ тобою сердцу легче, все забыто...
 Утѣшенный я приходилъ домой.
 Бывало посѣтишь и ты меня, отца.
 Обнимешь, все осмотришь...
 А нынѣ вмѣстѣ мы, и намъ не легче!
 Москва! Москва! О до чего я дожилъ!..

Но идея пьесы не вся въ изображеніи печальныхъ событій, поэтъ имѣлъ и другую мысль, въ которой онъ характеризовалъ обстоятельства бывшаго нашего крѣпостнаго права. Отсылаемъ въ этомъ случаѣ читателя къ названной выше статьѣ пр. Миллера.

Содержаніе «Юности Вѣщаго» мы узнаемъ изъ разсказа друга Грибоѣдова С. Н. Бѣгичева: оно очень коротко и мы приведемъ его дословно:

«При поднятїи занавѣса юноша-рыбакъ Ломоносовъ спитъ на берегу Ледовитаго моря и видитъ обаятельный сонъ — сначала разныя видѣнья, потомъ музъ, которыя призываютъ его и наконецъ весь Олимпъ во всемъ его величїи. Онъ просыпается въ какомъ-то очарованїи; сонъ этотъ не выходитъ изъ его памяти, преслѣдуетъ его и въ морѣ и на необитаемомъ острову, куда отправляется онъ съ прочими рыбаками за промысломъ. Душа его получила жажду познанья, чего-то высшаго, имъ невидимаго и онъ убѣгаетъ изъ отеческаго дома. При открытїи занавѣса во 2-мъ актѣ Ломоносовъ въ Москвѣ, стоитъ на Красной площади... Далѣе, говоритъ Бѣгичевъ, я не помню...» И тутъ, какъ видитъ читатель, сильная драма, какъ цѣлая драма вся жизнь Ломоносова.

Намъ остается изложить содержаніе плана трагедїи «Грузинская ночь». Но эта пьеса заслуживаетъ того, чтобы о ней сказать больше. При послѣднемъ свиданїи съ Бѣгичевымъ, на пути въ Персію, Грибоѣдовъ сказалъ ему: «нѣтъ, я не напишу болѣе комедїи; веселость моя исчезла, а безъ весе-

лости нѣтъ хорошей комедіи. Но есть у меня написанная трагедія». Трагедія эта и была «Грузинская ночь». Изъ писемъ Грибоѣдова, мы видѣли, что въ двадцатыхъ годахъ столѣтія въ душевномъ настроеніи его произошелъ замѣчательный переломъ, который въ только что приведенныхъ словахъ его можно отмѣтить выраженіемъ: «веселость моя исчезла». Дѣйствительно, поэтъ сталъ сосредоточеннѣе, онъ высказываетъ мрачныя мысли и будто предчувствуетъ, что миссія его въ Персіи не обѣщаетъ ему ничего хорошаго. Въ области литературнаго творчества комическіе образы его не интересуютъ и онъ останавливается на размышленіи о сильныхъ характерахъ, о движеніи сильныхъ страстей; все уже ясно свидѣтельствовало, что въ направленіи его литературной дѣятельности долженъ былъ произойти переходъ отъ комедіи, для которой нужна была, по его словамъ, веселость, къ трагедіи. Нельзя не замѣтить, что «Горе отъ ума» занимаетъ въ развитіи таланта Грибоѣдова и въ послѣдовательности созданій его произведеній какъ бы срединное мѣсто; до него мы видѣли шутливыя комедіи, или просто «комедійки»; послѣ «Горе отъ ума» рядъ плановъ для драматическихъ пьесъ и наконецъ цѣлую «Написанную трагедію». Но и въ «Горѣ отъ ума» драматическій элементъ на ряду съ комическими сценами на столько бросается въ глаза, что нельзя его пройти молчаніемъ. Вся роль Чацкаго, его тревоги, волненія, наконецъ онъ самъ, какъ человѣкъ, движимый высшими побужденіями — должны быть отнесены къ содержанію драмы, а не комедіи. Заключительный монологъ его, въ которомъ онъ высказываетъ желаніе «на весь міръ излить всю желчь и всю досаду», его «милліонъ терзаній», его самозабывчивость — все это, вмѣстѣ взятое, — такія переживанія, которыя присущи только трагической роли. Если «Горе отъ ума» носитъ названіе комедіи, то по отношенію къ дѣйствіямъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчается Чацкій, по отношенію же къ нему самому это самая строгая драма. Впрочемъ мы не думаемъ входить въ подробности этого вопроса, мы только хотѣли сказать, что задатки трагическаго таланта видны уже въ его комедіи т. е. въ той порѣ его дѣятельности, кото-

рую онъ относилъ къ срединѣ своего жизненнаго пути. Такъ постепенно переходилъ поэтъ отъ комедіи къ драмѣ, и, судя по имѣющемуся въ наличности матеріалу, долженъ былъ дать намъ образецъ истинной трагедіи. «Грузинская ночь» по отзывамъ тѣхъ лицъ, которыя знали ее, была первою въ этомъ родѣ. Пьеса произвела на друзей поэта сильное впечатлѣніе, они отзывались о ней восторженно». «Гречъ объявилъ даже, что Грибоѣдовъ только попробовалъ свое перо на «Горѣ отъ ума», которое останется далеко позади «Грузинской ночи». Но трагедія Грибоѣдова, какъ это обнаруживается изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ и плана ея, не сходилась съ теоріей трагедіи того времени, трагедіи классической. Не высокаго мнѣнія былъ нашъ поэтъ и о трагедіи Озерова «Дмитрій Донской». Грибоѣдовъ въ русской литературѣ создаетъ трагедію въ шекспировскомъ родѣ, соединяя дѣйствительное съ фантастическимъ, которое служитъ не только какъ бы къ украшенію картины, а къ уясненію самой дѣйствительности. Это трагедія романтическая и сравнивать ее въ русской литературѣ было не съ чѣмъ.

До 1859 года «Грузинская ночь» считалась погибшей, но въ настоящее время мы имѣемъ, кромѣ пересказа ея содержанія, сдѣланнаго Булгаринымъ, нѣсколько, хотя небольшихъ отрывковъ. Вотъ ея содержаніе, которое мы передаемъ, пользуясь словами Булгарина и выдержками изъ сохранившихся отрывковъ.

Одинъ грузинскій князь, желая выкупить своего коня, который «въ бояхъ его прославилъ», отдаетъ другому князю отрока, своего раба. Этому обмѣну челоуѣка на лошадь князь, конечно, не придаетъ никакого значенія и нисколько надъ нимъ не задумывается. Вдругъ является къ князю бывшая его кормилица, няня его дочери, мать отданнаго въ чужое владѣніе отрока. Она припоминаетъ князю свою службу, упрекаетъ его за то, что онъ «совѣсти и Богу вопреки у нея полсердца вырвалъ изъ утробы» и умоляетъ его возвратитъ ей сына или отпустить ее рабою къ тому князю, у котораго находится ея дѣтище; въ противномъ случаѣ она угрожаетъ

ему мщеніемъ ада. Князь сначала гнѣвается, онъ не можетъ «этой фурии присутствія сносить», затѣмъ обѣщаетъ ей возвратить сына, но вскорѣ забываетъ свое обѣщаніе. Обиженная и оскорбленная мать идетъ въ лѣсъ и призываетъ злыхъ духовъ Грузіи. Является Али — духъ въ образѣ женскаго существа, преслѣдующій новорожденныхъ дѣтей и ихъ матерей. Плавая въ туманѣ, у подошвы горы, духъ говоритъ:

Въ парахъ вечернихъ, предъ восходомъ
Печальной дѣвственной луны,
Мы выступаемъ хорОВОМЪ
Изъ недозримой глубины.

Мать, это «исчадье праха», по словамъ Али, въ трепетѣ еле произноситъ:

Робѣть духъ, языкъ прикованъ мой!
Земля, не разступайся подо мной!...

Здѣсь заключается адскій союзъ на истребленіе рода князя-оскорбителя. Между тѣмъ въ домѣ князя появляется русскій офицеръ. Подъ демоническимъ дѣйствіемъ Али въ дочь князя вселяется любовь къ этому офицеру. Оба они уходятъ тайно изъ княжескаго дома, чѣмъ вызываютъ преслѣдованіе за собою. Князь узнаетъ ихъ на вершинѣ горы св. Давида; онъ дѣлаетъ выстрѣлъ изъ ружья въ офицера, но пуля по дѣйствию духа попадаетъ въ сердце его дочери. Такъ совершается мщеніе матери, но она еще недовольна этимъ; она требуетъ ружье и хочетъ поразить самого князя; это ей, однако, не удается; она вмѣсто князя убиваетъ своего сына. Духи помогли ей убить дочь князя, но не пощадили ея и сдѣлали мать убицей своего сына. Отецъ наказанъ за то, что онъ презрѣлъ въ матери родительское чувство; мать за то, что любовь свою къ сыну осквернила жестокою местию. Оба они гибнутъ въ очаяніи.

Трагедія исполнена ужасовъ; злобный духъ дѣйствуетъ во всей своей страшной силѣ; сцена покрывается трупами дѣйствующихъ лицъ; слабое тѣло человѣческое не выдерживаетъ страданій души. Но нравственное чувство, которое въ концѣ концовъ должно восторжествовать, очищено принесенными ему жертвами. Порочнымъ путемъ нельзя придти къ

добродѣтели: и отецъ преслѣдующій своего врага и мать желающая погубить своего оскорбителя, погибають сами, потому что выбрали для достиженія своихъ цѣлей грѣховныя средства.

Пьеса, какъ видно изъ плана ея, заключаетъ въ себѣ сложную борьбу страстей, между которыми особенно ярко выступаетъ на первый планъ оскорбленное материнское чувство. Мать-азіатка уязвленная въ сердце, какъ тигрица, у которой отняли ея дѣтище, исполняется ярости; но, какъ женщина, она слаба для непосредственнаго отмщенія, тѣмъ болѣе, что оскорбителемъ ея является самъ князь. Она обращается къ содѣйствію злыхъ духовъ, забывая то, что они помогутъ ей исполнить ея намѣреніе, но они же не пощадятъ и ея. Мать сама сознаетъ, что, въ союзѣ съ духами, она оставляетъ Бога, становится грѣшною и взываетъ къ нимъ:

Такъ отъ людей надежды болѣ нѣтъ,

И Вседержителемъ отвергнуто моленье!

Услыште вы, отчаянья привѣтъ

И мрака порожденье!

Я крестнымъ знаменемъ отъ васъ оборонялась,

Тогда была добра, имѣла сына я...

Духи, являющіеся въ трагедіи, до нѣкоторой степени напоминаютъ намъ духовъ изъ Вальпургіевой ночи Фауста, изъ котораго, замѣтимъ между прочимъ, онъ сдѣлалъ переводъ Пролога. Это хладнокровные еятели зла; дѣло ихъ губить человѣка при самомъ его рожденіи, а вмѣстѣ съ нимъ и мать, родившую его. Въ загадочной формѣ, но съ понятнымъ смысломъ, одна Али говоритъ слѣдующее:

Неизяснимое свершится:

Тогда мать сына обрѣтетъ

И ближній ближняго лишится.

Въ этихъ словахъ цѣль дѣйствій Али.

Судя по оставшимся отрывкамъ трагедія была написана выразительными, сильными стихами; гнѣвная рѣчь князя обнаруживаетъ во всей силѣ несдержимую страсть восточнаго влстителя, «а жалобами матери, требующей возврата сына у своего господина, говоритъ Булгаринъ, были растроганы и

самые холодные люди», когда Грибоѣдовъ читаль наизусть отрывки изъ этой трагедіи.

Но и въ томъ видѣ, въ какомъ авторъ знакомилъ своихъ друзей съ написанной имъ новой пьесой, «Грузинская ночь» не могла считаться законченной. «Я теперь еще къ ней страстенъ» говорилъ онъ Бѣгичеву, «и далъ себѣ слово не читать ея пять лѣтъ, а тогда, сдѣлавшись равнодушнѣе, прочту какъ чужое сочиненіе и, если буду доволенъ, то отдамъ въ печать». Это могло быть въ 1827 или 1828 году, къ какому времени длжно быть отнесено и созданіе самой трагедіи. Но пять лѣтъ не успѣли пройти, а поэта уже не стало въ живыхъ. «Трагедія сія, говорилъ Булгаринъ о «Грузинской ночи», погибла вместе съ авторомъ.» Такъ думалъ Булгарикъ до 1830 года, когда оказалось, что отрывки изъ этой трагедіи и нѣкоторыя другія сочиненія Грибоѣдова уцѣлѣли. Время, быть можетъ, поможетъ отыскать и все остальное. Во всякомъ случаѣ достойно замѣчанія то, что взыскательный вкусъ поэта не позволилъ выпустить пьесу, какъ ему казалось, раньше времени. Общество не было съ нею знакомо, но тѣ немногіе, которые знали ее изъ словъ самого автора, пророчили ей огромный успѣхъ. Трагедія «Грузинская ночь», по отзыву Булгарина, составила бы украшеніе не только одной русской, но всей европейской литературы».

Разсмотрѣнные нами сочиненія Грибоѣдова, конечно, не прибавляютъ ничего къ его литературной славѣ, ибо слава основывается на томъ, что есть, а не на томъ, что могло бы быть; тѣмъ не менѣе изъ знакомства какъ съ письмами, такъ и съ драматическими сюжетами и отрывками его, личность поэта въ нашемъ представленіи является полнѣе и сужденія о немъ становятся опредѣленнѣе.

Причины высокой образованности у древних Грековъ.

А. Громачевскій, Таганрогъ.

Образованность народовъ слагается изъ образованности отдѣльныхъ лицъ, и потому успѣхи первой зависятъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ и условій, отъ которыхъ зависятъ и успѣхи послѣдней. Главнѣйшее и существеннѣйшее основаніе успѣховъ образованности у извѣстнаго народа заключается въ природныхъ силахъ его національнаго духа, подобно тому, какъ природныя силы духа индивидуальнаго служатъ первымъ основаніемъ образованности отдѣльныхъ лицъ. Далѣе, образованность народа, какъ въ своей степени, такъ и въ своемъ характерѣ, весьма много опредѣляется географическими условіями той страны, въ которой онъ живетъ, положеніемъ и устройствомъ ея поверхности, климатомъ, богатствомъ и разнообразіемъ естественныхъ произведеній и т. п. Среди всѣхъ этихъ условій духъ народный долженъ развивать свои силы. И они столько же имѣютъ вліянія на характеръ и успѣхъ этого развитія, сколько на успѣхъ и характеръ развитія отдѣльнаго личнаго духа имѣютъ вліяніе органическія условія физической природы, въ которой и чрезъ которую онъ совершаетъ это развитіе. Затѣмъ успѣхи образованности у извѣстнаго народа много зависятъ отъ условій

его политической жизни, организаціи общества, характера господствующаго въ немъ правленія, его законовъ, учреждений и пр. Все это имѣетъ такое же отношеніе къ развитію духа народнаго, какое имѣютъ по отношенію къ духовному развитію отдѣльнаго лица его воспитаніе, званіе, занятія и другія внѣшнія, но тѣмъ не менѣе необходимыя и неизбѣжныя условія жизни семейной, общественной и т. д. Наконецъ, на образованность народа имѣетъ вліяніе вся историческая судьба и жизнь его и своимъ внутреннимъ развитіемъ, и своими внѣшними отношеніями и столкновеніями, и всѣми такъ называемыми случайностями и превратностями, какъ на образованность отдѣльнаго лица имѣютъ вліяніе всѣ — и внутреннія и внѣшнія, и случайныя, и счастливыя и несчастныя обстоятельства его жизни.

Жизнь народа греческаго счастливо совмѣщала въ себѣ всѣ эти причины и условія народнаго образованія — и народно-психологическій, и географическій, и политическій, и историческій.

Жизнь древняго человѣчества представляетъ много сходнаго съ обыкновенною человѣческою жизнью: она развивалась также постепенно и по тѣмъ же законамъ, какъ и жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, и различные періоды ея развитія представляютъ точное сходство съ различными періодами развитія жизни индивидуальной. Какъ каждый отдѣльный человѣкъ послѣдовательно проходитъ установленныя фазисы своего развитія, растетъ, крѣпнетъ, затѣмъ силы его, достигшія полнаго развитія, постепенно падаютъ, и онъ, наконецъ, умираетъ, такъ и древній міръ, разсматриваемый въ цѣломъ, представляетъ одинъ величественный, гармонически сложившійся организмъ, постепенно развившійся и, затѣмъ, послѣдовательно пришедшій къ упадку и разложенію.

Исторія древняго міра представляетъ намъ три главные пункта, въ которыхъ преимущественно сосредоточивалась жизнь человѣчества въ различные періоды его развитія. Пер-

рыми представителями ея являются народы востока; далѣ ихъ мѣсто заступаютъ Греки и, наконецъ, Римляне завершаютъ собою циклъ развитія древняго человѣчества, уступая свое всемірно — историческое значеніе новымъ народамъ, обновленнымъ христіанствомъ. Въ жизни народовъ востока мы видимъ, такъ сказать, дѣтство общечеловѣческой жизни; въ жизни Грековъ — молодость ея; въ жизни Римлянъ — сначала ея мужескій возрастъ, а потомъ — старость, предсмертную агонію и, наконецъ, самое разрушеніе.

Дѣтскій возрастъ находится преимущественно подъ вліяніемъ и управленіемъ чувственныхъ впечатлѣній, и потому все произведенія его умственной, нравственной, религіозной жизни носятъ болѣе или менѣе чувственный характеръ. Дитя не можетъ видѣть въ предметахъ болѣе того, что представляютъ ему чувства; оно не способно представлять себѣ божествъ иначе, какъ оно является его чувствамъ въ своихъ обнаруженіяхъ; дитя не знаетъ ни добра, ни зла, кромѣ чувственнаго и т. п. Таковы были и народы востока. Молодость живетъ преимущественно воображеніемъ и фантазією; отсюда особенная пылкость, предприимчивость, энергія, нерѣдко легкомысленность и заблужденіе, любовь ко всему, что можетъ льстить воображенію и пр. Таковы черты и греческаго характера. Мужескій возрастъ водится разсудкъ, его дѣйствія рассчитаны, его характеръ твердъ и постояненъ, его цѣли хотя и не такъ возвышенны и идеальны, какъ цѣли юности, но зато болѣе близки, вѣрны или, какъ говорятъ, положительны; господствующія въ немъ страсти — честолюбіе, властолюбіе, и т. п. Все это какъ нельзя болѣе идетъ къ характеру народа римскаго.

Возьмемъ нѣкоторыя частныя, болѣе выразительныя проявленія характеровъ восточнаго, греческаго и римскаго. Посмотримъ на предметы религіознаго обожанія: народы востока поклонялись олицетвореніямъ силъ природы, дѣйствующей на ихъ внѣшнее чувство; Греки обожали боговъ Олимпа — прекрасные человѣческіе образы, восхищавшіе ихъ фантазію и ея самою созданные; въ Римѣ религія тѣсно связана была съ ра-

счетами политическими, какъ это въ самомъ началѣ Римской исторіи выразилось въ мифѣ о Ромулѣ, въ политикѣ Нумы и пр. и какъ въ послѣдствіи выражалось въ обоготвореніи императоровъ и великихъ людей, во включеніи въ число римскихъ божествъ боговъ народовъ покоренныхъ, наконецъ, въ томъ, что главнѣйшими и почтеннѣйшими божествами у Римлянъ были тѣ, которые, сообразно намѣреніямъ правителей, возбуждали въ народѣ бранный духъ (напр. Марсъ, Беллона). Возьмемъ еще другую психологическую черту, весьма характеризующую жизнь народовъ древняго міра — страсть къ завоеваніямъ. Источникомъ ея у народовъ восточныхъ былъ чувственный инстинктъ, у Грековъ — героизмъ, у Римлянъ политическій расчетъ; цѣлю у восточныхъ народовъ была добыча, у Грековъ — слава, у Римлянъ — власть.

Итакъ Греціи суждено было быть представительницею молодости въ жизни древняго міра, а молодость изъ всѣхъ возрастовъ человѣческой жизни есть самый лучший и болѣе другихъ способный и удобный для образованія и всесторонняго развитія.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію болѣе частныхъ причинъ успѣховъ образованности у древнихъ Грековъ. Начнемъ съ психологическихъ.

Мы сказали, что природныя силы греческаго духа, какъ силы возраста молодого, преимущественно способны были къ образованію и развитію. Только въ молодомъ юношескомъ возрастѣ человѣка самосознаніе впервые раскрываетъ предъ нимъ всю сокровищницу его духовной жизни со всѣми ея потребностями, со всѣми ея силами. Человѣкъ впервые здѣсь сознаетъ все величіе наслажденій, происходящихъ отъ развитія этихъ силъ, отъ удовлетворенія этимъ потребностямъ. Въ немъ является жажда духовныхъ наслажденій, потребность развивать свои духовныя силы, удовлетворять своимъ духовнымъ требованіямъ. Эта жажда, эта потребность духовнаго развитія и есть главнѣйшее побужденіе, существенный характеръ духовной жизни и дѣятельности въ юношескомъ возрастѣ, а потому и есть главнѣйшее основаніе для успѣховъ

образованности въ этомъ возрастѣ. Эта жажда, эта потребность духовнаго развитія и придаютъ духовнымъ силамъ молодого возраста ту живость, ту быстроту, ту энергію, то постоянство въ стремленіи къ духовному развитію, которыя служатъ причиною великихъ, быстрыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ легкихъ успѣховъ образованности въ юношескомъ возрастѣ. Потребность духовнаго развитія простирается здѣсь не на одну какую либо силу души, но на всѣ силы, потому что въ развитіи каждой духовной силы само сознание указываетъ человѣку высокое духовное наслажденіе, а это и служитъ причиною, что образованность оказываетъ въ юношескомъ возрастѣ не только быстрые и великіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и всесторонніе успѣхи — умственные, эстетическіе и пр. Такихъ счастливыхъ условій для образованія духовныхъ силъ человѣка не можетъ представиться ни въ какомъ другомъ возрастѣ.

Итакъ, только въ юношескомъ возрастѣ, при первомъ пробужденіи духовныхъ силъ, при первомъ, еще не охлажденномъ опытомъ и разочарованіемъ сознаниі высокыхъ наслажденій, достигаемыхъ чрезъ развитіе духовное, только въ юношескомъ возрастѣ потребность духовнаго развитія, возбуждающая всѣ силы духа къ быстрой, неослабной энергической дѣятельности, бываетъ внутреннею, существенною и необходимою потребностью духа, главнымъ основаніемъ и побужденіемъ, такъ сказать, главною задачею всей жизни и дѣятельности. Въ этомъ и заключается психологическая тайна преимущественныхъ предъ другими возрастами успѣховъ въ образованности юношескаго возраста.

Что можно сказать о каждой индивидуальной личности, то можетъ быть примѣнено и къ цѣлымъ народамъ, которые въ своемъ развитіи подлежатъ тѣмъ же законамъ. Жизнь народа греческаго, какъ мы сказали, была юношескимъ возрастомъ древней общечеловѣческой жизни. Въ Грекахъ впервые сознательно пробудились духовныя силы человѣчества. Греки первые стали понимать высоту духовныхъ интересовъ, духовныхъ цѣлей, духовныхъ наслажденій. Конечно, и въ народахъ востока, предшественникахъ Грековъ на поприщѣ

всемірноисторической жизни, были духовныя силы, но они находились у нихъ въ состояніи усыпленія, не были еще вызвагы къ дѣятельности. По временамъ пробуждались эти силы къ довольно энергической дѣятельности, но возбуждались не силою внутренняго самосознанія, а внѣшними впечатлѣніями природы. Оттого на всѣхъ произведеніяхъ духовной дѣятельности востока видна печать не духа дѣйствующаго, но чувственной природы. Религія восточныхъ народовъ состояла въ обоготвореніи силъ природы; философія теряется въ мистическомъ созерцаніи природы; искусство большею частію выражаетъ идею безпредѣльнаго могущества природы; жизнь политическая основывается на началахъ чувственныхъ; жизнь нравственная не знаетъ ни добра, ни зла, кромѣ чувственнаго. Въ Грекахъ мы видимъ совсѣмъ другое. Какъ на всѣхъ произведеніяхъ духа восточнаго видна печать вызывающей къ творчеству природы, такъ на всѣхъ произведеніяхъ духа греческаго видна печать творящаго духа. Какъ на востокѣ вездѣ выступаетъ природа, такъ въ Греціи вездѣ человѣкъ. Здѣсь религія обожаетъ прекрасные человѣческіе образы; философія полагаетъ исходнымъ пунктомъ своихъ изслѣдованій познаніе законовъ человѣческаго духа; искусство плѣняетъ красотою и опредѣленностью человѣческихъ формъ; жизнь политическая основывается на возможномъ въ то время пониманіи потребностей человѣка; жизнь нравственная возбуждается интересами духовными.

Такъ въ Грекахъ духовная жизнь человѣчества обратилась отъ впечатлѣній чувственной природы къ силамъ собственнаго духа и преобразовалась изъ дѣтской чувственно-воспримчивой въ юношескую духовно-самосознательную. И мы можемъ даже видѣть самый процессъ этого видоизмѣненія — въ образованіи древне-греческой, много сходной съ восточною, натуралистической религіи (извѣстной лишь изъ нѣсколькихъ мифовъ и преданій) въ позднѣйшую собственно-греческую антрополическую и антропатическую, — въ переходѣ философіи отъ космогоническихъ воззрѣній древнихъ философовъ къ собственно-психологическимъ началамъ, — въ переходѣ поэзіи отъ лирическихъ гимновъ природѣ древнихъ мифическихъ поэтовъ

въ эпопею и драму, — даже въ преобразованіи прежняго деспотическаго образа правленія въ позднѣйшій республиканскій, дающій болѣе простора и свободы пылкимъ стремленіямъ только что сознательно пробужденнаго юнаго духа.

Вотъ важнѣйшее народно-психологическое основаніе успѣховъ образованности у Грековъ.

Что любовь къ знанію, истинѣ и красотѣ и стремленіе къ умственному и эстетическому образованію въ жизни греческаго народа были не какимъ либо внѣшнимъ и случайнымъ дѣломъ, а внутреннею, необходимою и существенною потребностью народнаго духа — доказательствомъ тому служить всеобщность такихъ проявленій въ греческомъ духѣ. Ни одинъ не только изъ древнихъ, но даже и новѣйшихъ народовъ не представляетъ намъ такого всеобщаго сочувствія къ интересамъ истины и красоты, такого всеобщаго стремленія къ умственному и эстетическому образованію, какъ Греки. У Грековъ философія не была потребностью и достояніемъ немногихъ избранныхъ, не была предметомъ занятій кабинетныхъ, а была общедоступною и общелюбимою школою знанія. Въ Греціи произведенія искусства не хранились въ частныхъ рукахъ знатныхъ любителей и покровителей его, а были достояніемъ общественнымъ, предметомъ услажденія каждаго Грека. Каждый Грекъ, не смотря на незначительность своего положенія, достоянія и занятій, считалъ непремѣннымъ долгомъ и сознавалъ свое право участвовать въ ходѣ общественнаго образованія, имѣть свои философскія убѣжденія, быть знатокомъ и цѣнителемъ изящныхъ искусствъ и пр.

Это всеобщее стремленіе Грековъ къ умственному и эстетическому образованію, какъ главнѣйшее основаніе успѣха въ греческой образованности, такъ вошло въ ихъ плоть и кровь и сдѣлалось внутреннею потребностью ихъ народнаго духа, что и по утратѣ своего политическаго могущества и политической независимости, Греція сохранила свой философскій и эстетическій духъ. Подпавши подъ иго римскаго владычества, по словамъ одного изъ римскихъ писателей, *Graecia capta ferum victorem* (Римъ) *cepit et artes intulit*. Въ мірѣ

христіанскомъ силы греческаго духа, хотя уже и надломленныя, проявили себя высокимъ образованіемъ знаменитѣйшихъ отцовъ и учителей церкви. И до настоящаго времени всѣ просвѣщенные народы чувствуютъ на себѣ образовательное и воспитательное вліяніе древней Греціи, изученіе которой преимущественно положено въ основу общаго образованія всего просвѣщеннаго міра; особенно это долженъ сознавать славянскій міръ, тѣсно связанный съ Греціею разнообразными узами.

Благодаря богатымъ силамъ своего юнаго духа, при внутреннемъ и врожденномъ стремленіи и любви къ высокимъ интересамъ умственнаго и эстетическаго развитія, греческая образованность получила всемірно-историческое значеніе и удивляетъ

а) своею быстротою: какъ быстро развивалась греческая образованность — достаточно вспомнить, сколько отъ каждаго періода греческой исторіи дошло до насъ великихъ именъ и вѣковыхъ произведеній науки и искусства;

б) своимъ стройнымъ послѣдовательнымъ развитіемъ: нигдѣ образованность не развивалась такъ послѣдовательно, стройно, какъ въ Греціи и нигдѣ исторія философіи и литературы не представляетъ намъ такой системы, какъ греческая;

в) своею высотой: на какую высоту возведена была у Грековъ умственная и эстетическая образованность — довольно припомнить, что и въ мірѣ христіанскомъ степень философскаго и эстетическаго образованія греческаго долгое время считалась геркулесовыми столбами философіи и искусства, и произведенія греческой философіи и искусства признавались за исключительный идеаль непогрѣшимости и совершенства, отъ котораго отступать и далѣе простираться считалось невозможнымъ и даже вреднымъ для науки и искусства. И въ позднѣйшее время, когда уже возникли новые идеалы, такъ называемая новѣйшая оригинальная философія часто обогащала свои системы переодѣтыми только въ новыя формы древними греческими воззрѣніями, и новѣйшее искусство раз-

цвѣчиваетъ свои произведенія красотами древняго классическаго искусства. Присущее греческому національному духу стремленіе къ высшимъ духовнымъ интересамъ не удовлетворялось развитіемъ одной какой либо отрасли духовнаго образованія, но возбуждало грековъ къ всестороннему образованію. Полнота и всесторонность есть замѣчательная и изумительная черта греческаго образованія. До настоящаго времени, можно сказать, не открыто ни одного пути въ сферѣ философскихъ изысканій, который не былъ бы пройденъ греками; нѣтъ ни одного рода и даже вида искусства, который не былъ бы возведенъ Греками до высокаго совершенства; нѣтъ даже ни одной науки, которая, хотя въ общихъ основаніяхъ, не была бы съ успѣхомъ обрабатываема Греками. Конечно, не всѣ силы греческаго духа развивались въ равной мѣрѣ и не всѣ отрасли образованія возведены у Грековъ до равнаго высокаго совершенства. Греки, какъ представители юности человечества, жили преимущественно подъ вліяніемъ фантазіи; отъ того изящно-эстетическое образованіе у нихъ преобладало предъ строго научнымъ; но это нисколько не препятствовало, даже, можно сказать, способствовало успѣхамъ этого послѣдняго. Образы фантазіи и эстетическое изящество проникали у Грековъ въ область собственно умственной дѣятельности (какъ это видимъ, напр., въ философіи у Платона, въ исторіи у Геродота) и хотя, быть можетъ, нѣсколько отнимали у нея ея отвлеченной строгости, точности и глубины, за то сообщали ей болѣе живости, энергіи и изящества. Отъ этого философія и другія отвлеченныя науки въ Греціи получали наибольшую общедоступность и общепригодность, что не мало могло способствовать распространенію между Греками успѣховъ образованности. Не то было у другихъ народовъ древняго міра, не совмѣщавшихъ въ себѣ такихъ счастливыхъ условій, какія выпали на долю Грековъ. Народы востока, какъ представители дѣтскаго возраста древней общечеловѣческой жизни, подобно дѣтямъ, не

могли еще возвыситься до пониманія высшихъ интересовъ духовнаго образованія. Поэтому стремленіе къ умственному и эстетическому образованію у народовъ востока не могло быть внутреннею существенною потребностью народной жизни: оно обнаруживалось лишь у немногихъ избранныхъ и далеко не пользовалось такою всеобщностью, какъ у Грековъ. Большинство на востокѣ смотрѣло на науку и искусство, какъ на тайну высшаго избраннаго класса людей, которую проникать простому человѣку невозможно и даже преступно, и на жрецовъ науки и искусства смотрѣло, какъ на высокія непонятныя существа, какъ дѣти часто смотрятъ на образованныхъ взрослыхъ людей. Вслѣдствіе этого успѣхи умственной и эстетической образованности у народовъ востока не могли достигнуть такой высоты и особенно развиваться такъ быстро, съ такою систематическою послѣдовательностію, простираясь на всѣ отрасли умственной и эстетической образованности, на всѣ силы духа, какъ у Грековъ. Эти успѣхи, если и обнаруживались, были результатомъ не внутренняго сознательнаго стремленія, а вызывались внѣшнимъ дѣйствіемъ чувственныхъ впечатлѣній. Поэтому-то успѣхи образованности на востокѣ обнаруживались только при благоприятномъ степеніи внѣшнихъ условій и у восточныхъ народовъ развиты были только тѣ отрасли духовнаго образованія, которыя наиболѣе отражаютъ не столько внутренній духовно-сознательный, сколько внѣшній чувственный міръ. Такъ изъ всѣхъ направленій философскихъ на востокѣ развился почти исключительно только мистическій натурализмъ, или натуралистическій пантеизмъ, изъ всѣхъ наукъ — науки естественныя, изъ всѣхъ искусствъ — по преимуществу зодчество.

Римляне, жившіе въ зрѣломъ возрастѣ древнечеловѣческой жизни, въ томъ возрастѣ, въ которомъ высшіе духовные интересы отодвигаются уже на второй планъ и уступаютъ мѣсто болѣе положительнымъ, практическимъ, — въ періодѣ своего всемірно-историческаго значенія во времена республики, считали главною исключительно важною и достойною всецѣлаго вниманія задачею своей жизни — занятія политиче-

скія, а если и отдавались умственнымъ и эстетическимъ интересамъ, то и сюда вносили свои политическія тенденціи. Оттого у Римлянъ изъ всѣхъ направленій философскихъ принялось только болѣе практическое направленіе стоиковъ, изъ всѣхъ наукъ развилась наука права, какъ основаніе политическаго строя, — исторія, какъ зеркало жизни политической, — изъ всѣхъ искусствъ — искусство краснорѣчія въ его судебномъ и политическомъ значеніи. Очевидно, что такой характеръ и такія условія жизни римской не могли имѣть такого возбуждающаго значенія и вліянія на развитіе высшихъ умственныхъ и нравственныхъ интересовъ, какъ это было у Грековъ.

Высокому развитію образованности у древнихъ Грековъ благоприятствовали и географическія условія страны, въ которой они жили.

Греція лежала въ умѣренномъ поясѣ; климатъ ея также сравнительно можно назвать умѣреннымъ; производительность ея почвы была посредственною; въ началѣ она доставляла самыя скудныя средства для жизни, и только послѣ долгаго труда и переработки щедро награждала своихъ обитателей естественными дарами. Все это имѣло большое вліяніе на духовное развитіе грековъ и способствовало пробужденію ихъ духовныхъ силъ. На востокѣ жаркій климатъ разслаблялъ и усыплялъ физическія и духовныя силы; въ Греціи климатъ умѣренный, во многихъ мѣстахъ почти суровый, пробуждалъ и укрѣплялъ тѣло и духъ. Чрезвычайное богатство природы восточной подавляетъ своими впечатлѣніями духъ человѣка и, безъ труда доставляя ему разнообразныя удобства жизни, располагало его къ лѣнѣ и бездѣтельности; въ Греціи природа вызывала и возбуждала дѣятельность человѣка, онъ долженъ былъ трудомъ преобразовать ее, подчинить себѣ, добывать удобства жизни и пр. Оттого-то на востокѣ, какъ мы уже замѣчали, на всѣхъ произведеніяхъ духовной жизни лежала печать подчиняющей себѣ природы; напротивъ, на всѣхъ проявленіяхъ

жизни греческой положилъ свою самостоятельную печать подчинившій себѣ внѣшнюю природу духъ человѣка. Оттого на востоцѣхъ человѣчество провело дѣтскій чувственно-впечатлительный возрастъ своей жизни, а въ Греціи вступило въ духовно-сознательную жизнь юношескаго возраста.

Далѣе, при небольшомъ пространствѣ своей территории, Греція представляла величайшее разнообразіе въ устройствѣ своей поверхности, въ своемъ климатѣ, въ разнообразіи естественныхъ произведеній; путешественники въ одинъ мѣсяць находили здѣсь всѣ четыре времени года съ соотвѣтственными имъ климатами и произведеніями. Такое разнообразіе природы производило разнообразіе греческихъ организацій, разнообразіе поколѣній греческаго народа, разнообразіе ихъ характеровъ, а это въ свою очередь способствовало разносторонности греческаго образованія.

Наконецъ, Греція была страна приморская: значительную часть ея территории составляли многочисленные большіе и мелкіе острова; множество греческихъ колоній разсѣяно было по берегамъ морей. Материкъ собственно Греціи представлялъ множество естественныхъ, образованныхъ самою природою пунктовъ сообщенія съ моремъ, большихъ и малыхъ заливовъ, естественныхъ пристаней и т. п., какое едва ли можно найти въ какой либо другой странѣ. Замѣтимъ еще, что море, съ которымъ Греція имѣла такъ много пунктовъ соприкосновенія, было море Средиземное, около котораго кипѣла вся жизнь древняго историческаго міра, на берегахъ котораго жили предшественники всемірно-историческаго значенія Греціи — Египтяне, Финикіяне и др. Все это представляло Грекамъ величайшія удобства для сношеній съ другими народами. Какъ рано начались эти сношенія и какое вліяніе имѣли они на развитіе греческаго духа — показываютъ намъ преданія о древнихъ восточныхъ переселенцахъ (Кекропѣ, Кадмѣ, Данаѣ и др.), исторія Троянской войны и пр. Эти сношенія способствовали съ одной стороны пробужденію разнообразной и разносторонней дѣятельности греческаго духа, а съ другой — представляли для этой дѣятельности богатый

опытъ и матеріалъ въ жизни народовъ древнѣйшихъ, опередившихъ Грековъ на поприщѣ исторіи и успѣвшихъ ранѣе ихъ достигнуть извѣстной степени развитія. Новѣйшая историческая критика старается заподозрить достовѣрность древнихъ сношеній Грековъ съ восточными народами и преимущественно отвергнуть заимствование греческаго развитія изъ жизни восточной, опираясь главнымъ образомъ на томъ, что всѣ произведенія греческаго духа — религія, философія, искусство — имѣютъ самобытный характеръ, совершенно не похожій на характеръ духа восточнаго. Но Греки могли заимствовать у народовъ восточныхъ матеріалъ для духовнаго развитія и потомъ этотъ матеріалъ переработать, преобразовать въ свою собственную форму и приумножать его собственной самодѣятельностью. Все умственное богатство, пріобрѣтенное восточными народами, по совершеніи ими своего всемірно-историческаго призванія, могло перелиться (можно сказать, буквально — путемъ морскихъ сообщеній) въ Грецію и здѣсь принять новыя формы, именно изъ формъ жизни чувственно-впечатлительной преобразоваться въ формы жизни духовно-сознательной. Положительныя доказательства восточнаго вліянія на развитіе греческаго духа представляетъ намъ:

а) то, что первые представители греческаго образованія (философы Іонійской школы, поэты, не только древніе миѳическіе, но и самъ великій отецъ поэзіи Гомеръ) явились именно въ принадлежащей востоку малоазіатской части Греціи и на островахъ, а потомъ уже на европейскомъ материкѣ;

б) то, что греческая религія, философія и поэзія не вдругъ получили тотъ характеръ, въ которомъ являются намъ въ позднѣйшій собственно-историческій періодъ, но въ своемъ началѣ, какъ мы уже замѣтили, имѣли много сходнаго съ характеромъ религіи, философіи и поэзіи восточной.

Изъ внутреннихъ потребностей духа, при благоприятныхъ внѣшнихъ географическихъ условіяхъ, выродились формы политической жизни греческаго народа, имѣвшія въ

свою очередь также благотворное вліяніе на успѣхи греческой образованности.

Юная жизнь греческаго народа, какъ юность каждаго отдѣльнаго человѣка, стремилась къ быстрому развитію своихъ силъ, къ безпрепятственному обнаруженію своихъ пылкихъ порывовъ и потому отъ тѣхъ формъ, въ которыхъ она должна была явиться, какъ жизнь политическая, требовала полной свободы для своихъ проявленій. Оттого въ Греціи жизнь политическая принимаетъ характеръ свободы и является въ формахъ республики, которая представляла наилучшее условіе для распространенія и быстроты успѣховъ греческой образованности и способствовала тому, что умственные и эстетическія силы греческаго духа, вмѣстѣ съ нѣсколькими недозрѣлыми плодами, принесли много и прекрасныхъ и полезныхъ плодовъ образованія.

Далѣе, разнообразіе элементовъ, изъ которыхъ слагался характеръ греческаго народа, какъ характеръ юный, еще не опредѣлившійся, не сформировавшійся, находящійся, такъ сказать, въ состояніи броженія, живущій самыми разнообразными убѣжденіями, дѣйствующій по самымъ разнообразнымъ, часто противоположнымъ началамъ, — разнообразіе поколѣній греческаго народа и географическихъ условій Греціи, — внѣшняя изолированность составныхъ частей ея, — все это имѣло слѣдствіемъ въ политической жизни греческаго народа то, что онъ раздѣлился на множество отдѣльныхъ политическихъ обществъ, изъ которыхъ каждое имѣло собственное отдѣльное отъ другихъ правленіе, соотвѣтствовавшее его характеру. Но такъ какъ все разнообразіе этихъ отдѣльныхъ положеній и обществъ составляло одинъ народъ (не только въ собственно-этнографическомъ, но и политическомъ значеніи, какъ показываетъ исторія греческихъ республикъ, ихъ въ сущности родственныя, при наружномъ антагонизмѣ и соперничествѣ, отношенія между собою, вовсе не похожія на отношенія къ другимъ народамъ — варварамъ); такъ какъ все кажущееся разнообразіе и противоположность ихъ характеровъ представляло только разнообразіе элементовъ одного и

того же характера, а самое разнообразіе формъ политической жизни было различнымъ видоизмѣненіемъ одной и той же формы республиканскаго правленія: то вслѣдствіе этого должны были образоваться и дѣйствительно образовались пункты сообщенія и постоянныхъ сношеній всѣхъ отдѣльныхъ греческихъ обществъ между собою. Таковы были амфиктіони и въ особенности общественныя игры (олимпійскія, исемійскія, немейскія, піеійскія и много другихъ болѣе частныхъ). На этихъ средоточныхъ пунктахъ жизни греческой собиралось и сосредоточивалось все, что только могъ произвести лучшаго греческій духъ; сюда каждое отдѣльное общество, каждый городъ представлялъ на оцѣнку всей Греціи лучшія произведенія своей физической, умственной, эстетической жизни; здѣсь каждое отдѣльное общество получало поощреніе — развивать въ уровень съ другими силы своего частно-національнаго духа, возбуждалось къ соревнованію — не отставать отъ другихъ въ дѣлѣ духовнаго развитія. Все это, очевидно, имѣло великое вліяніе какъ на быстроту и силу, такъ и на разносторонность греческаго образованія. Какъ представленныя условія политической жизни могли способствовать успѣхамъ образованности — доказательствомъ тому въ новѣйшее время служила Германія до ея объединенія.

Наконецъ, стремленіе къ умственному и эстетическому образованію, составлявшее главнѣйшую потребность греческаго національнаго духа, вызвало въ Греціи и создало много политическихъ учрежденій въ пользу образованности; устроены были и состояли подъ особеннымъ покровительствомъ общества — общественныя школы; обращены были въ достояніе цѣлаго общества произведенія искусства; представители образованности — философы, художники пользовались почтеніемъ и любовію общества, уваженіемъ и покровительствомъ знатнѣйшихъ членовъ его и т. п. Нѣтъ нужды доказывать, какъ все это могло благоприятствовать успѣхамъ греческой образованности.

Изъ внутреннихъ потребностей греческаго національнаго духа и внѣшнихъ географическихъ условій его развитія, выразившихся въ различныхъ формахъ и учрежденіяхъ жизни политической, выродилась историческая жизнь греческаго народа, имѣвшая благопріятное вліяніе на успѣхи греческой образованности. Справедливо говорятъ, что образованность какъ частныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ есть результатъ ихъ жизни. Образованность лицъ и народа предполагаетъ развитіе личнаго и народнаго сознанія, а развитіе сознанія у лица и народа совершается по мѣрѣ развитія его жизни. Сказать проще: человѣкъ и народъ тогда только начинаютъ сознавать себя, свою жизнь и все имѣющее соприкосновеніе съ нею, когда у него накапливается довольно матеріала для такого сознанія, довольно жизни, довольно проявленій внутреннихъ силъ и соприкосновеній съ внѣшнимъ міромъ. Оттого-то мы видимъ, что чѣмъ полнѣе, богаче, разнообразнѣе раскрылась жизнь извѣстнаго народа въ ея внутреннихъ проявленіяхъ и внѣшнихъ отношеніяхъ, тѣмъ съ большею силою развилось у него сознаніе, тѣмъ болѣе успѣховъ имѣла у него умственная и эстетическая образованность. Богатство, полнота и разнообразіе исторической жизни извѣстнаго народа двоякимъ образомъ способствуютъ его образованію: а) пробуждаютъ къ дѣятельности его духовныя силы — умъ, фантазію и др. и такимъ образомъ создаютъ философію, поэзію и вообще искусство; б) даютъ обильный матеріалъ для этой дѣятельности — предметъ для мысли и фантазіи и такимъ образомъ питаютъ философію, искусство и пр. Въ томъ и другомъ отношеніи жизнь народа греческаго представляла великія преимущества предъ жизнью другихъ народовъ древняго міра. Это была жизнь пылкая, энергическая, какъ пылокъ и энергиченъ былъ юный характеръ греческаго народа, — жизнь разнообразная, какъ разнообразны были элементы, изъ которыхъ сложился этотъ характеръ, какъ разнообразны были внѣшнія обстоятельства, вызвавшія дѣятельность этого характера, — жизнь открытая и свободная, какъ открытъ характеръ юноши, какъ свободны политическія формы, въ которыхъ вы-

разилась жизнь греческая. Эта жизнь, какъ юная, была полна и самыхъ высокихъ стремлений, и самыхъ пылкихъ страстей, и самыхъ прекрасныхъ примѣровъ героизма, самопожертвованія, любви, и самыхъ горькихъ заблужденій, ошибокъ и т. п. Въ этой жизни не могли не пробудиться умъ и фантазія, и притомъ тотъ молодой умъ и та юная фантазія, которыми одарены были Греки. Въ этой жизни былъ богатѣйшій матеріалъ и для мысли философа, и для фантазіи художника. Вотъ почему не только древніе, но и новѣйшіе мыслители и художники, какъ мы уже упоминали, любятъ обращаться къ жизни греческой, любятъ созерцать и изображать духъ человѣческой въ тѣхъ прекрасныхъ формахъ, подъ которыми выразился онъ у Грековъ.

Таковы главнѣйшія и второстепенныя, общія и частныя, внутреннія и внѣшнія основанія успѣховъ образованности у древнихъ Грековъ, въ жизни которыхъ счастливо совмѣстились всѣ необходимыя для образованія условія — и народно-психологическія, и географическія, и политическія, и историческія.

Вопросникъ

для психолог. изслѣдованія о первыхъ воспоминаніяхъ дѣтства.

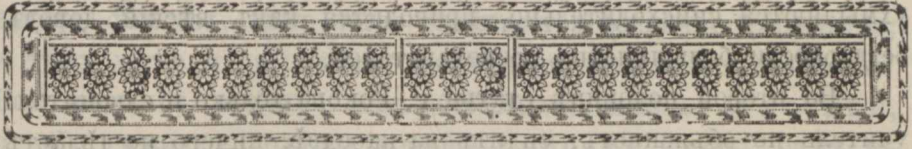
(«Вопр. псих. и фил.» 1895. 2.)

Въ психологической литературѣ есть нѣсколько наблюденій о томъ, какіе первые факты нашего дѣтства мы помнимъ и какому возрасту они соотвѣтствуютъ, но еще не существуетъ спеціальнаго изученія этого вопроса, который представляетъ не малую важность для психологіи. Это изученіе я предполагаю сдѣлать помощью ниже-слѣдующаго вопросника, и буду весьма благодаренъ всѣмъ лицамъ, которыя пришлютъ мнѣ отвѣты, если не на всѣ, то хоть на нѣкоторые вопросы.

- 1) Возрастъ и главнѣйшія занятія.
- 2) Способны ли вы представлять себѣ зрительно какой-нибудь предметъ или какое-нибудь лицо? напримѣръ, представляете ли вы себѣ яблоко, лампу и т. д.?
- 3) Бываютъ ли у васъ слуховыя представленія? напримѣръ, слышите вы «внутренно» голосъ знакомаго вамъ человѣка, или музыкальное произведеніе.
- 4) Какое первое воспоминаніе вашего дѣтства? Прошу описать возможно подробно это воспоминаніе, и сообщить, насколько оно ясно, какимъ образомъ оно проявляется и какому возрасту оно соотвѣтствуетъ?
- 5) Имѣлъ ли какое-нибудь значеніе въ вашей жизни тотъ фактъ, о которомъ вы помните, и какое?
- 6) Рассказывали ли вамъ про этотъ фактъ, или это воспоминаніе явилось само, непосредственно?
- 7) Объясняете ли вы себѣ какъ-нибудь это первое воспоминаніе и какъ?
- 8) Какое второе воспоминаніе изъ вашего дѣтства? Какой промежутокъ времени раздѣляетъ это воспоминаніе отъ перваго?
- 9) Начиная съ какого возраста помните вы цѣлый рядъ фактовъ, но еще не связанныхъ между собою? Какимъ образомъ являются у васъ эти воспоминанія?
- 10) Съ какого возраста начинаете вы помнить вашу жизнь, т.-е. цѣлый рядъ фактовъ, связанныхъ между собою?
- 11) Съ какого возраста начинаете вы помнить вашъ собственный голосъ и ваше «я»?
- 12) Имѣете ли вы воспоминанія вашего дѣтства во снѣ? Какія и какъ они проявляются?

Отвѣты на этотъ вопросникъ я прошу присылать мнѣ въ Лейпцигъ (Германія), Johannis Allee, 12—II.

Викторъ Анри.

Обученіе и заучиваніе.

Психологическія соображенія

(по поводу статьи г. Рокова въ № 1 «Вѣстн. Восп.»).

Б. Краевскій, Харьковъ.

Мой уважаемый товарищ В. И. Харціевъ выказалъ*) не-
состоятельность работы г. Рокова съ общей и бытовой точки
зрѣнія. Такимъ образомъ предоставляется мнѣ болѣе завидная
половина задачи поговорить о промахахъ сотрудника «Вѣстника
Воспитанія» въ области педагогической психологіи. Я говорю,
что эта задача представляется менѣе безотрадной, потому что
г. Роковъ въ этой области долженъ былъ заимствовать (хотя
и не впопадъ) у умныхъ людей.

Мы, конечно, не ожидаемъ, что г. Роковъ пожелаетъ ис-
толковать нашъ интересъ къ затронутымъ имъ вопросамъ... въ
свою пользу. На всякій случай можемъ его увѣрить, что все
это дѣлается не въ видахъ его перевоспитанія, но въ видахъ
общественной пользы. Ежели однако онъ сумѣетъ извлечь
назиданіе для себя, то это, конечно, будетъ для насъ очень
пріятно.

«Учитель не объяснял! Урока совсѣмъ не объясняли!»
Это излюбленная отговорка всѣхъ рѣшительно младшихъ
учениковъ, допрашиваемыхъ родителями, почему они получаютъ
единицы. Она вошла въ поговорку, пословицу почти... И эта
наивная ложь, на которую даже малюки коллеги виновника

*) «Пед. Еж.» № 8.

ухмыляются снисходительно, приводится какъ вѣскій доводъ бездарности большинства преподавателей.

Во второй половинѣ статьи г. Рокова только и слышится: учитель не объясняетъ, сидитъ на каедрѣ, ничего не дѣлаетъ и т. п. Хотя мой коллега произнесъ уже свой справедливый приговоръ обо всей статьѣ, я предпочитаю вооружиться двумя главными добродѣтелями педагога — терпѣніемъ и снисходительностью и доискиваться если не самаго смысла, то хотя бы его слѣдовъ, гѣни. Я готовъ предположить, что у почтеннаго сотрудника «В—ка В—нія» были даже кое-какія дѣльные мысли, но онъ не сумѣлъ ихъ только выразить. Я подозреваю, что авторъ, твердя о томъ, что преподаватели «не объясняютъ», хотѣлъ сказать, что у насъ мало примѣняется «раціональный методъ преподаванія». Это, конечно, одно мое предположеніе, а авторъ, чего добраго, можетъ быть и не слыхалъ даже обо всемъ этомъ. На всякій случай объ этомъ не мѣшаетъ поговорить.

Дѣйствительно, было недавно время, когда очень много говорилось о раціональномъ преподаваніи, и пишущій эти строки не одинъ изъ послѣднихъ, примѣнявшихъ его на дѣлѣ. Но увлекаться нельзя и раціональнымъ методомъ, особенно въ нисшихъ классахъ онъ требуетъ большой содержанности. Самый элементарный и самый первичный путь обогащенія ума всегда останется эмпирической. Любой дикарь изучаетъ старательнѣе иного натуралиста до мелочей природу, но его объясненія дышутъ крайней наивностью съ нашей точки зрѣнія. Если спросите его о причинѣ подмѣченныхъ имъ явленій, то вы наткнетесь на самые вычурные предразсудки и суевѣрія или же резоны слабѣе... резонъ сотрудника «В—ка В—нія». Тоже имѣетъ мѣсто у всѣхъ мало развитыхъ людей, нашихъ крестьянъ, ремесленниковъ и т. д. Явленіе это вполнѣ естественное и вытекаетъ изъ того, что въ данномъ случаѣ реальными являются одни факты, одни явленія природы и какъ таковыя они болѣе доступны, чѣмъ отвлеченная причинная связь между ними. Заключение о причинной связи требуетъ массы предварительныхъ наблюдений. Чѣмъ богаче

выборъ фактовъ, тѣмъ легче замѣчаются различія и сходства, и тѣмъ легче и правильнѣе устанавливается ихъ соотношеніе. Всѣ люди съ раннихъ лѣтъ безсознательные статистики, и всѣ, очевидно, должны раньше собрать факты, чѣмъ въ нихъ разобраться.

Самый терминъ заключать а posteriori служить подтвержденіемъ сказанному, потому что всѣ мы заключаемъ а posteriori, и если говорятъ объ апіорномъ сужденіи, то это все же значить, что выводъ сдѣланъ только въ виду новой группы фактовъ, но на основаніи необозримой массы наблюдений всей прежней житейской практики.

Приходится сожалѣть, что сотрудники «В—ка В—нія» не читають даже произведеній другъ друга. Если бы авторъ познакомился съ предыдущей статьёй, быть можетъ, и его собственная выиграла бы отъ этого.

Дѣло въ томъ, что статья «О вопросахъ дѣтей» кромѣ здравыхъ мыслей даетъ намъ факты и вовсе не походитъ на болтовню, въ которой мы разбираемся въ данномъ случаѣ.

Въ цитированной статьѣ авторъ ея сначала замѣчаетъ, что дѣти въ возрастѣ отъ 6—8 лѣтъ забрасываютъ взрослыхъ массой вопросовъ. Во-вторыхъ, автора поражаетъ пустячность этихъ вопросовъ. «Почему бѣжитъ лошадь?» «Почему летитъ птичка?» спрашиваютъ, по автору, умныя и довольно развитыя дѣти.

Явленіе это служитъ иллюстраціей для только что сказаннаго нами. Изъ него видно, во-первыхъ, что вопросы съ «почему», т. е. вопросы о причинѣ явленій, являются сравнительно поздно. Ребенокъ, какъ извѣстно, начинаетъ говорить съ 2 лѣтъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ онъ то и дѣло говорить о лошадкѣ, о птичкахъ, бѣгаетъ самъ и видитъ, какъ другіе бѣгаютъ, но вопросъ, почему все это такъ происходитъ, всплываетъ лишь спустя 6 длинныхъ лѣтъ. Во-вторыхъ, онъ всплываетъ въ какой-то зачаточной, наивной, неопредѣленной формѣ, хотя ребенокъ въ остальномъ смѣтливъ и расторопенъ.

Ко всему этому можно еще отъ себя прибавить, что и эти наивные вопросы являются далеко не часто и слышатся

обыкновенно изъ устъ много старшихъ дѣтей; что они, наконецъ, способны озадачить, въ свою очередь, взрослыхъ, которые склонны считать такіе вопросы лишними, бессмысленными, неумѣстными, и что, чѣмъ обыкновеннѣе обыденное явленіе, тѣмъ рѣже возникаетъ о немъ вопросъ и тѣмъ труднѣе на него отвѣтить.

Слѣдуетъ ли мнѣ еще говорить о томъ, что и образованное человѣчество не знаетъ всѣхъ первоначальныхъ причинъ, что и оно окружается аксіомами и догмами. Я этимъ, конечно, не отрицаю значенія всѣхъ умозрительныхъ изысканій. Но все же несомнѣнно то, что когда въ эпоху схоластики и діалектизма вплоть до Гегеля люди отказались отъ эмпиризма и, не располагая запасомъ фактическихъ данныхъ, пытались найти отвѣты всѣмъ «почему», результаты получались очень жалкіе.

Сколько столѣтій прошло, сколько зоологовъ и ботаниковъ систематиковъ потрудились раньше, чѣмъ создалась теорія Дарвина? Сколько лѣтъ наблюдались небесныя свѣтила, регистрировались звѣзды, пока явилась теорія Канта и Лапласа?

Возвращаясь къ нашему исходному положенію, я готовъ утверждать, что аподиктический методъ не долженъ изгоняться, по крайней мѣрѣ, изъ начальнаго курса, такъ какъ онъ наиболѣе соответствуетъ эмпиризму естественнаго развитія человѣка. Все преподаваемое въ раннемъ возрастѣ должно быть просто и сжато; безконечная цѣнь причинъ и слѣдствій можетъ скорѣе утратить слабый умъ, чѣмъ облегчить ему работу усвоенія.

Лишь когда сооружены и укрѣплены столбы, можно ихъ соединять сводами и оплетать вѣнками, не опасаясь, что все сложное сооруженіе обрушится.

Я готовъ пойти дальше и готовъ утверждать, что самое накопленіе положительныхъ знаній въ формѣ отдѣльныхъ фактовъ должно роковымъ образомъ вести къ сближенію ихъ и сліянію ихъ въ самомъ мозгу.

Ошибочно предполагать, будто бы раціональный элементъ возбуждаетъ исключительно интересъ. Кто не знаетъ простыхъ

явленій наслѣдственности, того мало касаются современныя научныя гипотезы Вейсмана. Кто не знакомъ съ химическими элементами, тому нѣтъ дѣла до теоріи эквивалентовъ.

Относительно облегченія дѣла я уже выразилъ свое сомнѣніе. Ассоціація по причинности, пожалуй, самая высшая форма умственной работы. Сколько сомнѣній было высказано по поводу ея Юмомъ, который въ сознаніи видитъ «рядъ или сумму самостоятельныхъ представленій», а причину и дѣйствіе считаетъ совершенно обособленными и различными въ мірѣ. Какъ бы то ни было, ассоціаціи по сходству и по смежности во времени и пространству болѣе доступны и опредѣленны.

Изъ сказаннаго уже видно, что дѣло не такъ просто, какъ оно представлялось въ душевной простотѣ г. Рокову. Но онъ долженъ еще болѣе удивиться, когда узнаетъ, что по Ренувье «всѣ эти случаи ассоціацій сводятся къ великому закону привычки, въ силу которой однажды возникшія связи имѣютъ склонность къ возобновленію. Основаніемъ этого закона, по которому нервное возбужденіе легче идетъ по старой, проторенной дорогѣ, служить память нервного волокна, сохраняющаго въ себѣ слѣды процесса передачи нервного возбужденія». Слѣд., память есть нѣчто основное, первичное, и благодаря этому только, что нервы обладаютъ способностью сохранять впечатлѣнія, создается эта связь, которая названа ассоціаціей.

Г. Роковъ о памяти этой самой... самага дурного мнѣнія. Онъ обладаетъ вообще какими-то допотопными представленіями. Весь умъ представляется для него ларчикомъ съ очень толстыми перегородками; въ ящикахъ, плотно отдѣленныхъ этими перегородками, лежатъ въ одномъ память, въ другомъ разсудокъ, въ третьемъ мысль, въ четвертомъ пониманіе. Такія представленія не диковинка; онѣ являются у крайне лѣнивыхъ, пассивныхъ умовъ, знающихъ обо всемъ «по наслышкѣ». Когда извѣстны одни слова, названія, то весьма естественно всякое слово кажется чѣмъ то отдѣльнымъ. Ежели бы г. Роковъ былъ, по крайней мѣрѣ, хоть крѣпче въ филологіи, то онъ, можетъ быть, вспомнилъ бы, что у всѣхъ народовъ пом-

нить и понимать означено однимъ корнемъ. Но, видимо, г. Роковъ руководится исключительно обиходной мудростью и поэтому, когда ученикъ заучиваетъ, то, по его крайнему разумѣнью, онъ не можетъ понимать, а когда понимаетъ, то ему нѣтъ надобности запоминать. Учителя же всѣ, по мнѣнью того же самага г. Рокова, всѣ безъ исключенія (sic!) нечестные и бездарные, потому что не разучиваютъ всего урока въ классѣ, а заставляютъ дѣтей трудиться еще дома.

Такое бессмысленное, брошенное на вѣтеръ обвиненіе.. очень странно и смѣшно.

А сколько фразъ, сколько фразъ! Количество ихъ какъ разъ обратно пропорціонально смыслу.

На стр. 85 читаемъ: «большинство изъ студентовъ не знаетъ, что высокія истины и общія идеи даются только послѣ предварительной, кропотливой, упорной, часто скучной и утомительной работы». Это гладко сказано, такъ что жалко становится, когда на 98 стр. встрѣчаешь опроверженіе всему: «серьезный трудъ никогда не скученъ».

«Учитель не придаетъ большой важности качеству перевода, но по изстари заведенному обычаю прежде всего спрашиваетъ слова и немедленно приступаетъ къ грамматическому разбору.» Разъ Вы, г. Роковъ, исключаете лексическій и грамматическій элементъ, то позвольте, по крайней мѣрѣ, узнать, отъ чего же третьяго по Вашему зависитъ качество перевода? Да вообще есть ли что-нибудь третье!

«О развивающемъ умственную самостоятельность эвристическомъ методѣ мы зачастую, чего добраго, и не слышали даже» замѣчаетъ снисходя г. Роковъ, а въ другомъ мѣстѣ рекомендуетъ всѣмъ педагогамъ подражать Сократу. Казалось бы, что г. Роковъ знаетъ, что такое эвристическій методъ и читалъ брошюру «Сократъ какъ педагогъ». Но увы! Далѣе г. Роковъ возмущается тѣмъ, что учителя спрашиваютъ. О г. Роковъ, и Сократъ спрашивалъ, и весь эвристическій методъ состоитъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Значитъ, и въ этомъ случаѣ Вы знали терминъ, знали имя и... только.

Во всей статьѣ твердить г. Роковъ, что въ школѣ не

требуется ученья, что слѣдуетъ только объяснять да объяснять; учить ни одного предмета не нужно, а вдругъ дважды упрекаетъ школу въ томъ, что она не научила своихъ питомцевъ правильному и серьезному труду. Г. Роковъ ссылается при этомъ на «авторитеты». Серьезному и осмысленному труду нужно учиться. Это знаютъ даже неграмотные ремесленники, которые не даютъ сразу своимъ ученикамъ самостоятельной работы, а сперва заставляютъ приглядываться, присматриваться и учиться. Нѣтъ, г. Роковъ, Вы видимо и объ этомъ смыслите столько-же, сколько объ ученой матеріи. Я Вамъ даже не совѣтую спрашивать на счетъ этого «неграмотныхъ ремесленниковъ»: они, знаете, народъ простой, чего добраго... такое скажутъ. Если парнишка сначала къ дѣлу не допускается, то единственно потому, что онъ нуженъ для услуженія: хату замести, помой носить, въ городъ сбѣгать и т. п., а «зѣвать» ему не дозволяютъ; ужъ на счетъ этого не беспокойтесь. По этому поводу мнѣ какъ-то рассказывали ремесленники одинъ анекдотъ.

Нѣжная мать хотѣла отдать въ обученіе къ кузнецу своего сына, но страшно боялась, что, дескать, мальчуганъ обожжетъ себѣ руки, да и различными другими способами повредить себѣ. Вотъ пошла она съ сыномъ къ кузнецу и просила, чтобы тотъ разрѣшилъ повѣсить на стѣнѣ корзину и усадить въ ней мальчугана. Пять лѣтъ висѣлъ онъ на стѣнѣ, наконецъ и самъ то паренъ выросъ такъ, что не помѣщался въ корзину, и корзина поломалась, а когда науку пришлось примѣнить на дѣлѣ, то оказалось, что онъ столько смыслить въ кузнечномъ дѣлѣ, сколько г. Роковъ въ педагогіи (иначе говоря — ничего).

Впрочемъ, г. Роковъ все же смыслить въ педагогіи больше; онъ читаль... Дистервега. Конечно, Дистервегъ великій педагогъ и есть чѣмъ у него позаимствоваться. Жаль только, что г. Роковъ «роковымъ» образомъ наткнулся на мало существенное. Дистервегъ былъ неровной, крайне увлекающейся натурой, а въ увлеченіи и такіе умы впадаютъ въ крайности. Такое крайнее одностороннее мнѣніе и цитируется г. Роковымъ,

да при томъ сказанное объ одной геометріи можетъ не годиться въ примѣненіи къ другимъ предметамъ. Въ-третьихъ, психологія сдѣлала свои большіе успѣхи именно съ того времени, когда Дистервегъ кончилъ работать. Я не отличаюсь такою начитанностью, какъ г. Роковъ, и поэтому не знаю, по какому поводу и съ какимъ умысломъ сказаны Дистервегомъ слова: «Отъ учениковъ не требуется никакого утомительнаго набирания матеріаловъ, никакого такъ называемаго ученья и запоминанія. Кто помышляетъ о заучиваніи, пусть тотъ вовсе броситъ преподаваніе». Но въ такомъ обширномъ смыслѣ, какъ пользуется ими г. Роковъ, эти слова вызовутъ непременно много сомнѣній.

1) Если даже допустить, что на урокъ удалось бы обойтись безъ предварительной домашней подготовки, то всѣ трудности скоплялись бы такимъ образомъ на небольшой сравнительно промежутокъ времени. Занятіе должно было бы проходить несравненно интенсивнѣе, и утомленіе было бы несоразмѣрно*) бѣльшее, чѣмъ то, которое является результатомъ частичнаго преодоленія трудностей.

2) При такомъ методѣ преподаванія работаетъ исключительно сознательная сфера ума, что должно непременно еще усилить одностороннее утомленіе. («Когда мозгъ переходитъ отъ нормальнаго состоянія къ состоянію усиленнаго вниманія, то это явленіе аналогично съ тѣмъ, что испытываетъ человѣкъ, если онъ вмѣсто того, чтобы нести тяжесть на плечахъ, долженъ поддержать ее однимъ пальцемъ.»)**)

3) Исключена была бы вполне самостоятельность, инициатива въ тѣсномъ и обширномъ смыслѣ, т. е. достигнуть былъ бы противоположный желанному результатъ. Дѣло въ томъ, что вовлечь одновременно всѣхъ въ бесѣду при многолюдномъ классѣ нѣтъ физической возможности, притомъ во всѣхъ методахъ мысли все же направляются учителемъ, а не

*) Законы относительно меньшей производительности (болѣе быстрой истощаемости силъ) при усиленной работѣ установлены впервые Кронскеромъ. Любопытныхъ отсылаемъ къ прекрасной монографіи А. Моссо, Усталость (La Fatica). Популярн.-Научн. Библ. Ф. Павленкова.

***) Рибо, Психологія Вниманія.

учениками. Заключая со словъ, приведенныхъ г. Роковымъ, происходило у Дистервега нѣчто въ родѣ гипноза (обращенные взоры, неподвижность, крайне напряженное вниманіе); но и во всѣхъ случаяхъ вообще мы наблюдаемъ внушеніе не только со стороны учителя, но даже и со стороны отвѣчающаго ученика.

Не слѣдуетъ забывать стараго правила, по которому мы не должны стараться создать умъ ребенка, но только развивать его, не пролагая насильственно всѣхъ путей мысли, но предоставляя ей самой проторить ихъ естественно.

Какъ ни образцово была бы организована общественная школа, о ней всегда можно было бы сказать, что въ ней «воспитывается видъ, а не индивидуумъ», если бы именно домашнее воспитаніе не вознаграждало этого упущенія школы, давая просторъ личнымъ вкусамъ и наклонностямъ ученика.

Для иллюстраціи возьмемъ только самое простое психическое явленіе, именно — представленіе словъ. «У многихъ людей оно состоитъ въ двигательныхъ представленіяхъ, тогда какъ звуки и начертанія словъ проявляются лишь на второмъ планѣ, а у нѣкоторыхъ ихъ и совсѣмъ не бываетъ». Очевидно, для всѣхъ обладающихъ подобнымъ психическимъ складомъ повторять изучаемое слово является сущей необходимостью. Это, въ свою очередь, заставляетъ насъ болѣе снисходительно смотрѣть на методъ обученія въ еврейскихъ хедерахъ и еще кое-гдѣ въ начальныхъ школахъ.

Но «у другихъ представленіе слова», по тому же Гефдингу*), является въ сущности звуковымъ, а у иныхъ зрительнымъ представленіемъ и, наконецъ, у разныхъ индивидуумовъ можетъ преобладать то одинъ видъ, то другой словесныхъ представленій».

«Въ этомъ отношеніи», заканчиваетъ этотъ психологъ, «а равно что касается значенія словесныхъ представленій, въ жизни представленій вообще у разныхъ индивидуумовъ бываютъ большія различія».

*) Г. Гефдингъ, Очерки Психологіи, основанной на опытѣ.

Такое же различіе и такое же колебаніе границъ существуетъ между сферами сознательнаго и безсознательнаго.

Ученіе о безсознательныхъ отправленіяхъ мозга и широкое примѣненіе, которое сдѣлали изъ этого ученія такіе умы какъ Шопенгауеръ и Гартманъ, должны, по крайней мѣрѣ, заставить осмотрительно обращаться съ этимъ вопросомъ. Мы уже указывали на наивный и ни съ чѣмъ несообразный взглядъ г. Рокова на память. Почти въ томъ же приходится укорять и Дистервега, хотя, конечно, живи Дистервегъ не въ началѣ, а въ концѣ нынѣшняго столѣтія, мы не услышали бы вышеприведеннаго рѣзкаго его сужденія.

Механическая, если хотите, — автоматическая работа есть безусловно самая первичная форма труда; но и она способна давать блестящіе результаты. Если вѣрять психологамъ, то всѣ низшія животныя, неисключая муравьевъ и пчелъ, суть именно такіе автоматы. Ихъ безсознательному, привычному труду обязаны государства своей организаціей и гражданская жизнь своею стройностью.

Но и при воспитаніи идиотовъ и вообще душевно отста-
лыхъ дѣтей, у которыхъ сознание является очень слабо развитымъ, приходится ограничиваться исключительно механическимъ способомъ обученія, при чемъ достигаются сравнительно блестящіе результаты.

Въ дѣтскомъ возрастѣ, особенно въ ранней эпохѣ его, не дающій себѣ отчета эмпиризмъ является сильно преобладающей формой душевныхъ отправленій — явленіе, которое находитъ подтвержденіе и въ строеніи самаго мозга (незначительное количество корковаго вещества). Но и въ дни высшаго развитія сознательной жизни сфера безсознательнаго остается основой сознательныхъ дѣйствій, какой-то заколдованной огромной сокровищницей, гдѣ сохраняются всѣ опыты жизни человѣчества и всѣ благопріобрѣтенныя познанія. Изъ этихъ необозримыхъ запасовъ какъ бы по мановенію волшебнаго жезла всплываетъ всякій разъ подходящее.

«Я не колеблюсь утверждаю», говоритъ Гамильтонъ, «что то, что мы сознаемъ, слагается изъ того, чего мы не сознаемъ,

что все наше знаніе состоитъ въ сущности изъ неизвѣстнаго и не сознаваемого нами.»

Но мало того, сфера безсознательнаго не есть одна таинственная исполинская кладовая; это въ то же время таинственная лабораторія мысли.

«Когда намъ никакъ не удастся вызвать что-либо въ нашемъ воспоминаніи, то самое извѣстное средство», говоритъ Гефдингъ, «прекратить всякія попытки вспомнить и думать совсѣмъ о другомъ, и тогда вдругъ можетъ всплыть въ сознаніи отыскиваемое представленіе».

«Подобный же случай бываетъ и тогда, когда мы собрали матеріаль для какого-либо труда. Въ этомъ случаѣ насъ часто до такой степени подавляютъ подробности, что мы бываемъ не въ состояніи привести этотъ матеріаль въ порядокъ и систему. Въ самый разгаръ новой, посторонней дѣятельности и можетъ явиться внезапно въ сознаніи какъ бы самъ собою именно самый надлежащій способъ рѣшенія нашего вопроса. Безсознательная дѣятельность удалила то, что, быть можетъ, никогда бы не удалось прямой напряженной и сознательной работѣ.»

Точно тоже встрѣчаемъ мы и у другихъ психологовъ.

Рибо напр. идетъ еще далѣе и говоритъ о рѣшеніяхъ задачъ, научныхъ открытіяхъ, изобрѣтеніяхъ въ области искусствъ или механики, объ остроумныхъ комбинаціяхъ, являющихся какъ откровеніе во снѣ, и приводитъ примѣры Тартини, Кондорсе, Вольтера, Франклина и мн. др.

Но навѣрно даже у всякаго наблюдательнаго педагога наберется нѣсколько примѣровъ, какъ повидимому совершенно разсѣянный ученикъ въ состояніи запомнить сказанное, повторить таковое безсознательно и лишь впоследствии, сосредоточивъ вниманіе, осмысленно объяснить повторенное.

По этому поводу говоритъ часто цитируемый Гефдингъ: «Сознательная работа только прокладываетъ путь и затѣмъ все дѣло въ томъ, чтобы пустить въ ходъ безсознательныя приспособленія. И наоборотъ, можно совершенно механи-

чески усвоить нѣчто такое, чѣмъ потомъ постепенно овладѣеть сознание».

Правда, защитники взгляда Дистервега и сторонники исключительнаго сознательнаго труда могли бы возразить намъ, что хотя обоими путями можетъ быть достигнута одна и таже цѣль, но разумному существу подобаешь преимущественно осмысленная, сознательная работа.

Это было бы такъ, если бы не приходилось считаться съ силами. Но тотъ именно фактъ, что мы рѣшительно не въ состояніи распространить одновременно съ одинаковой на все силой нашего вниманія*) и что вниманіе вообще требуетъ громадной затраты энергіи, заставляетъ соблюдать въ этой растратѣ строжайшую экономію.

Весь успѣхъ умственной работы отдѣльныхъ лицъ да и вообще прогрессъ человѣчества зависитъ отъ того, что разъ приобрѣтенное и повѣренное усиленнымъ сознательнымъ мышленіемъ дѣлается предметомъ привычки и безотчетнаго пользованія, освободившіяся же умственные силы (вниманіе) набрасываются на новыя трудности, чтобы, преодолевъ, предоставить въ свою очередь и эти новыя области вѣдѣнію бессознательныхъ нисшихъ центровъ и устремиться еще далѣе**).

Точно также ученикъ, чтобы явиться воспріимчивымъ для дальнѣйшихъ классныхъ объясненій, долженъ укоренить

*) «Вниманіе существуетъ только въ силу суженія поля сознанія или, другими словами, физически оно предполагаетъ участіе въ работѣ ограниченной части мозга».

**) «Переходъ апперцептивной связи мыслей къ ассоціаціи имѣеть огромное значеніе въ виду обуславливаемаго имъ большаго облегченія работы мысли. Въ этомъ смыслѣ онъ представляетъ важнѣйшую составную часть тѣхъ разнообразныхъ привычныхъ процессовъ, благодаря которымъ произвольныя дѣйствія, первоначально совершавшіяся лишь намѣренно и обдуманно, постепенно выполняются по привычкѣ и машинально при опредѣленномъ вѣншемъ поводѣ. Какъ, благодаря этому при вѣншихъ волевыхъ дѣйствіяхъ, участіе произвольнаго рѣшенія въ концѣ концовъ становится необходимымъ лишь въ извѣстные рѣшительные моменты, въ отдѣльности же выполненіе предоставляется привычному механизму, такъ и при интеллектуальныхъ процессахъ активная работа мысли все болѣе и болѣе ограничивается лишь существенными моментами теченія мыслей, а всѣ второстепенные пункты наше мышленіе рѣшаетъ съ помощью логическихъ ассоціацій. Чѣмъ привычнѣе дѣлается мышленіе тѣмъ многочисленнѣе становятся эти сами собою представляющіеся средніе члены и тѣмъ энергичнѣе благодаря этому сила мышленія можетъ направляться на рѣшающіе пункты».

(Вундтъ.)

въ памяти пройденное*). Этимъ путемъ изученное прежде отодвигается на задній планъ сознанія (опускается, какъ говорятъ психологи, ниже порога сознанія) и освобождаетъ его авансцену.

Промежуточные ступени (доказательства) могутъ быть вовсе забыты, но обоснованное ими положеніе будетъ вспоминаться само собою, т. е. безъ содѣйствія сознательнаго аппарата, который, напротивъ того, воспользуется имъ для рѣшенія дальнѣйшихъ своихъ задачъ.

Я не могу въ заключеніе не указать на тождественныя явленія въ языкѣ, разгаданныя и освѣщенные гениемъ недавно умершаго проф. А. А. Потемни. Слова образныя или «слова съ представленіемъ», какъ называетъ ихъ покойный ученый, содержащія цѣлое поэтическое произведеніе, теряютъ съ теченіемъ времени это представленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ получаютъ болѣе широкое значеніе, находятъ болѣе широкое примѣненіе и служатъ дальнѣйшимъ цѣлямъ.

Въ силу этого всякое слово, которое безсознательно лепечетъ ребенокъ, есть памятникъ сознательнаго творчества, усиленной работы, сосредоточенной мысли его дальнихъ предковъ.

Мнѣ слѣдуетъ кончить. Я вовсе не желалъ въ настоящемъ наброскѣ исчерпать предметъ. Единственной задачей моею было доказать г. Рокову, что грубо и неумѣло затронутый имъ вопросъ обладаетъ многими интересными и неизвѣстными ему сторонами, представляетъ трудности, которыя ужъ никакъ нельзя преодолѣть... невѣжественными фразами и грубою бранью.

Г. Роковъ жалуется на бывшихъ своихъ преподавателей, что «они учили учиться, но не учили разсуждать». Между тѣмъ то обстоятельство, что онъ попытался разсуждать не поучившись, повредило ему и можетъ ввести въ заблужденіе читателей, слишкомъ довѣрчиво иногда относящихся ко всему печатному.

*) «Сознательно приобрѣтенное укореняется лишь тогда, когда оно дѣйствуетъ безсознательно или, какъ говорится, переходитъ въ кровь и плоть».

(Гефдингъ.)

8—7 = 5.

В. Завадский-Краснопольский, Петербургъ.

Среди загадокъ схоластика Симфозія (время жизни — неизвѣстно; предположенія ученыхъ расходятся: отъ II—III в. до начала VI)¹⁾ находится одна, рѣшенія которой, болѣе или менѣе удачнаго, до сихъ поръ еще не представлено. Это — загадка, печатающаяся обыкновенно подъ № LXXX XVI (96)²⁾ и заключенная Ризе въ скобки, такъ какъ ея нѣтъ въ codex Salmasianus (nunc Parisinus 10318 — у Ризе А.), въ codex Parisinus 8071 (olim Thuaneus — у Ризе В.) и кромѣ того она не похожа на остальные загадки Симфозія.³⁾ Содержание ея слѣдующее:

Nunc mihi iam credas, fieri quod posse negatur.

Octo tenes manibus, sed me monstrante magistro

Sublatis septem reliqui tibi quinque manebunt⁴⁾.

(т. е. теперь же повѣрь мнѣ въ томъ, возможность чего отрицается. Ты держишь въ рукахъ 8; но, если, по моему указанію, устранено (= вычтено) семь, то у тебя останется пять).

Классій⁵⁾ рѣшилъ ее такъ:

ΠΧ tolle ΠΛ manebunt V;

но изображеніе цифры 7 знакомъ ΠΛ, насколько извѣстно, нигдѣ не встрѣчается.

Загадка рѣшается слѣдующимъ образомъ: извѣстно, что въ греческихъ надписяхъ пять изображается буквой Γ, а восемь ΓΠΠ; если пересѣчь ΓΠΠ пополамъ чертою, то наверху будетъ 8, а внизу 4, ($\frac{\Gamma\Pi\Pi}{\text{III}} = \Gamma\Pi\Pi + \text{III}$). Теперь нетрудно получить 5, вычтя изъ восьми семь,⁶⁾ quod demonstrandum erat.

Греческое рѣшеніе этой загадки возможно вслѣдствіе того, что отгадкой 42 загадки Симфозія служить буква Β (βῆτα).

¹⁾ Teuffel. Gesch. der römisch. Litter. ed. II § 442. Anm. 2.

²⁾ Al. Riese. Anthologia latina. Pars prior. Fasciculus I. Libri Salmasiani aliorumque carmina. Ed. II. Lipsiae. 1894. pag. 245.

³⁾ Op. cit. p. 245. — deest AB, neque cum reliquis Symphosii aenigmatis arte congruit.

⁴⁾ Quinque manebunt. L. Muellerus. Sex remanebunt libri.

⁵⁾ Riese. op. cit. p. 245.

⁶⁾ [ΓΠΠ+III] — ΓΠ=III = Γ (πέντε).

Т. Лукрецій Каръ.

ПОЭМА

о Природѣ.

Пѣснь I.

Матерь Энеева рода, людей и боговъ наслажденье,
 О всеблагая Венера! подь небомъ, вращающимъ звѣзды,
 Все ты собой оживляешь: судами покрытое море
 И плодоносныя земли; тобою имѣють начало
 Всѣ существа и, рождаясь на свѣтъ, видятъ солнца сіянье. 5
 Тучи разносятся вмигъ предъ тобою и вѣтры смолкають,
 Въ пестромъ нарядѣ растеній земля для тебя производитъ
 Прелесть цвѣтовъ; предъ тобою улыбаются воды морскія,
 Ясное небо сіяетъ повсюду разлившимся блескомъ.
 Ибо лишь только весенніе дни наступать начинаютъ, 10
 Только лишь вѣять начнетъ на свободѣ Зефиръ жизнетворный,
 Птицы воздушныя, силой твоею смущенныя въ сердцѣ,
 Прежде всего о твоёмъ возвѣщаютъ приходѣ, богиня.
 Полны желанья затѣмъ покидаютъ стада свою пастбу —
 Быстрый потокъ не преградой имъ — лаской твоею объято, 15
 Слѣдуетъ съ пылкостью все за тобою, куда путь ни направишь.
 И наконецъ по морямъ, по горамъ, по рѣкамъ быстротечнымъ,
 Въ полѣ зеленомъ, въ лѣсахъ, для пернатыхъ жилищемъ слу-
 жащихъ,
 Всѣмъ существамъ ты любовь обольстительно въ сердце вливаешь,
 Чтобы стремились они со всей страстью къ продленію рода. 20
 Такъ какъ одна ты природой вещей управляешь, богиня,
 Внѣ твоей воли на свѣтъ ничего не рождается въ мірѣ,
 Такъ какъ ничто безъ тебя не бываетъ отраднымъ иль милымъ,
 Будь, умоляю, союзницей мнѣ при созданьи поэмы
 Этой, въ которой природу вещей изложить попытаюсь 25
 Меммію я моему: вѣдь твоимъ, о богиня, желаньемъ
 Было, чтобъ онъ и всегда и во всемъ выше всѣхъ отличался.
 Дай пѣснопѣньямъ моимъ вѣковѣчную прелесть, богиня,
 Сдѣлай и такъ, чтобъ на время затихли свирѣпыя войны,
 Въ сонъ погружившись глубокой на сушѣ на всей и на морѣ 30
 Миромъ спокойнымъ вѣдь ты лишь одна можешь радовать
 смертныхъ,

Такъ какъ могучій оружіемъ Марсъ, что владѣеть судьбами
Грозной войны, на груди твоей часто покоится кротко,
Равной любви постоянной на вѣки тебѣ покоренный ;
35 Или, свою запрокинувъ главу, онъ любовью питаетъ
Жадные взоры свои, на тебя устремивъ ихъ, богиня,
Такъ что и усть его слито дыханье съ твоими устами.
Тѣломъ божественнымъ всѣмъ наклонившимся надъ нимъ распро-
стертымъ,

Сладкую рѣчь, о богиня красоты, ты излей передъ мощнымъ
40 Богомъ, прося, чтобъ онъ Римлянамъ миръ даровалъ безмятежный,
Такъ какъ отечества смутное время и мнѣ не дозволить
Трудъ мой спокойно свершить, да и Мемміевъ славный потомокъ
Въ пору такую не могъ бы дѣла государства покинуть.

Ты же твой слухъ обрати ко мнѣ, Меммій, и правды ученью,
45 Прочь отъ тревожныхъ заботъ отстранясь, всей душою предайся.
Даръ мой тебѣ, приведенный въ порядокъ усерднымъ стараньемъ,
Раньше, чѣмъ мыслью обнимешь его, не отбрось, презирая,
Ибо тебѣ о природѣ боговъ, и о неба природѣ
Рѣчь я мою поведу и начала вещей всѣхъ открою —
50 Ихъ изъ чего создаетъ, умножаетъ, питаетъ Природа,
Также и снова куда возвращаетъ ихъ всѣ, уничтоживъ.
Буду о томъ говорить, что матеріей мы называемъ,
Что, восходя къ основанью вещей, мы зовемъ жизнетворнымъ,
Или вещей сѣменами, давая иное названіе — первыхъ
55 Тѣлъ, потому что изъ нихъ происходитъ и все остальное.

Боги, по самой природѣ уже несомнѣнно, безсмертной
Жизнью своей наслаждаются въ мирѣ всегда безмятежномъ.
Всѣ отъ земного они далеки, далеки и отъ нашихъ
Дѣлъ ; отъ скорбей они вѣчно свободны, свободны отъ бѣдствій,
60 Сами собою сильны и ни въ чемъ не нуждаются нашемъ —
Ихъ благочестье не тронетъ и гнѣвъ ихъ коснуться не можетъ.

Нѣкогда жизнь человѣка позорно лежала во прахѣ,
Стиснута долгимъ и тягостнымъ гнетомъ религіи ложной ;
Страшную голову та выставяла съ небесныхъ предѣловъ,
65 Въ трепетъ оттуда людей приводя ужасающимъ видомъ.
Первымъ изъ всѣхъ Эпикуръ своимъ смертнымъ взоромъ рѣ-
шилъ

Прямо въ глаза ей взглянуть, на борьбу съ нею первымъ готовый.
Боги его не страшили, ни молній сверканье, ни грозный
Грохотъ гремящаго неба — тѣмъ съ болышею силой однако
70 Пылкую душу свою побуждалъ онъ къ тому, чтобы первымъ

Мощную крѣпость затворовъ природы разбить, уничтожить.
Сила живая души побѣдила: онъ шествуетъ гордо
Вдаль за предѣлы вселенной, за стѣны горящія міра.

Духомъ своимъ и умомъ безконечное Все оглядѣвши,
Намъ побѣдителемъ все объяснилъ онъ — что въ мірѣ ро- 75
ждаться

Можетъ, что нѣтъ; и затѣмъ, почему у всего есть предѣлы
Власти, а также и то, почему все имѣетъ границы.

Такъ въ свою очередь вѣру въ боговъ попираемъ стопами
Мы наконецъ, и побѣда насъ съ небомъ высокимъ равняетъ.

Впрочемъ, боюсь я того, чтобы ты не подумалъ случайно, 80
Будто, за мною идя, ты вступаешь въ ученье нечестья,
Шествуешь вмѣстѣ со мною путемъ преступленія — чаще
Ложная вѣра приводитъ къ свершенью дѣяній преступныхъ.

Могутъ примѣромъ служить для тебя предводители Грековъ,
Лучшіе мужи страны: Ифигенія кровью безбожно 85
Жертвенникъ дѣвы Діаны въ Авлидѣ они оросили.

Лишь Ифигенія кудри скрѣплявшая раньше повязка,
Ровно съ обѣихъ сторонъ прикасаясь къ ланитамъ, ниспала,

Только лишь близъ алтаря она въ горѣ отца увидала,
Рядомъ же съ нимъ увидала жрецовъ, ихъ мечи укрывавшихъ, 90
Далѣе — гражданъ, при видѣ ея проливающихъ слезы,

Въ страхѣ нѣмая на землю она на колѣни упала.
Въ это мгновеніе несчастной помочь не могло, что Атрида

Старшая дочь отцомъ его первой она называла,
Въ трепетѣ всю къ алтарю ее мужи, поднося, подводили 95
Съ пѣлюю не той, чтобъ обычный обрядъ совершивши священный,

Въ домъ отвести ее вмѣстѣ съ блестящею брачною свитой:
Время для брака настало, но чистая дѣва неожиданно

Жертвой печальною пала — отецъ ее гибели предалъ
Съ тѣмъ, чтобы флоту доставленъ былъ выходъ счастливый и 100
легкій.

Вѣра въ боговъ побудила къ свершенью такого злодѣйства.
Страхъ наводящимъ разсказамъ поэтовъ всю жизнь довѣряя,

Станешь, быть можетъ, о Меммій, отъ мыслей моихъ отвращаться,
Но вѣдь и я разсказать тебѣ вымысловъ много сумѣлъ бы,

Разныхъ видѣній, которыя ходъ твоей жизни смутили-бъ, 105
Все твое счастье разрушили-бъ, тягостнымъ страхомъ волнуя.

Да, это такъ: воспротивиться вѣрѣ могли бы, конечно,
Какъ и угрозамъ жрецовъ и поэтовъ, все люди, когда бы

Вѣрный конецъ для несчастій своихъ они видѣли въ смерти.

- 110 Но и вступленье въ борьбу съ суетвѣрнымъ для нихъ невозможно,
 Такъ какъ страшиться по смерти должны они вѣчныхъ мученій.
 Имъ неизвѣстно и то, какова по природѣ душа ихъ —
 Съ тѣломъ она рождена, или въ тѣлѣ вселяется послѣ,
 Съ нами ли гибнетъ она, отдѣленная смертью отъ тѣла,
 115 Или же Тартара мрачныя нѣдра одна посѣщаетъ;
 Или же божеской силой въ животныхъ она переходитъ,
 Какъ это Энній воспѣлъ, съ высоты Геликона принесшій
 Вѣчнозеленый вѣнокъ изъ листвы вѣковѣчной сплетенный,
 Славой великій пѣвецъ среди всѣхъ Италійскихъ народовъ.
- 120 Если-жъ однако про область Аида, о царствѣ подземномъ
 Этотъ же Энній въ безсмертныхъ стихахъ говорить, поучая,
 То ни для душъ, ни для тѣлъ пребыванія нѣтъ въ преисподней —
 Блѣдныя тѣни какія то тамъ и безплотные образы рѣютъ.
 Передалъ онъ, какъ оттуда явившисъ предсталъ предъ нимъ
 образъ
 125 Славнаго вѣчно Гомера и, горькія слезы проливши,
 Сущность природы вещей разъяснилъ для него въ своей рѣчи.
 Здѣсь въ пѣснопѣвныи моемъ изложу я подробно не только
 Все о небесныхъ дѣлахъ, о движеніи солнца съ луною —
 Какъ происходитъ оно, и какою свершается силой
 130 Все на землѣ, но и то со вниманьемъ должно разсмотрѣть мнѣ —
 Душу и духъ нашъ какія начала собой составляютъ.
 Далѣе, что иногда наяву нашу мысль беспокоитъ,
 Или когда мы въ болѣзни страдаемъ, иль въ сонѣ погрузимся,
 Такъ что намъ кажется, будто бы тѣхъ мы и видимъ и слышимъ,
 135 Прахъ чей по смерти давно ужъ собою земля обнимаетъ.
- Также не тайна и то мнѣ, что трудное для пониманья
 Грековъ ученье въ латинскихъ стихахъ передать не легко мнѣ.
 Новыя въ рѣчь свою буду я долженъ вводить выраженья:
 140 Этому скудный языкъ нашъ и новостъ предмета причиной.
 Но дарованья, о Меммій, твои и надежда на счастье
 Сладостной дружбы твоей побуждаютъ меня къ совершенно
 Подвига всякаго, ночи безъ сна проводить побуждаютъ
 Въ поискахъ — пѣсню какую, въ какихъ выраженьяхъ смогу я
 Влещущій свѣточъ удобнѣй нести предъ душою твоею,
 145 Чтобы глубокія тайны вещей совершенно позналъ ты.
- Страха того, того мрака, которые душу объемлютъ,
 Солнца лучи и сянвіе яснаго дня не разсѣютъ, —
 Это свершить могутъ только познанье природы и разумъ.
 Первымъ его положеньемъ, для насъ нерушимымъ, да будетъ:

принадлежит кресту, который был поставлен в память о том, что в 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей.

В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей.

В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей.

Приложенія.

В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей.

В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей.

В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей.

В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей. В 1700 году в этом месте был убит царевич Алексей.

приходской церкви считаются: богадѣльни, гошпитали и школы; люди богадѣльные и позже кормятся отъ церкви Божіей и суть люди церковные. Всѣ эти учрежденія такъ срослись съ церковью, что связь ихъ съ нею должна быть признана первоначальною *).

Неудивительно поэтому, что на всякій храмъ, особенно на главный, смотрѣли какъ на мать и кормилицу, которая насыщаетъ душу словомъ спасенія и правды, наполняетъ сердца высокими чувствомъ, питаетъ тѣло въ случаѣ нужды и крайности и защищаетъ въ несчастіяхъ и опасностяхъ.

Простой народъ видѣлъ въ священникахъ своихъ руководителей и наставниковъ, съ уваженіемъ относился къ нимъ и въ затруднительныхъ случаяхъ обращался за совѣтомъ и помощью. Вліяніе духовенства простиралось на семейную жизнь народа, на его обычаи и привычки. Духовные были попечителями общины, заботились объ улучшеніи матеріальнаго быта своихъ дѣтей духовныхъ, дѣлали пожертвованія на городскія постройки, помогали бѣднымъ и т. п. О нѣкоторыхъ пастыряхъ находимъ въ памятникахъ такіе отзывы: «Князьямъ и боярамъ и всѣмъ вельможамъ былъ на успѣхъ, и все дивно, обидимымъ помогаль, печальныхъ утѣшалъ, нищихъ миловаль. Былъ людямъ заступленіе, сиротамъ кормитель... Былъ обидимымъ помощникъ, вдовамъ заступникъ, избавляя отъ насильнаго, и сильныхъ не стыдился. Возлюбили житіе его бояре и люди приходили къ нему, поучаясь отъ него день и ночь и многихъ утвердилъ и на разумъ истинный наставилъ.»

Чтобы доставить священникамъ больше способовъ къ ученію народа въ храмахъ, благочестивые князья и епископы снабжали церкви книгами, учреждали при нихъ книгохранилища.

Съ какимъ уваженіемъ относились наши предки къ пастырямъ духовнымъ можно видѣть изъ лѣтописей и изъ

*) М. Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи съ XVII в. до учрежденія министерствъ. Ж. М. Н. П. 1873 CLXVII.

отдѣльныхъ наставленій, разбросанныхъ въ древнерусскихъ сборникахъ.

Въ Изборникѣ Святослава 1076 г. находимъ слово Іоанна Златоустаго: «Како подобаетъ поа чѣстити». «Слышимъ Павла глаголюща. покаряйтесь старѣйшиномъ вашимъ. ти бо бѣдять о душахъ вашихъ. изъ лиха чѣтѣте я, ты бо о своемъ ся-тѣчью печеши, аще устроиши добрѣ то о иномъ не брежеши. а иерѣи аще и устроить свою жизнь добрѣ а о тебѣ молиться. ти не добрѣ тебѣ управить то съ злыими осудиться. Аще ли законъ иматъ неправъ и благовѣститъ иноко то не послушай его аще и ангель есть. аще ли право учить. то не житиа ему съмотри нѣ словесъ» *).

Въ Измарагдѣ XVI вѣка находимъ Слово Іоанна Златоустаго: «еже чтити прозвитера», во многомъ сходное съ предыдущимъ: «Удивите вся колика ерейская власть и честь. крещеніемъ и покаяніемъ и причащеніемъ поновляютъ вѣрныя, и за вся молитвы к Богу творят. Тѣмъ не пререкайте их. но добро чтите. Божіи бо слугы, и предстатели тайны его. тѣмъ добрѣ чтите я. и потребная имъ даваите. аще бо слугы земныхъ князей чтите. колми паче небеснаго царя слугамъ достойную честь и дары воздаетъ. Слышати апостола Павла глаголюща. покаряйтесь старѣйшиномъ вашимъ. ти бо бѣдятъ за душа ваша. яко да слово отдати имъ в день судны о васъ. ты бо токмо о своей выи тчишися. а симъ велика есть скорбь. яко како бо порученыхъ имъ управити, а не научивше суд золъ прияти. . . Господь Богъ глаголетъ слушаай вас мене слушает. а отмѣтаяй ся вас мене ся отмещет. а иже хулитъ вы. мене хулит. . . То вся размысливше любиміи всячьское и добрѣ надѣляите я. яко отца пищею и одежею. да безмятежно о васъ молбы приносятъ к Богу. . . Всякъ бо іерей от чловѣкъ приѣмлетъ дары иже тебе. о грѣсѣхъ яко о себѣ тако и о людехъ молится Богу ден и ноц. того ради достоитъ зѣло чтити я» **).

*) Архангельскій. Твор. св. отцовъ, ст. 195—196 в. IV.

**) Приведено у Архангельскаго А. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, вып. IV., ст. 195—198.

Въ рукописномъ сборникѣ «Пчела», *) относящемся къ XVII вѣку, находимъ:

«Подобаетъ всякому чтити отца духовнаго, слушати наказанія (наставленія) аще кто не послушаетъ то да будетъ проклятъ и чюждъ есть вѣры христіанскія».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ и на священниковъ налагаются обязанности заботиться о чадахъ духовныхъ: «аще попъ и добро житіе свое проживетъ и о дѣтахъ духовныхъ не попеклся ни учи не избыти ему мухи вѣчныя».

Въ одномъ изъ Цвѣтниковъ **) эти обязанности развиты подробнѣе: «Священницы убо блази должны суть быти, милосерди, братолюбивы, благосерди ко всѣмъ и милостивы, нищелюбивы, страннолюбивы, обращающа заблуждыша, посещающа немощныя, презирающе вдовиць и сорот и нищихъ, добрая мысляще всегда предъ Богомъ и чюлвѣки, укланяющесе отъ всякого гнѣва, и лицемѣрія и суда неправеднаго, и сребролюбія, не пріемля скоро суетнаго слышанія».

Домострой ***) въ 6-й главѣ указываетъ: «како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ и повиноватися во всемъ»: «Подобаетъ, говоритъ онъ, вѣдати и се, како чтити дѣтемъ отцовъ своихъ духовныхъ. изыскати отца духовнаго добра, боголюбива, и благоразумна, и разсудительна, и утверженна въ вѣрѣ, и учительна, а не потаковника, ни пїяницу, ни сребролюбива, ни гнѣвлива. Таково убо подобаетъ чтити и повиноватися ему во всемъ и каятись предъ нимъ со слезами, исповѣдати грѣхи своя безстыдно и безсрамно, и заповѣдѣхъ его храни. . . и наказаніе его съ любовью пріимати, и послушати его во всемъ, и чтити его, и бити чюломъ предъ нимъ ниско. онъ учитель нашъ и наставникъ. и совѣтовати съ нимъ часто о житіи полезномъ и возстязатися отъ

*) Изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго.

**) Книга цвѣтникъ письменной. Поученія избранная отъ Св. Евангелія юго многихъ Божественныхъ писаній поученіе въ недѣлю первую св. великаго поста (рукопис. сбор.). Изъ библіотеки И. Н. Михайловскаго.

***) ст. 17, изд. 1882 г.

грѣхов своих. и како учити и любити мужь жену свою и чяда и рабъ».

Домострой же совѣтуетъ почаще ходить въ церковь: «а въ церкви стояти на всякомъ пѣніи со страхомъ и съ молчаніемъ молитися, а дома всегда повечерница, и полунощница, и часы пѣти... А въ церкви ни съ кемъ не бесѣдовать, съ молчаніемъ стояти и со вниманіемъ слушати божественнаго пѣнія и чтенія».

Особеннымъ значеніемъ и вліаніемъ пользовался монастырь. «Монастырь былъ пристанищемъ душъ высокихъ, стремившихся къ вѣчнымъ законамъ добра и правды. Здѣсь приготовлялись лица для занятія высшихъ степеней церковной іерархіи; здѣсь воспитывались ревнители вѣры и благочестія, но особенно для насъ важно, что древне-русскіе монастыри, по духу своихъ строгихъ правилъ, по своимъ благоговѣйнымъ, ежедневнымъ службамъ и по образу жизни благочестивыхъ иноковъ, съ самаго начала своего существованія сдѣлались лучшими школами нравственнаго воспитанія народа. Въ монастыряхъ сосредоточивалось духовное образованіе, списывались книги и иконы и распространялись въ народѣ. Тамъ на первомъ планѣ стояли вопросы не о матеріальныхъ выгодахъ, а о высокой цѣли и назначеніи человѣческой жизни, о трудномъ пути къ достиженію этой цѣли. Тамъ были люди образованные, по своему времени, высоко, развитые болѣе другихъ; они всякому ищущему совѣта и утѣшенія могли дать мудрый совѣтъ, полезный урокъ для жизни, разрѣшить затрудненія въ извѣстныхъ случаяхъ. Тамъ древне-русскій человѣкъ на живыхъ образцахъ и примѣрахъ получалъ уроки нравственные. Въ мірѣ, большею частію, хотѣли жить и наслаждаться чужимъ трудомъ, старались насытить чувственныя страсти, руководились личными расчетами и пускали въ ходъ, для выполненія ихъ, неправду и насиліе, обманъ и коварство. Въ монастырѣ, напротивъ, народъ видѣлъ добровольныя лишенія, презрѣніе богатства, страшную борьбу съ желаніями, неумолимую строгость къ своему самолюбію, встрѣчалъ правый судъ и готовность къ самообвиненію предъ вѣчною истиною и без-

конечнымъ благомъ» *). Взглядъ на эту жизнь приводилъ въ изумленіе посѣтителей монастыря и строгіе уроки нравственности на долго западали въ человѣческія души.

Монастырь привлекалъ всѣхъ: туда собирались князья и вельможи и прочіе люди «за духовною пользою». Монастыри служили центрами правильнаго труда и разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Монахъ уже самымъ своимъ положеніемъ и назначеніемъ, своимъ удаленіемъ отъ міра и мірскихъ удовольствій, призывался въ еще непросвѣщенномъ книжною мудростью къ усиленной книжной дѣятельности. Вотъ почему инокъ и грамотей въ понятіяхъ древне-русскихъ людей сдѣлались синонимами: «Яко же корабль безъ гвоздей не съставляется, такъ и инокъ безъ почитанія книжнаго», говорили и писали въ древней Руси.

Монастырь въ древней Руси былъ школою въ полномъ смыслѣ слова, и не будетъ ошибкой сказать, что школъ въ древней Руси было столько, сколько было церквей и монастырей. Монастыри появились у насъ очень рано, вслѣдъ за крещеніемъ земли русской, какъ свидѣтельствуешь Иларіонъ: «монастыреве на горахъ сташи, черноризцы явишася». По преданію, первый нашъ митрополитъ Михаилъ основалъ на одной изъ горъ кievскихъ монастырь и церковь во имя арх. Михаила, а иноки, прибывшіе съ этимъ митрополитомъ, основали монастырь Спасскій, близъ Вышгорода. Супрасльская лѣтопись свидѣтельствуешь, будто самъ Владимиръ въ 996 г. создалъ вмѣстѣ съ Десятинною церковью и монастырь при ней во имя пресв. Богородицы.

Въ княженіе Ярослава, который любилъ черноризцевъ «до излиха», они еще болѣе начали умножаться, а съ ними и монастыри. Ярославъ создалъ самъ два монастыря въ Кіевѣ. Но между тѣмъ, какъ въ Кіевѣ и Новгородѣ монастыри были созидаемы то князьями, то іерархами, въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ основателями обителей явились частныя

*) Вліаніе христіанства на русскій народъ. Духъ Христіанина, 1861, окт. и ноябрь.

лица, подвижники. «Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ*»). Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для христіанскаго просвѣщенія древне-русскаго общества, со временъ Ярослава и Изяслава, явился Кіево-Печерскій, основанный преп. Антоніемъ и Θεодосіемъ. Настоящимъ устройтеlemъ этого монастыря явился второй его игумень Θεодосій. Имѣя съ раннихъ лѣтъ наклонность къ монашеской жизни, онъ тайно ушелъ отъ родителей, приходилъ въ разные монастыри, но тамъ, видя простоту и худыя одежды юноши, не приняли его въ число иноковъ. Наконецъ, онъ явился въ пещеру св. Антонія и умолилъ его принять въ сподвижники.

Θеодосій былъ человѣкъ твердой воли и большого характера. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ подавалъ братіи примѣръ неустанныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти. По свидѣтельству лѣтописца Нестора**), онъ ввелъ Студійскій уставъ, «отъ него же монастыря прияша вси монастырѣ уставъ по всемъ монастыремъ; тѣмъ же почтенъ есть монастырь Печерскыи старѣйи всихъ и честью боле всихъ». Личность Θεодосія является предъ нами, какъ личность чрезвычайно энергичная, но вмѣстѣ съ тѣмъ кроткая и любвеобильная. Θεодосій любилъ часто бесѣдовать и поучать братію, наставлялъ ихъ «какъ проводить постное время въ молитвахъ ноцныхъ и дневныхъ... паче же всего имѣти любовь в себе к мѣньшимъ и старѣйшимъ покорение и послушание, къ старѣйшимъ же и къ мѣньшимъ любовь и наказаніе». Не удивительно, что личность Θεодосія обаятельно дѣйствовала на братію, она его любила, его слушала и ему подражала, черноризцы — его ученики «аки свѣтила въ Русьской земли сияху»***).

Отсюда и понятно высокое значеніе Кіево-Печерскаго

*) Мнози бо монастыри отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства поставлены, но не суть тацци, кацци же суть поставлены слезами, и пощеніемъ, и молитвою, и бдѣніемъ. (Лѣтоп. по Ипот. спис. ст. 112).

**) Подъ 1051 г. по Ипатск. списк. ст. 112.

***) Лѣтоп. по Ипот. списку ст. 132.

монастыря въ древней Руси. Сюда стекались богомольцы изъ разныхъ удѣловъ и объединялись здѣсь, какъ члены одного русскаго государства, сюда шли любители строгаго подвижничества и находили миръ и успокоеніе отъ мірскихъ заботъ. Изъ Печерскаго монастыря разливалось просвѣщеніе и образованіе по областямъ русскимъ. Печерскій монастырь мало-помалу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическое настроеніе распространялось и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ оно проявлялось здѣсь.

По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми другими монастырями; въ XII в. игумень Поликарпъ первый получилъ на Руси званіе архимандрита, по всей вѣроятности, въ это же время обитель получила названіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человекъ ея иноковъ занимали епископскія кафедръ, выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія ея подвижниковъ. Каждый ея пострижникъ, куда бы его ни заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался подъ старость воротиться въ ея стѣны и сложить въ ней свои кости. Симонъ, еп. Владимірскій, называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются на священной печерской землѣ. «Всю сію славу и власть за уметы вмѣнилъ бы, если бы мнѣ хотъ коломъ торчать за воротами и соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми» *).

Вслѣдъ за Кіево-Печерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ городахъ русскихъ, преимущественно со второй половины XII в.

Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17, въ Переяславлѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ Галицкомъ княжествѣ 3, въ Полоцкѣ 3, въ Смоленскѣ 5, а въ Новгородѣ до 20 монастырей. Но не судилъ Богъ Кіево-Печерскому монастырю

*) Посланіе Симона къ Поликарпу.

вмѣстѣ съ рядомъ другимъ южно-русскихъ монастырей насѣять всю землю русскую «книжными словами». Нашествіе монголовъ, обогрившее русскую землю кровью, превратившее села, города, церкви и монастыри въ развалины, — разрушило и Кіево-Печерскій монастырь.

Источники и пособія: Лѣтопись по Ипатскому списку. Архангельскій—Творенія св. отцовъ въ древне-русской письменности. Казань 1889 — 1890 I—IV вып. Домострой 1882 г. Рукопис. «Пчела» и «Цвѣтникъ». Другія пособія указаны въ текстѣ.

Глава IV.

Значеніе книги. Грамотность и начетчество.

Въ тѣсной связи съ вліяніемъ церкви стоитъ вліяніе книги. Книги Св. Писанія это были тѣ книги, которыя наиболѣе любили и почитали наши предки. «Нужно отрѣшиться, говорить г. Барсовъ, отъ того понятія, которое мы имѣемъ о книгѣ. Книга въ то время была своего рода чудомъ, болѣе изумительнымъ, чѣмъ въ наши дни телеграфы и телефоны. Глядитъ человѣкъ въ книгу и знаетъ, что было въ минувшіе вѣка, какъ долженъ смотрѣть человѣкъ на самого себя, какъ онъ долженъ жить и дѣйствовать, и что послѣдуетъ за его гробомъ. Книга явилась внезапнымъ свѣтомъ, который разомъ далъ почувствовать обществу его нравственную слѣпоту, и съ этой минуты неграмотный человѣкъ сталъ на Руси человѣкомъ темнымъ. Книга — это была мудрость, предъ которою казались ничтожными всѣ хитрости языческихъ волхвовъ и мудрецовъ. Книга — это были глаголы самого Бога, и кто ее читаетъ, тотъ бесѣдуетъ съ самимъ Господомъ. Если мы наглядно представимъ себѣ

эпическое сознание тогдашняго кіевскаго общества, тогда для насъ станетъ ясно, почему христіанство въ тогдашнюю эпоху сказалось въ образѣ Софіи, въ образѣ мудрости. Безъ сомнѣнія, подъ воздѣйствіемъ этого образа, въ Кіевѣ и Новгородѣ созидаются соборные храмы въ честь св. Софіи. Эти храмы, какъ и святыя книги, давали язычникамъ видѣть, гдѣ является истинная мудрость.»

«Понятнымъ для насъ становится и то, почему самая Софія въ древнѣйшемъ ея образѣ писалась въ формѣ «книги», лежащей на престолѣ. Книга и Божественная мудрость отождествлялись въ сознаніи. Въ этомъ то образѣ «книги» кроется первый возбудитель русскаго духа къ свѣту и образованію. Онъ — этотъ образъ — увлекалъ любознательную мысль къ списыванію и переписыванію святой и понятной для всякаго книги въ первые годы появленія христіанства на Руси.»

Неудивительно поэтому, что въ древне-русской письменности мы находимъ неоднократные панегирики книгѣ.

Въ «Изборникѣ Святослава» (1076 г.) помѣщена была статья о книжномъ почитаніи, которая даетъ образчикъ отношенія къ книгѣ, господствовавшаго во всемъ древне-русскомъ періодѣ.

«Добро есть, братіе, почитанье книжное. Паче всякому хрьстьяну: блажени бо, рече, испытающти свѣдѣнія его, всѣмъ сердцьмъ възшгютю его»... И далѣе: «когда читаешь книги, то не слѣши переходить къ другой главѣ, а трижды повторяя прочитанное». Книга разумѣется исключительно только какъ книга церковная, поучительная, душеспасительная. Книга необходима для праведнаго житія: «какъ для коня правитель и воздержаніе есть узда, такъ и для праведника книга; какъ не составится корабль безъ гвоздей, такъ праведникъ безъ почитанья книжнаго; какъ плѣнникъ думаетъ о своихъ родителяхъ, такъ праведникъ о почитаньѣ книжномъ; красота воину — оружіе, а кораблю — паруса, такъ и праведнику почитанье книжное» и въ примѣръ указываются св. Василій, Іоаннъ Златоустъ и Кирилль Философъ, которые «измлада прилежаху святыхъ книгъ, тоже и на добрыя дѣла подвигнушася». И

въ заключеніе говорится, что почитаніе святыхъ книгъ есть начатокъ добрыхъ дѣлъ (вижь, какъ ти начатѣкъ добрымъ дѣломъ поученіе святыхъ книгъ!)

Пр. лѣтописецъ Несторъ, какъ мы видѣли раньше, высоко ставитъ Ярослава за то, что онъ любилъ церковныя уставы и прилежалъ къ чтенію книгъ, и тутъ же говоритъ о высокомъ значеніи ихъ. «Вел (и) ка бо полза бываетъ человѣку отъ ученія книжнаго; и книгами бо кажеми и учими есми тутъ покаянню, и мудрость бо обрѣтаемъ и въздержаніе отъ словехъ книжныхъ; се бо суть реки напаяющы вселенную всю, се суть исходяща мудрости; книгамъ бо есть неизчетная глубина, сими бо есмы в печали утѣшаемы есмы, си суть узда въздержанію.»*)

Собраніемъ книгъ (при церкви св. Софіи) Ярославъ первый положилъ начало русскимъ бібліотекамъ и книгохранилищамъ. По его примѣру, то же стали дѣлать и другіе князья, бояре и духовныя лица. Святославъ Ярославовичъ (XI в.) «разными драгоценными священными книгами наполнилъ свои клѣти.**») Кириллъ I, епископъ ростовскій (XIII в.), «былъ богатъ книгами». Значительныя бібліотеки имѣли у себя Григорій Чудотворецъ и Никола Святосла (XII в.), постуившіе въ Кіево-Печерскій монастырь. Извѣстно также нѣсколько случаевъ пожертвованія книгъ князьями и боярами въ церкви и монастырь; напр., великій князь Константинъ Всеволодовичъ (XIII в.) наполнялъ книгами церкви Божіи; волынскій князь Владиміръ Васильковичъ (XIII в.) самъ переписывалъ для церквей книги и жертвовалъ имъ готовыя, найденныя въ бібліотекѣ отца.***)

Пожертвованіе той или другой книги въ какую-либо церковь считалось важнымъ вкладомъ. Лѣтописцы наши о многихъ князьяхъ говорятъ: «церковныя уставы любилъ, церкви созидалъ и украшалъ ихъ святыми иконами и книгами наполнялъ».

Переписываніе служило единственнымъ способомъ распространенія книгъ. Рукопись автора переходила въ руки переписчиковъ. По словамъ лѣт. Нестора, въ Кіево-Печерскомъ

*) Лѣтоп. по Ипатс. списку, ст. 107.

**) Полное собр. рус. лѣт. II, 79.

***) Полное собр. рус. лѣт. IX, 224.

монастырѣ «чернецъ Илларіонъ бѣше и книгамъ хитръ писати, ту по вся дни и ноци писаше книги въ келіи у блаженнаго Θεодосія». Къ переписыванію книгъ приступалъ съ благоговѣніемъ: «Горе пишуцимъ Святыя Божіи книги, а страха Божія и вѣры, правы въ сердцѣхъ Богу не имуще. Таковымъ осужденъ есть муцѣ вѣчной и огню негасимому». Въ уединенной тиши монастырскихъ келій, часто въ глуши дѣсовъ, изучались и списывались славянскіе переводы отцевъ церкви. Иноки, принимаясь за переписку книги, обращались къ игумену за благословеніемъ.

Особенно былъ богатъ рукописными книгами Кіево-Печерскій монастырь. Неудивительно, что оттуда выходили такіе любители книгъ, какъ преп. Несторъ лѣтописецъ! «Аще поищеша въ книгахъ мудрости и прилежно, то обрящеша великую пользу души своей; иже и часто кто чтеть книги, то бесѣдуетъ с Богомъ, или святыми мужьми; почитая пророческая бесѣды, еуангельская учение и апостольская, и житія святыхъ отецъ, и въспремлетъ душа пользу велику.*)». По свидѣтельству Нестора, самъ Θεодосій прялъ нити, нужныя для переплета книгъ, а Никонъ переплеталъ ихъ.

Перепискою книгъ занимались и монахи, и лица бѣлаго духовенства, и миряне, иногда даже и князья. Нѣкоторые посвящали этому занятію цѣлую жизнь.

Въ одномъ изъ списковъ «Пчелы» — весьма распространеннаго древне-русскаго сборника, — читаемъ о книгахъ: «Умъ безъ книгъ аки птица опѣшена, якожь она възлетѣти не можетъ, такоже и умъ не домыслится съвершена разума безъ книгъ — свѣтъ дневной есть слово книжное, егожь лишився безумный, аки въ тмѣ ходитъ и погибнетъ въ вѣкы».

Въ «Измарагдѣ» перваго извода за стословомъ Геннадія идутъ четыре слова «о почитаніи книжномъ», «слово св. Ефрема, како достоитъ со всѣмъ прилежаніемъ чести св. книги, слово І. Златоуста, како съ разумомъ чести св. книги, и слово

*) Лѣтоп. по Ипатс. спис. ст. 107.

**) См. Яковлевъ. Опытъ изслѣдованія Измарагда. 1893.

Геннадія Терусалимскаго. Одна изъ основныхъ мыслей, проводимая «Измарагдомъ», что ученіе книжное необходимо для душевнаго спасенія. Въ первомъ изъ этихъ словъ говорится о самомъ способѣ чтенія съ пользою для души «сѣдѣящу ти на почитаніи и послушающу божественныхъ словесъ, то первѣе помолися Богу, да ти отверзеть очи сердечныя, не токмо написанное чести, но и творити я, и да не во грѣхъ себѣ ученія святыхъ прочитаемъ, не сотворяюще. Егда убо чтеши книги, то прилежно чти и всѣмъ сердцемъ внимай и двукраты прочитай словеса, а не тщися листы токмо обращати, но безъ лѣности чти, да плодъ пріимеши спасенія и страхъ Божій вселился въ тя. Подобны бо суть книги глубинѣ морстѣй, въ ню же поныряюще износятъ бисерь драгій».

Въ словѣ Геннадія Терусалимскаго находимъ: «всѣ бо книги учать въ двѣ главизны. Главизна же еста: страхъ Божій его же нельзѣ преобидѣти, другая же иже всегда Бога имѣти предъ очима своими».

Въ 40-й главѣ того-же Измарагда сказано: «Добро бо книги почитати не словоохотія ради, но поучающіеся благая дѣяти и въ правдѣ жити.»

Мысли о важности чтенія книгъ нерѣдко встрѣчаются и въ Златоструѣ. «Велико зло есть — читаемъ здѣсь — еже книгъ не разумѣти. от нихъ же бы успѣхъ примати от тѣхъ же невидѣніемъ вредъ бываетъ... Поучайся присно божіимъ книгамъ. яко же бо вино пиемое оуставляетъ печали. и премѣняетъ сердце на веселіе. тако же и духовное вино премѣняетъ душу в радость... Удручимъ убо тѣло и поработимъ е. чистымъ поученіемъ от святыхъ книгъ. да не душа поработена будетъ діаволу... Велико благо възлюбленіи божественныхъ писаній разумъ. се душу любомудрену сѣдѣваетъ. се къ небеси прилагаетъ разума. се благодарственно творитъ челоуѣка. се сѣтворяй. ни къ единому ж от сущихъ прилѣплятися. се же вину сотворяетъ протяжену помысла нашего и к владычнимъ обѣтомъ взираемы. и вся сѣтворяй къ добродѣтельнымъ трудомъ. съ многымъ рукоимѣти хотѣніемъ.. Тѣмъ многымъ потщаніемъ молю божественныхъ писаніемъ сѣтворяти. тажъ бо разумъ пріимемъ. аще часто воспріимаемъ лежащая

въ святыхъ книгахъ... Сего ради крилѣ данѣ птицамъ да убѣжатъ сѣтій. сего ради челоуѣку дане мысли да убѣжить отъ грѣха. *)

Въ рукоп. Измарагдѣ XVI в. бібліотеки Тр. Серг. Лавры (№ 203, л. 9—10) находимъ «Слово св. Ефрема, како слушати книгъ»: «Егда брате лукавыи ти помысль мутить умъ, утѣшися почитаніемъ святыхъ книгъ. Богъ бо мѣнимъ прогонитъ бѣсы. идѣже святыя книги чтому сут. ту веселіе праведнымъ и спасеніе душамъ. Яко бо труба собираетъ вои. тако святаяа словеса сказаема. Ангелы божіа съвокупають. а идѣже сопѣли и гусли и пѣсни сътониньскіа. ту бѣсове собираются. ту омраченіе души и погуба. а неприязни веселіе діаволу. святыя бо книги почитаемы. собираютъ помыслы на страхъ божій, кацѣмъ образомъ труба вѣщующи въ врѣмя рати.. и невѣжъственныя вѣставитъ на супротивныя. тако святыя книги наставятъ на истину. Тѣмъ братіе часто приходяще послушайте чтогоа. да получимъ истинныи разум. писанія почитаніемъ. чрѣплюще отъ него воду живу. могущу остудити. рожденныя наша страсти. и наставити ны на волю Господню. Книги бо глубины морю подобни суть. въ нюже пониращающе бисерь износятъ драгій. тако и почитающеи богодуховныя книги. пріобрѣтають собѣ скровище. неимуще цѣны.» **)

Въ «Паренесисѣ» Ефрема Сирина, который проф. Архангельскій считаетъ одной изъ лучшихъ книгъ древней Руси, находимъ также нѣсколько наставленій касательно того, какъ нужно читать книги. Въ сл. 35 «Наказанье, како подобаеть чтущему въ уши братыи прилежно пчести», находимъ: «читающій долженъ начать съ того мѣста, гдѣ кончилъ его предшественникъ, и не прерывать порядка чтенія — «чтобы чтеніе было подобно вязи, сотканной изъ золота». Нужно заботиться, чтобы чтеніемъ доставить пользу и себѣ и слушающимъ. Начни чтеніе. не радя и о словесѣ единомъ и прескачая стихи и таковыи ни повыкнути хоцеть. яко же подобаеть. ни научить

*) Архангельскій. Творенія отцовъ церкви въ древне-русской письменности, в. IV ст. 102.

**) Архангельскій. Тв. о. ц. въ древ.-рус. письм. вып., 3. ст. 114.

внемлющихъ. токмо конецъ желеть словеси. и когда кончаеть чтение. Ты же любимиче мой трезвитель буду яко да себе ползуеши почитаньемъ. и слушающихъ ..

«Иже в ползахъ книжныхъ», читаемъ въ 82 словѣ, «не любьзно послушаа и сихъ любовью не чтеть. съ дубъ бесплодовить наречеться.» «Ты помысли», — обращается авторъ къ тому же предмету въ 96 словѣ, — «яко душа требуетъ своя пища. яко же и тѣло. аще не приметъ мертва есть. либо челоуѣкъ сугубъ есть. от душа и тѣла... ты убо яко добръ съсмотриливецъ дажь душевнаа брашна душиа .. а телеснаа телеси. не токмо тѣло питаа и душу же оставиши пугу. гладомъ мершу. ни убо не остави си душа мертвы быти. но питаа ю словеси божии. в псалмѣхъ и пѣньныхъ и в пѣснехъ духовныхъ. въ чтенныхъ божественныхъ книгъ. въ постѣхъ, бдѣньныхъ*)». Въ одномъ древне-русскомъ сборникѣ сказано: «Кто безъ книгъ мудрствуетъ, тотъ подобенъ оплоту безъ подпоры, стоящему. пахнетъ на него грѣховный вѣтеръ и падеть онъ, не имѣя подпоры въ словахъ книжныхъ».

Изъ всего сказаннаго видно, что въ древней Руси высоко ставилось чтение книгъ, но при чтеніи имѣлась только въ виду одна цѣль: польза души и ея спасеніе. Вотъ почему были распространены только книги религіозно-нравственныя, главнымъ образомъ, Св. Писаніе и творенія св. отцовъ церкви. Это былъ любимый и главный матеріалъ для нашихъ предковъ.

Въ древне-русскомъ обществѣ было въ обычаѣ читать Евангеліе всякій день. Псалтирь предки наши знали наизусть: онъ былъ ихъ настольною книгою. Притчи, премудрость еклезіаста Соломона и премудрость Іисуса сына Сирахова своимъ поучительнымъ и практическимъ характеромъ приходились особенно по вкусу народа и проникли въ его пословицы. Книги Св. Писанія любили читать наши предки съ толкованіями: таковы толковыя евангеліе, апостоль, псалтирь, апокалипсисъ.

Послѣ душеспасительныхъ книгъ въ старинной русской бібліотекѣ важное мѣсто занималъ хронографъ, имѣвшій весьма

*) Парен. № 7 л. 181, Арханг., ст. 43.

большое распространеніе. Хронографъ имѣлъ большой авторитетъ для древне-русскихъ грамотеевъ; составленіе его считалось дѣломъ важнымъ, и книжники наши сдѣлали изъ него цѣлую историческую энциклопедію. Начиная отъ сотворенія міра, хронографъ приводилъ библейскую и церковную исторію, добавляя ее сказаніями апокрифическими, рассказывалъ о судьбахъ древнихъ народовъ, особенно грековъ и римлянъ до паденія Византіи,*) переходилъ затѣмъ къ Руси, исторію которой излагалъ по лѣтописнымъ сборникамъ. Что хронографамъ придавали значеніе, видно напр. изъ того, что волинскій лѣтописецъ совѣтуетъ читателю «да почтетъ хронографа». То научное просвѣщеніе, о которомъ, быть можетъ, думалъ Св. Владимиръ и лучшіе люди его времени, не привилось на Руси. Большинство «книжныхъ людей» того времени были лишь грамотеи и самоучки-начетчики. Грамотность и начитанность — вотъ что было достояніемъ нашимъ въ домонгольской періодъ.

«Единственный способъ приобрѣтать разныя знанія, извѣстный русскому человѣку въ теченіи цѣлыхъ столѣтій», говоритъ Н. О. Каптеревъ**), «состоялъ въ томъ, что онъ сначала обучался у какого-нибудь мастера чтенію и письму, а затѣмъ уже самостоятельно читалъ тѣ книги, какія тогда вращались въ обществѣ и были ему доступны. Это послѣднее — самостоятельное чтеніе книгъ дѣлало тогдашняго человѣка въ глазахъ общества лицомъ образованнымъ, ученымъ. О школахъ общественныхъ и правительственныхъ, въ которыхъ бы систематически преподавался извѣстный кругъ наукъ, но полученіе образованія внѣ начетчества, русскій человѣкъ не имѣлъ представленія, и потому начетчество считалъ единственно правильною и возможною для него системою приобрѣтенія всякихъ

*) Хронографъ Георгія Амартола, кромѣ священной исторіи ветхаго и новаго завета, заключалъ гражданскую и церковную исторію до половины X в., а Іоанна Маламы Антиохійскаго содержалъ гражданскую исторію до временъ первыхъ римскихъ императоровъ.

**) Каптеревъ Н. «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ до открытія Славяно-греко-латинской Академіи». Твор. св. отцовъ въ русск. перев. прил. книжки IV. 1889 ст. 625—626.

научныхъ знаній». Когда значительно уже позже въ XVI и XVII в. в. возникли новые запросы и требованія на болѣе широкое и разностороннее образованіе, то съ трудомъ подходили къ мысли о необходимости устроить среднюю или высшую школу для развитія и укрѣпленія знаній; правительство старалось вызывать въ Москву ученыхъ людей, знающихъ греческій и латинскій языки, съ тѣмъ, чтобы они по преимуществу занимались переводами нужныхъ книгъ, и тѣмъ, такъ сказать, ввели бы въ русское общество нужныя ему новыя знанія и свѣдѣнія, обновили бы и расширили запасъ знаній, оказавшихся или недостаточными или устарѣвшими.

«Для достиженія этой цѣли», говоритъ г. Каптеревъ, «нужна была, по мнѣнію русскихъ, не средняя или высшая школа, значеніе которой они еще ясно не представляли себѣ, а нужны были новыя книги, изъ которыхъ каждый съ помощью простаго чтенія самъ бы могъ извлечь нужныя и потребныя ему свѣдѣнія, не прибѣгая къ обученію въ школахъ — самостоятельное чтеніе книгъ должно было замѣнить собою школьное обученіе».

Вотъ почему и въ до-монгольскій періодъ учителя, если и существовали, то съ большинствомъ учащихся занимались одной грамотой, и только немногіе любознательные юноши могли получить отъ нихъ начала научнаго образованія, которыя впослѣдствіи приходилось развивать и дополнить самостоятельнымъ чтеніемъ.

Но не успѣвъ сдѣлать того, для чего были приглашены, учителя-греки подняли у насъ грамотность, такъ что она еще при жизни св. Владимира стала распространяться по мелкимъ городамъ; особенно же быстро стала распространяться со времени Ярослава, который позаботился дать русскимъ «четви» книгъ въ достаточномъ количествѣ и самъ приказывалъ набирать дѣтей для ученія. Грамотность проникла въ города, а можетъ быть, съ заведеніемъ новыхъ монастырей и храмовъ проникала и въ села. Насадителями ея несомнѣнно въ началѣ были учителя-греки и ихъ ближайшіе ученики, но впослѣдствіи дѣло это перешло исключительно въ руки русскаго духо-

здѣсь, другое тамъ, то запутаетъ смыслъ), 8) онъ будетъ на частностяхъ останавливаться то тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ поняты (если быстро пробѣгать, то и важное что-нибудь можетъ ускользнуть отъ вниманія) и 9) наконецъ, когда все содержаніе письма стало извѣстно, нужно различить въ немъ болѣе или менѣе необходимое.

15. (Примѣненіе къ искусству обученія наукамъ, въ девяти правилахъ.) Изъ разсмотрѣнія этого получаютъ девять очень полезныхъ правилъ для тѣхъ, кто занимаются обученіемъ наукамъ.

I. Что нужно знать, тому должно учить.

Если ученику не будетъ доставляемо то, что онъ долженъ знать, то откуда онъ можетъ знать? Слѣдовательно, учителя должны остерегаться оставлять учениковъ въ неизвѣстности о чемъ-нибудь ни намѣренно, какъ это дѣлаютъ завистливые и ложные между ними, ни по небрежности, какъ это бываетъ съ тѣми, кто дѣлаютъ свое дѣло только для того, чтобы оно было сдѣлано. Довѣріе и прилежаніе здѣсь необходимы.

16. II. Чему обучаютъ, должно такъ обучать, какъ дѣло нынѣ существуетъ, съ обращеніемъ вниманія на примѣненіе.

Именно ученикъ долженъ видѣть, что то, что онъ изучаетъ, не принадлежитъ къ утопіи или области Платоновскихъ идей,⁴⁾ а относится къ вещамъ, которыя дѣйствительно его окружаютъ, и истинное знаніе которыхъ принесетъ истинную пользу для жизни. Такимъ образомъ ученикъ будетъ ревностнѣе относиться къ дѣлу.

17. III. Чему обучаютъ, должно обучать прямо, безъ околичностей.

Именно должно смотрѣть на все прямо, а не косо, при чемъ взглядъ едва только касается предметовъ, и потому они являются смѣшанными и темными. Всякій предметъ по своей сущности долженъ быть поставленъ предъ глазами учащагося открыто, безъ затемненія его словами, метафорами, намеками

и гиперболами, которыя могутъ быть умѣстны тогда, когда извѣстныя уже вещи возвышаются или унижаются, рекомендуются или порицаются, а не когда онѣ только изучаются; здѣсь нужно направляться прямо на предметъ.

18. IV. Чему обучаютъ, должно такъ обучать, какъ оно есть и происходить, т. е. по своимъ причинамъ.

Лучшее знаніе есть то, когда изучаютъ вещь такъ, какъ она есть, когда знаютъ ее иначе, чѣмъ какъ она есть, то это не будетъ знаніе, а заблужденіе. Но всякая вещь существуетъ такъ, какъ она происходитъ; если она есть что-нибудь другое, а не то, что должна быть по своему происхожденію, то ее считаютъ поддѣльною. Всякая вещь возникаетъ изъ своихъ причинъ. Слѣдовательно: объяснять причины предмета — значитъ доходить до истиннаго знанія предмета, по правилу: знать — значитъ познавать предметъ по его причинамъ, и: причина есть руководительница разсудка. Лучше, легче и вѣрнѣе всего вещи познаются тогда, когда разсматриваются такъ, какъ произошли. Такъ, кто хочетъ читать письмо, тотъ долженъ держать его въ томъ же положеніи, въ какомъ оно написано. По перевернутому или вращающемуся листу трудно читать. И когда событіе объясняютъ такъ, какъ оно происходило, тогда оно будетъ легко и вѣрно понято; когда же объясненіе происходитъ такъ, что предыдущее объясняется изъ послѣдующаго (*hysteron — proteron*)⁵) или въ немъ допускается какое-нибудь смѣшеніе частей, то учащійся навѣрное запутается. Такимъ образомъ, методъ преподаванія долженъ направляться по методу фактовъ: раннее раньше, позднее позже.

19. V. Что дается для знанія, то должно быть представляемо сначала въ общемъ видѣ и затѣмъ въ своихъ частяхъ.

Основаніе этого уже выяснено въ 16 главѣ въ правилѣ VI. Въ общемъ представлять предметъ для познанія, значитъ объяснять въ немъ существенное и случайное. Существенное

объясненіе отвѣчаетъ на вопросы: какъ? какой? зачѣмъ? Къ вопросу «какъ?» относятся имя, родъ, дѣятельность и цѣль предмета. Къ вопросу «какой?» относится форма предмета, или то свойство, посредствомъ котораго дѣло примѣняется къ своей цѣли. Къ вопросу «зачѣмъ?» относится содѣйствующая или та сила, чрезъ которую предметъ дѣлается пригоднымъ для своей цѣли. Напр., когда я хочу сообщить ученику истинное знаніе о человѣкѣ, то говорю: человѣкъ есть а) высшее созданіе Божіе, назначенное господствовать надъ другими, б) одаренное свободною волею выбирать и дѣлать, в) снабженное свѣтомъ разума для того, чтобы мудро управлять своимъ выборомъ и дѣйствіями. Это общее или основное знаніе о человѣкѣ, заключающее въ себѣ все существенное въ человѣкѣ. Если угодно къ этому еще что-нибудь прибавить, также въ общемъ видѣ, то это можно сдѣлать по вопросамъ: откуда? куда? когда? и т. д.

Затѣмъ разсматриваются части: тѣло и духъ; тѣло по анатоміи должно быть разложено на свои члены; душа же должна быть объяснена по тѣмъ силамъ, изъ которыхъ состоитъ, все въ надлежащемъ порядкѣ.

20. VI. Части предмета, всѣ, даже самыя незначительныя, безъ пропуска должны быть изучены въ отношеніи своего распредѣленія, положенія и связи.

Ничто тамъ не напрасно; и иногда на самой малой части основывается сила бѣльшей части. Если въ часахъ только одно колесо сломается, согнется или сойдетъ съ мѣста, то вся машина перестаетъ дѣйствовать; подобно тому и въ живомъ тѣлѣ удаленіе одного только члена прекратило бы жизнь. И въ связи рѣчи часто одно самое маленькое слово (предлогъ или союзъ) способно измѣнить и извратить весь смыслъ. Такъ и вездѣ. Слѣдовательно, совершенное знаніе предмета возможно только чрезъ изученіе всѣхъ частей его, что такое каждая изъ нихъ и къ чему служить.

21. VII. Всему должно обучать въ опредѣ-

ленномъ порядкѣ и въ данное время не больше, какъ чему-нибудь одному.

Какъ зрѣніе, чтобы не быть разсѣяннымъ и смутнымъ, не можетъ быть заразъ направляемо на два или три предмета (тотъ, кто читаетъ книгу, не можетъ одновременно смотрѣть на двѣ страницы, даже на двѣ близкія другъ къ другу строки, на два слова, на двѣ буквы, а только на одну), такъ и духъ въ одно и тоже время можетъ думать только объ одномъ предметѣ. Слѣдовательно, нужно раздѣльно переходить отъ одного къ другому, чтобы духъ не обременялся.

22. VIII. На каждомъ предметѣ должно останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ понятъ.

Ничто не бываетъ мгновенно, а что бываетъ, то бываетъ чрезъ движеніе, движеніе же происходитъ постепенно. Слѣдовательно, съ ученикомъ на каждой части науки должно останавливаться до тѣхъ поръ, пока онъ вполне не усвоилъ ее и не увѣрился въ своемъ знаніи. Это происходитъ чрезъ заучиваніе, выслушиваніе и повтореніе, какъ показано въ 18 главѣ при объясненіи правила X.

23. IX. Должны быть указываемы отличія предметовъ, чтобы все было надлежаще различаемо.

Много смысла заключается въ выраженіи: «кто хорошо различаетъ, тотъ хорошо учитъ!» Множество предметовъ загромождаетъ учащагося; разнообразіе же запутываетъ его, если не будутъ примѣнены противодѣйствующія средства, въ первомъ случаѣ порядокъ, чтобы одно получалось послѣ другого, въ послѣднемъ — внимательное наблюденіе отличительныхъ свойствъ, чтобы было ясно, какъ одинъ предметъ отличается отъ другого. Это даетъ только подробное, ясное и достовѣрное знаніе, такъ какъ и различіе и сущность вещей зависятъ отъ видовыхъ различій, какъ мы этого коснулись уже выше въ главѣ 18 при объясненіи правила VII.

24. (Преподаваемые въ школахъ предметы должны быть распредѣляемы по этому методу.)

Но такъ какъ не всякій способенъ на такую ловкость въ своей учительской дѣятельности, то является необходимость все преподаваемые въ школахъ предметы въ своемъ составѣ распредѣлить по этимъ законамъ метода,⁶⁾ чтобы затѣмъ не легко было уже уклониться отъ цѣли. Когда цѣль правильно указана, тогда уже не можетъ быть ошибки. Когда кто-нибудь посланъ въ царскій дворецъ, то онъ въ данный промежутокъ времени можетъ осмотрѣть все, что тамъ находится, картину, рѣзбу, ковры и другія украшенія; также легко юноша, посланный на театръ міра, можетъ проникнуть весь аппаратъ вещей и затѣмъ жить между твореніями Божіими и между людьми, имѣя истинный взглядъ на вещи.

Глава XXI.

Методъ искусствъ.

1. (Должно напирать больше на усвоеніе навыковъ, чѣмъ наукъ.) Теорія вещей легка и коротка и доставляетъ только удовольствіе; примѣненіе же трудно и пространно и приноситъ удивительныя выгоды. Такъ говоритъ Вивесъ. Такъ какъ это дѣйствительно такъ, то мы тщательно должны искать пути, какимъ образомъ юношество приучать къ практическимъ упражненіямъ, имѣющимъ цѣлью усвоеніе навыковъ и искусствъ.

2. (Три главныхъ требованія искусства.) Для искусства требуются прежде всего три вещи: 1) образецъ или идея, которая есть извѣстная внѣшняя форма, подобное чему старается произвести художникъ, 2) матеріаль или то, чему должна быть придана внѣшняя форма и 3) орудія, посредствомъ которыхъ это дѣлается.

3. Столько же требованій при изученіи. Изученіе же искусства требуетъ (послѣ того какъ имѣются орудія, матеріаль и образецъ) 1) правильнаго примѣненія, 2)

удачнаго руководства и 3) частаго упражненія. Это значитъ, что ученикъ долженъ быть наученъ пользоваться означенными условіями и при пользованіи ими долженъ быть правильно руководимъ, чтобы при работѣ не ошибался, или если ошибся, то исправлялъ себя; наконецъ, онъ долженъ не уставать упражняться и исправлять свои ошибки до тѣхъ поръ, пока не научится вѣрно и легко работать.

4. (Одиннадцать правилъ.) Сюда относятся одиннадцать основныхъ правилъ,¹⁾ и именно шесть касательно пользованія, три касательно руководства и два касательно упражненія.

5. I. Чему учатся, тому должно учиться на дѣлѣ.²⁾

Ремесленники не держатъ у себя учениковъ для наблюденія ихъ искусства, а тотчасъ приставляютъ ихъ къ работѣ, чтобы они кузнечному дѣлу научились чрезъ кованіе, рѣзнымъ работамъ чрезъ рѣзаніе, красильному дѣлу чрезъ крашеніе, танцамъ чрезъ танцваніе и т. д. Также и въ школахъ должно учиться письму чрезъ писаніе, языку чрезъ говореніе, пѣнію чрезъ пѣніе, счисленію чрезъ счисленіе и т. д. Школы нечто иное, какъ мастерскія съ кипучею дѣятельностью. Такимъ образомъ всѣ на своей собственной практикѣ узнаютъ справедливость словъ: образовывая мы образовываемся.

6. II. Для всякаго дѣла всегда должна быть опредѣленная форма и норма.³⁾

Имѣя ее передъ глазами, ученикъ по ней долженъ дѣлать свою работу. Никто отъ себя ничего не можетъ сдѣлать, когда не знаетъ, что и какъ должно быть сдѣлано; сначала ему нужно показать. Вѣдь было бы нелѣпостью принуждать кого-нибудь что-нибудь сдѣлать, когда онъ не знаетъ, чего именно отъ него желаютъ, напр., когда потребовали бы, что онъ долженъ рисовать прямыя линіи, правильные углы, круги, не давши ему предварительно въ руки линейки, угольника и циркуля и не показавши употребленія ихъ. Слѣдовательно, со всею серьезностью должно заботиться о томъ, чтобы для

всего, чѣмъ въ школѣ занимаются, имѣлись формы, образцы, чертежи и именно такіе, которые, кромѣ правильности, были просты и легки для пониманія и подражанія, будутъ ли то образцы и чертежи предметовъ или прописи и пробы работъ. Затѣмъ уже не будетъ ничего нелѣпаго отъ того, кому данъ свѣтъ, требовать, чтобы онъ пользовался своимъ зрѣніемъ, — кто стоитъ на ногахъ, чтобы онъ ходилъ, и кому даны орудія въ руки, чтобы онъ работалъ.

7. III. Пользованіе орудіями должно быть показываемо больше на самомъ дѣлѣ, чѣмъ на словахъ, т. е. больше на примѣрѣ, чѣмъ предписываніемъ правилъ.

Квинтильянъ⁴) гдѣ-то говоритъ: продолжителенъ и труденъ путь по правиламъ, коротокъ и успешенъ по примѣрамъ. Но увы, какъ мало сообразуются съ этимъ увѣщаніемъ въ народныхъ школахъ! Правилами и исключеніями изъ правилъ и исключеніями изъ исключеній онѣ уже съ самаго начала настолько обременяютъ изучающихъ грамматику, что они часто не знаютъ, о чемъ идетъ дѣло, и теряются вмѣсто того, чтобы ясно проникать въ изучаемое. Мы видимъ, что ремесленники не такъ поступаютъ; они не говорятъ начинающимъ ученикамъ своимъ много правилъ, а ведутъ ихъ въ свои мастерскія, заставляютъ всматриваться въ работы, и такъ какъ у нихъ тотчасъ является желаніе подражать (ибо человѣкъ есть существо, стремящееся къ подражанію), то даютъ имъ въ руки орудія и учатъ, какъ ими пользоваться. Когда они ошибаются, то дѣлаютъ напоминанія и исправляютъ ихъ, но всегда больше примѣромъ, чѣмъ словами; и практика показываетъ, что подражаніе происходитъ легко. Правда то, что такъ красиво выражаютъ нѣмцы: «хорошій дѣлатель находитъ хорошаго подражателя». Здѣсь же примѣнимо и выраженіе Теренція: иди впередъ и я за тобою послѣдую! Такимъ образомъ, видимъ мы, маленькія дѣти чрезъ одно только подражаніе, безъ частыхъ наставленій, научаются ходить, бѣгать, говорить и играть разныя игры. Правила — это въ дѣйствительности шины для духа, содѣй-

ствующіе какъ вниманію, такъ и смышленности; но чрезъ примѣры также самыя слабыя головы подвигаются впередъ. Чрезъ одни только правила никто еще не усвоилъ себѣ какого-нибудь языка или искусства, а чрезъ упражненіе безъ правилъ это возможно.

8. IV. Упражненіе должно начинаться съ начальныхъ частей (rudimenta), а не съ цѣлыхъ произведеній.

Плотникъ не учитъ своего ученика съ самаго начала тотчасъ строить башни и замки, а держать топоръ, рубить дерево, обрубать балки, буравить и т. д. И живописецъ не заставляеть своего ученика тотчасъ же рисовать головы, но онъ учитъ его сначала мѣшать краски, водить кистью, проводить линіи, затѣмъ заставляеть его рисовать болѣе грубыя изображенія и т. д. И обучающій ребенка чтенію не даетъ ему тотчасъ цѣлую книгу, а знакомить его съ элементами письма,⁵⁾ сначала съ отдѣльными буквами, затѣмъ съ слогами, потомъ съ словами, предложеніями и т. д. Потому также начинающему учиться грамматикѣ сначала даютъ отдѣльныя слова для склоненія и спряженія; затѣмъ они соединяются попарно вмѣстѣ, послѣ того слѣдуютъ одночленные предложенія, потомъ двухъ- и трехчленные; наконецъ переходятъ къ строю періодовъ и цѣлой рѣчи. То же самое въ діалектикѣ: сначала ученики учатся различать вещи и понятія вещей по родамъ и видовымъ отличіямъ, затѣмъ располагать ихъ по ихъ взаимному отношенію, послѣ того опредѣлять и логически дѣлить, потомъ изслѣдовать вещи и понятія вещей по ихъ связамъ, что, о чемъ, почему говорится и по необходимости ли это или случайно. Когда они въ этомъ достаточно поупражнялись, то переходятъ къ умозаключеніямъ, какъ изъ извѣстнаго даннаго и всѣми признаваемаго должно выводить остальное, и, наконецъ, къ полному обсужденію темъ. Подобнымъ же образомъ также въ реторикѣ обученіе легко идетъ впередъ. Сначала ученикъ нѣсколько времени упражняется въ отыскиваніи синонимовъ, затѣмъ учится къ именамъ существительнымъ, глаголамъ и нарѣчіямъ прилагать

эпитеты, потомъ объяснять ихъ посредствомъ антитезовъ, послѣ того различно распространять парафразъ (описание), затѣмъ собственныя выраженія замѣнять тропами, соединенное для красоты выраженія разъединять, наконецъ простыя предложенія всевозможно украшать и только тогда, когда онъ все эти отдѣльныя части въ совершенствѣ преодолѣлъ, онъ можетъ переходить къ составленію цѣлыхъ рѣчей. Когда во всякомъ искусствѣ такимъ образомъ постепенно подвигаются впередъ, то нельзя не достигнуть быстрыхъ основательныхъ успѣховъ.

Основаніе сказаннаго выяснено выше въ 19 главѣ въ правилѣ IV.

9. V. Первые упражненія начинающихъ учениковъ должны происходить на знакомомъ матеріалѣ.

Это уже выражено въ IX правилѣ 17-ой главы и въ 6 пунктѣ IV правила тамъ же. Сущность положенія состоитъ въ томъ, что не должно обременять учащихся тѣми вещами, которыя чужды ихъ возрасту, недоступны силѣ ихъ пониманія и находятся далеко отъ настоящаго ихъ состоянія. Напр., когда мальчика польскаго происхожденія учатъ читать и писать, то не даютъ ему книги латинскія, греческія или арабскія, а на родномъ языкѣ, чтобы онъ зналъ, что онъ дѣлаетъ.

И когда мальчикъ учится примѣненію діалектическихъ правилъ, тогда онъ не упражняется на примѣрахъ, взятыхъ изъ Виргилія или Цицерона или изъ богословскихъ, политическихъ и медицинскихъ споровъ, а на вещахъ, которыя ежедневно встрѣчаются дѣтямъ, каковы: книга, одежда, дерево, домъ, школа и т. д. Здѣсь полезно тѣ примѣры, которые брались для объясненія перваго правила, такъ какъ они разъ уже извѣстны, удерживать также при объясненіи послѣдующихъ. Напр., въ діалектикѣ берется «дерево»⁶⁾ и показываются его родъ, отличительныя свойства, причины, дѣйствія, подчиненныя и соподчиненныя понятія, опредѣленіе, раздѣленіе и т. д. Затѣмъ показывается, сколько различныхъ мыслей

можетъ быть высказано касательно дерева, наконецъ, какъ посредствомъ опредѣленнаго заключенія изъ того, что до сихъ поръ высказано о деревѣ, можно сдѣлать другой выводъ и доказать его и т. д. Когда такимъ образомъ на одномъ, другомъ или третьемъ примѣрѣ объяснено употребленіе правилъ, тогда мальчику будетъ легко вполне подражать этому во всѣхъ другихъ случаяхъ.

10. VI. Подражаніе строго должно держаться предписанной формы; только послѣ оно можетъ быть болѣе свободно.

Чѣмъ больше образованіе новаго предмета будетъ примѣняться къ своему образцу, тѣмъ больше и точнѣе отпечатлѣвается въ немъ форма, какъ монеты, на которыхъ отпечатлѣна одна и та же печать, вполне сходны между собою и съ печатью. То же самое съ книгами, которыя печатаются шрифтомъ, и съ литыми вещами изъ воска, гипса, металловъ и т. д. Насколько возможно, также въ другихъ работахъ подражаніе (по крайней мѣрѣ первое) должно непосредственно примыкать къ образцу, пока рука, духъ и языкъ окрѣпнутъ и приучатся свободнѣе двигаться и самостоятельно производить подобное. Кто, напр., учится писать, тотъ пусть возьметъ тонкую нѣсколько просвѣчивающую бумагу и положить ее на прописи, съ которой долженъ копировать⁷⁾; такимъ образомъ онъ легко можетъ вывести черты просвѣчивающихъ буквъ. Или прописи блѣдною желтою или коричневою краскою отпечатываютъ на чистой бумагѣ, чтобы ученики перомъ или чернилами водили по отпечатлѣвшимся чертамъ и чрезъ то научились изображать тѣ же черты письма въ той же формѣ. Такъ и въ стилѣ можно подражать всякой конструкціи, всякому предложенію, всякому періоду. Напр., когда написано: «богатый средствами», то слѣдуетъ заставлять ученика въ подражаніе приводить выраженія: «богатый деньгами, богатый скотомъ, богатый виноградниками» и т. д. Когда Цицеронъ говоритъ: Евдемъ, по сужденію ученѣйшихъ мужей, первый въ астрономіи, — то въ возможно вѣрномъ подражаніи этому можно сказать: Цицеронъ, по су-

жденію ученѣйшихъ ораторовъ, первый въ красно-рѣчи, — Павелъ, по сужденію всей церкви, первый въ апостольствѣ и т. д. Такъ въ логикѣ ученикъ по дилеммѣ: или день или ночь; но теперь ночь, слѣдовательно, не день, чрезъ одинаковое сопоставленіе непосредственныхъ противоположностей, можетъ образовать другія дилеммы, напр., или онъ грубъ или образованъ; но онъ грубъ; слѣдовательно... или: Каинъ былъ или благочестивъ, или нечестивъ; Каинъ былъ неблагочестивъ и т. д.

11. VII. Образцы для работы должны быть по возможности совершенны, такъ чтобы всякій, вполне вѣрно подражающій имъ, могъ считаться совершеннымъ въ своемъ искусствѣ.

Какъ никто по кривой линейкѣ не можетъ проводить прямыя линіи, такъ никто по недостаточному образцу не можетъ сдѣлать хорошей работы. Слѣдовательно, должно о томъ заботиться, чтобы для всѣхъ работъ и дѣлъ въ школѣ и также въ жизни были истинныя, вѣрныя, простые, легко подражаемые образцы — будутъ ли они изображенія вещей, картины, рисунки, прописи и правила, по возможности краткія и ясныя, сами собою понятныя и безъ исключенія вѣрныя.

12. VIII. Первый опытъ подражанія долженъ быть по возможности точный, чтобы онъ ни малѣйшей чертою не отступалъ отъ образца.

Это необходимо. Все первое есть основаніе для послѣдующаго; когда первое твердо, тогда и послѣдующее можетъ быть построено на немъ твердо; когда первое колеблется, тогда и послѣдующее будетъ колебаться. И какъ, по наблюденію врачей, недостатки перваго пищеваренія уже не могутъ быть исправлены на второй и третьей ступени, такъ и при всякомъ другомъ отправленіи; первыя ошибки мѣшаютъ правильности всего послѣдующаго. Потому-то Тимоеей Музыкантъ⁸⁾ отъ тѣхъ учениковъ, которые гдѣ-

нибудь въ другомъ мѣстѣ уже учились начальнымъ основа- ниямъ искусства, требоваль двойной гонораръ; онъ обыкновенно говорилъ, что работа для него удваивается, такъ какъ онъ обязанъ сначала искоренить неправильно заученое и затѣмъ учить по правильному. Слѣдовательно, должно заботиться, чтобы ученики чрезъ тщательные попытки подражанія совершеннымъ образомъ одолѣвали образцы своего искусства, когда эта трудность разъ преодолѣта, то остальные сами собою устрани- нятся, какъ городъ, по взятіи его воротъ, уже находится въ рукахъ побѣдителя. Потому всякая торопливость должна быть избѣгаема, чтобы никогда не переходить къ послѣдующему прежде, чѣмъ предъидущее достаточно твердо усвоено. Тотъ идетъ поспѣшно, кто никогда не уклоняется съ пути. И замедленіе надъ утвержденіемъ основа- ній не есть еще замедленіе, а важное условіе для легкаго, быстрого и вѣрнаго преодоленія послѣ- дующаго.

13. IX. Ошибка должна быть исправляема при- сутствующимъ учителемъ, однако съ указаніемъ при этомъ на правила и на исключенія изъ пра- виль.

Что искусства должны быть изучаемы больше чрезъ при- мѣры, чѣмъ чрезъ правила, это мы до сихъ поръ изучали; теперь я прибавляю: должно присоединять правила⁹⁾, служащія для руководства и для устраненія оши- бокъ и раскрывающія собою то, что въ скрытомъ видѣ за- ключается въ образцѣ: откуда дѣло должно начинать, къ какой цѣли его вести, какъ оно должно подви- гаться впередъ и почему все должно происходить такъ, а не иначе. Только это даетъ твердое знаніе искусства и надежность и вѣрность подражанія.

Но эти правила должны быть кратки и ясны по возможности, чтобы все разъ усвоенное всегда продолжало приносить пользу, какъ для ребенка, который учится ходить при посредствѣ колѣнныхъ подпоръ¹⁰⁾, эти подпоры остаются полезными и тогда, когда онъ уже не употребляются.

14. X. Совершенное ученіе искусства состоитъ изъ синтеза и анализа.

(Синтетическія упражненія должны быть предпосылаемы аналитическимъ.) Что при этомъ главныя части принадлежать къ синтезу, это мы показали уже выше на примѣрахъ природы и ремесленниковъ (Гл. 18 прав. V). Что синтетическія упражненія по большей части должны идти впереди¹¹⁾, это кромѣ того доказываетъ слѣдующее: 1) такъ какъ вездѣ должно начинать съ болѣе легкаго; а мы легче понимаемъ свое собственное, чѣмъ чужое. 2) Писатели намѣренно скрываютъ искусственное построеніе своихъ произведеній, почему ученики при первомъ взглядѣ на нихъ едва и вовсе не въ состояніи проникнуть въ нихъ; но это будетъ для нихъ нетрудно, когда они сначала поупражняются на менѣе искусственныхъ и простыхъ вещахъ. 3) Чего по преимуществу желаютъ достигнуть, тѣмъ по преимуществу должно и заниматься. Но мы желаемъ учениковъ, изучающихъ искусства, приучить стремиться къ новымъ открытіямъ, а не только пользоваться готовымъ (ср. что объ этомъ сказано въ 18 гл. V прав.).

15. (Однако и аналитическія упражненія должны быть присоединяемы.) Однако рѣшительно необходимо представлять ученикамъ и подробный анализъ чужихъ изобрѣтеній и произведеній. Только тотъ достаточно хорошо знаетъ дорогу, кто часто по ней ходилъ впередъ и назадъ и кто изучилъ всѣ встрѣчающіеся на ней перекрестки и развѣтвленія; кромѣ того существуютъ столь различныя и почти безграничныя отношенія вещей, что все не можетъ быть заключено въ правила и не можетъ придти въ голову отдѣльному человѣку. Большому числу людей больше дано; и чужое сдѣлается нашимъ только тогда, когда мы его отыщемъ и изучимъ и въ соревнованіи и подражаніи стремимся произвести подобное же.

16. (Выводъ изъ сказаннаго). Мы, слѣдовательно, хотимъ, чтобы во всякомъ искусствѣ для всего, что въ области его производится или должно производиться, были

образцы или примѣры, ясные и совершенные и къ нимъ со стороны прибавлялись указанія и правила, объясняющія роды производствъ, руководящія попытками подражанія имъ, предохраняющія отъ ошибокъ и исправляющія ихъ, если онѣ допущены. Затѣмъ ученику должны быть даваемы все новые примѣры, которые онъ долженъ приспособлять къ имѣющимся образцамъ и чрезъ подражаніе производить подобное имъ. Послѣ того могутъ быть разсматриваемы чужія произведенія (но только признанныхъ художниковъ) для объясненія на нихъ примѣненія означенныхъ правилъ искусства, чтобы, съ одной стороны, ученикамъ яснѣе стало примѣненіе ихъ вообще и, съ другой стороны, они научились искусству скрывать искусственное въ произведеніи. И только чрезъ такое продолжительное упражненіе, они, наконецъ, будутъ въ состояніи высказывать правильное сужденіе о произведеніяхъ искусства, какъ своихъ, такъ и чужихъ.

17. XI. Эти упражненія должны быть продолжаемы до тѣхъ поръ, пока будутъ имѣть отпечатокъ искусства.

Только тотъ будетъ художникомъ, кто на упражнялся въ искусствѣ.

Глава XXII.

Методъ языковъ.

1. (Почему изучаются языки и какіе?) Языки не изучаются, какъ составная часть образованія или мудрости, а какъ вспомогательное средство для пріобрѣтенія образованія и для сообщенія его другимъ¹⁾. Потому не всѣ языки должны быть изучаемы, что невозможно, — также не многіе, что было бы бесполезно, такъ какъ отнимало бы время, необходимое для дѣльнаго преподаванія, а только необходимые. Необходимы же родной языкъ для обыденной жизни и сосѣдніе языки для обращенія съ сосѣдами; таковы для поляковъ языки: съ одной стороны нѣмецкій, съ другой венгерскій, валахскій, турецкій; — затѣмъ латинскій языкъ,

чтобы имѣть возможность читать научныя сочиненія, какъ это обычно между образованными, наконецъ для философовъ и врачей греческой и арабской и для богослововъ греческой и еврейской.

2. (Всякій ли долженъ быть изучаемъ сполна?) Они не всѣ должны быть изучаемы сполна, въ совершенствѣ, а только по мѣрѣ надобности. Нѣтъ нужды по-гречески и по-еврейски умѣть говорить такъ же свободно, какъ на родномъ языкѣ; нѣтъ людей, съ которыми можно было бы говорить; достаточно ихъ знать настолько, чтобы можно было читать и понимать книги.

3. (Они не должны быть изучаемы безъ предметовъ). Изученіе языковъ должно подвигаться впередъ въ равной мѣрѣ съ дѣловымъ преподаваніемъ, по преимуществу въ юности, именно, чтобы столько же приобрѣталось свѣдѣній о предметахъ, сколько по языку — чтобы за пониманіемъ всегда слѣдовало и умѣніе выражать его. Ибо мы образовываемъ людей, а не попугаевъ, какъ сказано въ гл. 19 Прав. VI.

4. (1. Выводъ: посредствомъ однѣхъ и тѣхъ же книгъ могутъ быть изучаемы и предметы и языки). Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что слова не должно заучивать отдѣльно отъ предметовъ; такъ какъ слова отдѣльно и не существуютъ и не могутъ быть поняты, но только во взаимной связи они встрѣчаются то здѣсь, то тамъ и производятъ то или другое. Это наблюденіе подало мнѣ поводъ къ составленію «Дверей языковъ»²⁾, гдѣ слова, соединенныя въ предложенія, въ то же время выражаютъ связь вещей.

5. (2. Знаніе всего языка никому не нужно.) Далѣе отсюда слѣдуетъ, что никому не нужно полное знаніе какого бы то ни было языка; и еслибы кто-нибудь къ тому стремился, то это было бы смѣшно и нелѣпо. Даже Цицеронъ не зналъ сполна латинскаго языка (а онъ считается лучшимъ знатокомъ его), такъ какъ онъ признается, что выраженія ремесленниковъ ему не-

извѣстны; съ сапожниками и рабочими онъ никогда не обращался, потому онъ не видалъ ихъ работъ и не зналъ словесныхъ обозначеній ихъ занятій. И для какой цѣли это нужно было бы ему изучить?

6. (Расширители нашей «Двери языковъ» поступили необдуманно, потому авторъ оставилъ неоконченною начатую заднюю «дверь латыни».) Этого не соблюдаютъ тѣ, которые нашу «Дверь языковъ» разширили, наполнивъ ее неупотребительными словами и вещами, далекими отъ пониманія дѣтей. «Дверь» должна быть ничего больше, какъ дверь, дальнѣйшее должно быть предоставляемо послѣдующему времени, именно то, что или никогда не встрѣчается, или если встрѣчается, то можетъ быть взято изъ пособій (словарей и другихъ сборниковъ). Потому я оставилъ неоконченною «Заднюю дверь латыни» (которую намѣревался составить изъ устарѣлыхъ и менѣе употребительныхъ словъ).

7. (3. Дѣти должны заниматься подходящими имъ вещами; имъ не слѣдуетъ давать въ руки Цицерона и подобное.) Въ третьихъ отсюда слѣдуетъ: какъ разсудокъ, такъ и языкъ дѣтей по преимуществу долженъ быть образовываемъ на дѣтскомъ матеріалѣ, все же свойственное мужу должно быть оставляемо до болѣе зрѣлаго возраста. Было бы неразумно, если бы дѣтямъ давать въ руки Цицерона или другихъ великихъ авторовъ, разсуждающихъ о вещахъ, выходящихъ за предѣлы дѣтскаго пониманія. Когда они не понимаютъ вещей, то какъ могутъ они понять приемы выражать эти вещи? Гораздо полезнѣе въ это время заниматься болѣе незначительнымъ матеріаломъ, чтобы языкъ и пониманіе образовывались постепенно. Природа не дѣлаетъ никакихъ скачковъ, такъ же искусство, если оно подражаетъ природѣ. Раньше должно учить дѣтей ходить, чѣмъ танцовать; раньше ѣздить верхомъ на конькѣ, чѣмъ на великолѣпно взнузданной лошади; раньше лепетать, чѣмъ говорить; раньше говорить, чѣмъ произносить

4695. **О преобразованіи** военно-юридич. академіи и училища. (Перед. ст.). Спбургскія Вѣдомости. 1876. 20.

4696. **10-го ноября 1832—1882.** Списокъ окончившимъ курсъ наукъ воспитанникамъ аудиторской школы, воспитанникамъ аудиторскаго училища, ученикамъ военно-юридическаго училища, офицерамъ и чиновникамъ военно-юридической академіи. Къ пятидесятилѣтію со дня учрежденія аудиторской школы Военнаго Министерства. 10-го ноября 1832 года. Составленъ подъ общей редакціей начальника военно-юридической академіи. Спб. 1882. Тип. В. С. Балашева. 8^о, 2 нен. II. 1 нен. 181. 1 нен. стр., (310 экз.).

4697. **Пажескій Е. И. В.** корпусъ. Всемирн. Иллюстрація. 1886; стр. 219.

4698. **Школа** гвардейскихъ подпрапорщиковъ и юнкеровъ въ воспоминаніяхъ одного изъ ея воспитанниковъ 1845—1849 гг. Русск. Старина. 1884. 1; стр 203—216 и 2; стр. 441—454.

4699. **Юнкерскія** училища. Обученіе и военное воспитаніе юнкеровъ. П. О. Бобровскій. Т. I, II и III. Спб. 1873—1876. 8^о. Ц. Т. I. 1 р. 50 к. Т. II, 3 р. 50 к.

1) Русскій Инвалидъ. 1873 № 156.

2) Гражданинъ. 1873. № 30. (Рец. Е. Бѣлова.)

3) Москов. Вѣдом. 1873. № 300 и 301.

4) Бирж. Вѣдом. 1876. № 143 и 211.

5) Воен. Сборн. 1876. № 10; стр. 83—110.

6) Голосъ. 1876 № 134.

7) Спбург. Вѣдомости. 1881. № 237. (А. Быковъ).

4700. **Юнкерскія** училища въ 1872—73 учебномъ году. П. О. Бобровскій. Педагогическ. Сборникъ. 1874. № 5; стр. 457—482.

См. перед. ст. Голоса. 1873 г. № 262.

4701. **Годовой** отчетъ юнкерскихъ уч. за 1873—74 гг. Педагог. Сборникъ. 1875. 7; стр. 1—22. 8; стр. 23—43.

4702. **Отчетъ** объ экзаменахъ въ юнкерскихъ училищахъ въ 1873 году. Педагог. Сборникъ. 1874. 4; стр. 1—29, 5; стр. 31—60, 6; стр. 61—83.

4703. **Статистическіе** матеріалы о состояніи юнкерскихъ училищъ въ 1873—74 г. П. О. Бобровскій. Педагог.

Сборникъ. 1875. 8; стр. 765—781. 9; стр. 861—882. 10; стр. 1007—1019. 11; стр. 1080—1094.

4704. **Юнкерскія училища въ 1874 г.** Бобровскій. Воен. Сборникъ. 1875. Т. 104. 7; стр. 95—124 и 8; стр. 248—290.

4705. **Юнкерскія училища въ 1875 г.** П. Бобровскій. Русскій Инвалидъ. 1876. 56; 122 и 178.

4706. **Мнѣнія юнкерскихъ училищъ о вопросахъ, подлежащихъ обсужденію комиссіи, подъ предсѣд. ген.-маіора Бобровскаго.** Педагог. Сборникъ. 1873. 6; стр. 19—31. 7; стр. 33—40. 9; стр. 50—63. 10; стр. 70—78.

4707. **Обученіе и воен. воспитаніе въ юнкерскихъ школахъ.** П. Бобровскій. Педагогич. Сборникъ. 1873. 2; стр. 141—162.

4708. **Введеніе въ спеціальный курсъ юнкерскихъ училищъ преподаванія методики обученія нижнихъ чиновъ въ войскахъ: грамматикѣ, письму и ариметикѣ.** Педагог. Сборн. 1874. 4; стр. 423—430.

4709. **Журналы засѣданій особой комиссіи, назначенной при Главномъ Управленіи Военно-Учебныхъ Заведеній, подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Маіора Бобровскаго, для обсужденія различныхъ вопросовъ объ устройствѣ юнкерскихъ училищъ.** Педагог. Сборн. 1874. 8; стр. 1—25, 9; стр. 27—40.

4710. **Два слова о юнкерскихъ училищахъ.** Статья А. А. Обзоръ. 1880. 418.

4711. **Юнкерскія училища.** Статья П. Б. Голосъ. 1882. 29; 62, 69, 88.

4712. **Степень образованія юнкеровъ.** Русскій Міръ. 1873. 175.

Тутъ-же см. передов. статью.

4713. **Нѣсколько словъ о постановкѣ курса тактики въ юнкерскихъ училищахъ.** Статья Н. В.—скаго. Военн. Сборн. 1881. Т. 138. 3; стр. 125—127.

4714. **О преподаваніи начальной военной администраціи въ юнкерскихъ училищахъ.** Статья Д. Ц. Педагог. Сборникъ. 1873. 7; стр. 703—712.

4715. **О желательномъ** положеніи въ юнкерскихъ училищахъ требованій по правописанію. Е. Малиновскій. Педагогическій Сборникъ 1885 г. 8; стр. 125—132.

4716. **Приемныя** правила и программы для поступления въ юнкерскія училища, а равно и на службу вольноопредѣляющимися. Спб. Тип. Р. Голике. 1878. 8°, 48 стр. (5000 экз.).

4717. **Программы** для юнкерскихъ училищъ. Русск. Инвалидъ. 1874. 224—225.

4718. **Программы** для юнкерскихъ училищъ. Спб. (изд. Фену и К^о); тип. дома призр. малол. бѣдныхъ. 1880. 8°, 56 стр. Ц. 10 к.

4719. **Общая** программа и инструкція для преподаванія учебныхъ предметовъ въ юнкерскихъ училищахъ. Руководящія указанія. Частныя программы по всѣмъ учебнымъ предметамъ. Перечни учебныхъ руководствъ и пособій. Спб. 1882. Тип. Государственная. 8°, 4 нен. 322 стр. (1.200 экз.).

4720. **Постановленія** для руководства юнкеровъ Перваго воен. Павловск. училища. Спб. 1878. Тип. А. Якобсона. 16°, 152+1+IV стр. (400 экз.).

4721. **Правила** для поступления въ юнкерскія училища, также на службу въ сухопутныя войска на правахъ вольноопредѣляющихся, съ приложеніемъ программъ. Изданіе Н. Фену и К^о. Спб. 1882. Тип. дома призрѣнія малолѣтн. бѣдныхъ. 8°, 71 стр. (1.510 экз.). Ц. 15 к.

4722. **Справочная** книжка для юнкеровъ 2-го военнаго Константиновскаго училища на 1873—1874 учебный годъ. (Въ 16-ю долю, 184 стран. и XVI приложеній), съ планомъ Петербурга и картою окрестностей.

Русск. Инвалидъ. 1873. № 201. (Рец. П. Б.).

4723. **Справочная** книжка для юнкеровъ второго военнаго Константиновскаго училища на 1879—1881-ый учебные года. Спб. (скадъ въ училищѣ). Не продается. 1879. 6. 4°, 230 стр. 2 табл. и 1 рисунокъ.

4724. **Замѣтка** начальника Варшавск. юнкерскаго училища. (Изъ годов. отчета). Педагог. Сборникъ. 1875. 11; стр. 1—10.

4725. **Изъ годового** отчета о состояніи Варшавскаго пѣхотнаго юнкерскаго училища за 1874 г. Варшавскій Дневникъ. 1875. 190.

4726. **Нѣсколько** словъ о Новочеркасскомъ юнкерскомъ училищѣ. Статья Н. Донская газета. 1873. 42.

4727. **Объ Одесскомъ** юнкерскомъ училищѣ. Статья В. Г. Одесскій Вѣстникъ. 1880. 214.

4728. **Оренбургское** юнкерское училище. Оренбургскія губ. вѣд. 1879. 40.

4729. **Замѣтка** о классѣ казачьихъ артилер. юнкеровъ (въ Спбургѣ). Статья Ж. М. Донскія обл. вѣд. 1879. 27.

4730. **Посѣщеніе** Ихъ Имп. Вел. военно-учебныхъ заведеній, въ январѣ 1884 года. Спб. 1884. Тип. М. М. Стасюлевича. 8^о, 8 стр., (200 экз.).

4731. **Кадетскіе** корпуса и военныя гимназіи. Гражданинъ. 1884. 47 и 48.

Подпис. Кадетъ 1834—1842 гг.

4732. **Приказъ** Я. И. Ростовцева по военно-учебнымъ заведеніямъ. 1857 г. Русск. Старина. 1884. 2; стр. 400.

4733. **Формы** воспитанія по воспоминаніямъ о кадет. корпусѣ. Средневѣ. Гражданинъ. 1882. 86, 87.

4734. **Изъ воспоминаній** бывшаго кадета. (1835—1857). Кронштадтскій Вѣстникъ. 1884. 78, 81, 87, 96, 112, 118 и 130.

4735. **Кадетскій** корпусъ и военная служба въ 50-хъ годахъ. А. Рокъ. Вѣкъ. 1883. 4; стр. 313—331.

4736. **Кадетскій** бытъ двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ. 1826—1834 гг. (Отрывокъ изъ воспоминаній генераль-лейтенанта В. Д. Кренке). Историч. Вѣстникъ. 1882. Т. 8. 4; стр. 110—126, 5; стр. 344—363.

4737. **Дидро** о шляхѣтномъ корпусѣ. Педагогическій Сборникъ. 1885 г. 2; стр. 124—140.

4738. **Первый** кадетскій корпусъ (1732—1863). К. Волховской. Спб. 1884. Скоропеч. Дюнтца. 8^о, 16 стр. (345 экз.)

4739. **Рекреационный** залъ или Сухопутный кадетскій

корпусъ въ исходѣ прошлаго столѣтія. Педагогич. Сборникъ. 1883. 4; стр. 241—278.

4740. По поводу «Рекреационной залы» и «Говорящей стѣны» 1-го кадетскаго корпуса. Статья **В. Ф. Б.** Педагог. Сборникъ. 1883. 8; стр. 134—136.

4741. «*La muraille parlante*», книга, изд. графомъ Ангальтомъ для воспитанниковъ сухопутнаго кадетскаго корпуса. Педагогич. Сборникъ. 1883. 6; стр. 449—484.

4742. Первый кадетскій корпусъ въ 1813—1825 гг. Воспоминанія бывшаго воспитанника. Сообщ. **К. Зенденгорстъ**. Русск. Старина. 1879. 2; стр. 305—316.

4743. Первый кадетскій корпусъ въ 1820—1833 г. **М. Я. Ольшевскій**. Русская Старина. 1886. т. 49. 1; стр. 63—95.

4744. На память прежнимъ и нынѣшнимъ воспитанникамъ 2-го кадетскаго корпуса. 1800—1883. Педагог. Сборникъ. 1883. 3; стр. 1—14.

4745. Дворянскій полкъ въ царствованіе Александра I. Изъ воспоминаній **Ефима Ивановича Топчіева**. 1815—1820. Русская Старина. 1880. 8; стр. 639—650.

4746. Дворянскій полкъ, основанный въ 1807 году. Ст. **М. С.** Русская Старина. 1887. т. 53. 3; стр. 791—802.

4747. Матеріалы для исторіи бывшаго дворянскаго полка до переименованія его въ Константиновское военное училище 1807—1859 (Очеркъ). **М. Гольмдорфъ**, бывший воспитанникъ дворянскаго полка. Спб. 1882. Тип. штаба войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. 8^о, 198+1 нен. стр., (1200 экз.)

4748. День 81-й годовщины основанія дворянскаго полка, 1807 14-го марта 1888. Статья **М. Б.** Русская Старина. 1888. т. 58. 4; стр. 273—276.

4749. Дворянскій полкъ. 1807—1859. Празднованіе LXXV годовщины дня его основанія. Сообщ. **Г. М. Гольмдорфъ**. Русск. Старина. 1882. Т. 34. 6; стр. 797—802.

Историч. Вѣстникъ 1882. Т. 8. 6; стр. 681—683 (Рец. **Б. К.**). 1882. Т. 9. 8; стр. 448. (Поправка **А. Корсакова**).

4750. **Цифровыя** данныя о санитарн. состояніи 2-го военнаго Констант. училища за 1882 г. Д-ръ Кедровъ. Педагог. Сборникъ. 1884. 10; стр. 368—400.

4751. **Обѣдъ** бывшихъ воспитанниковъ 2-го корпуса. Статья **А. Н.** СПбургскія Вѣдомости. 1880. 325.

4752. **Обѣдъ** бывшихъ кадетъ 2-го кадетскаго корпуса. Петербург. Листокъ. 1880. 229. (Хроника).

4753. **Отчетъ** къ XXV годовщинѣ основанія 1-го военнаго Павловскаго училища. Спб. 1888. Тип. В. Безобразова и К^о. 8^о, 252 стр. (1000 экз.)

4754. **Воспоминаніе** о Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. 1824—1829 гг. Павелъ Александр. Семеновъ. Русск. Старина. 1882. Т. 36. 11; стр. 355—364.

4755. **Историческій** очеркъ образованія и развитія перваго Московскаго кадетскаго корпуса, что нынѣ первая Московская военная гимназія, 1778—1878. Спб. 1878. Тип. М. Стасюлевича. 8^о. VI и 208 стр.

1) Русск. Старина. 1879. 3; стр. 585—586.

2) Московскія Вѣдомости. 1878. 310. (библ. зам.).

3) Указатель по дѣламъ печати. 1878. 21.

4756. **Московскій** кадетскій корпусъ 1824—1828. Двѣ роты. Статья **А. Н-ва.** Древн. и Нов. Россія. 1880. 6; стр. 287—304.

4757. **Празднество** столѣтія 1-го Московскаго кадетскаго корпуса (нынѣшней 1-ой Московской военной гимназіи) 24-го ноября 1878 года. Статья **А. Л-а.** Древн. и Нов. Россія. 1879. 2; стр. 167—172.

4758. **100-лѣтній** юбилей 1-го Московск. кадетск. корпуса, что нынѣ 1-ая Московская гимназія, 24-го ноября 1878. Одинъ изъ бывшихъ кадетъ. СПбургск. Вѣдомости. 1878. 333.

4759. **Рѣчь** къ окончившимъ курсъ ученія воспитанникамъ Михайловской Воронежской Военной Гимназіи въ 1880 году, сказанная 1-го іюня отцемъ Михаиломъ Некрасовымъ. Воронежскій Телеграфъ. 1880. 71.

4760. **Извлеченія** изъ протоколовъ засѣданій Педагогическаго Комитета Владимірска-Кіевской военной гимназіи и

записки воспитателей **К. и Д.** Педагог. Сборникъ. 1879. 11; стр. 1—8 и 12; стр. 1—10.

4761. **Бесплатная** школа при Кіевской Владим. воен. гимназій. Кіевлянинъ. 1873. 27.

4762. **Историческій очеркъ** Новгородскаго, графа Аракчеева, кадетскаго корпуса и Нижегородской военной гимназій (нынѣ нижегородск., гр. Аракчеева, кад. корпусъ). Составилъ къ 50-лѣтнему юбилею корпуса кадетъ перваго приѣма и перваго выпуска, генераль-лейтенантъ **Карцовъ**. 1834—1884. Спб. 1884. Тип. Ф. С. Сущинскаго. 8°, 1 н., III, 5, 416 стр., (650 экз.). Ц. 3 р.

4763. **Новгородскій кадетскій корпусъ**, его открытіе и первые годы. 50-лѣтній юбилей Новгородскаго, что нынѣ Нижегородскій графа Аракчеева, кадетскаго корпуса. 1834—1884 гг. Ген.-лейт. **П. П. Карцовъ**. Русск. Старина. 1884. 3; стр. 519—544. 4; стр. 111—128. Съ портретомъ графа Алексѣя Андр. Аракчеева.

4764. **Вольская** военная прогимназія. **И. А. Сикорскій**. Педагог. Сборникъ. 1883. 12; стр. 362—368. 1884. 7; стр. 28—44. 8; стр. 81—118 и 9; стр. 195—230.

4765. **Санитарное состояніе** Полоцкой военной гимназій и гигиен. ея обстановка. **И. Зубковскій**. Сборникъ соч. по суд. медицинѣ, 1878. Т. 2; стр. 59—127. Т. 3; стр. 1—67. 1879. Т. 2; стр. 1—57 и Т. 3; стр. 1—54.

4766. **Императоръ Александръ II** въ Полтавскомъ кадет. корпусѣ. Изъ воспом. кадета. **Н. Н. Доманскій**. Варшавскій Дневникъ. 1885. 141.

4767. **Петровскій Полтавскій корпусъ**; къ исторіи этого корпуса. Сообц. **И. Пр. Павловскій**. Русская Старина. 1886. Т. 52. 12; стр. 717—723.

4768. **Празднованіе** пятидесятилѣтняго юбилея Полоцкаго кадетскаго корпуса. Полоцкъ. 1886. (Изд. Полоцкаго кадет. корпуса) Крит. **П. І.** Историческій Вѣстникъ. 1886. 12; стр. 645—647.

4769. **Полоцкій кадетскій корпусъ** 1835—1885 гг. 6-го декабря. Письмо директора корпуса **А. Тыртова** къ **М. И**

Семевскому. (По поводу предстоящаго пятидесятилѣтія). Русск. Страница. 1883. 12; стр. 700.

4770. **Краткій историч. очеркъ учрежденія артил.-офицерскаго класса въ Кронштадтѣ.** В. Генишъ. Кронштадтскій Вѣстникъ. 1880. 14, 21.

4771. **По поводу военной гимназіи въ Симбирскѣ.** В. Паломникъ. Камско-Волжская газета. 1873. 83.

4772. **Письмо къ издателямъ.** Статья Н. о военной гимназіи въ Симбирскѣ. Московскія Вѣдомости. 1873. 312.

4773. **Симбирская военная гимназія.** В. Черниковъ. Симбирская земская газета. 1878. 100, 106.

4774. **Историческій очеркъ образованія Сибирскаго кадетскаго корпуса.** 1826—1876. Сост. по официалън. источникамъ. Омскъ. 1886. Тип. Окружн. Штаба. 8°. 132 стр.

4775. **Историческій очеркъ Сибирской военной гимназіи.** Педагог. Сборникъ. 1879. 9; стр. 991—1002.

4776. **Нѣчто объ историч. судьбѣ Омской военной гимназіи.** Парвицкій. Акмолинскія обл. вѣд. 1879. 23 и 24.

4777. **Казачьи школы въ Западн. Сибири.** Сибирь. 1877. 51.

4778. **По вопросу объ устройствѣ школы для образованія наѣздниковъ.** А. Булгаковъ. Газета коннозаводчиковъ. 9; стр. 75—77.

4779. **О двухклассномъ и наѣздническомъ училищѣ въ честь графа Г. Орлова-Чесменскаго.** Богдановъ. Журналъ коннозаводства. 1875. 6; стр. 101—105.

4780. **Къ вопросу о воспитаніи и образованіи кавалериста.** Николай Горячевъ. Военн. Сборникъ. 1881. Т. 142. 11; стр. 66—73.

4781. **Замѣтка о писарскихъ классахъ.** Князь Н. Горчаковъ. Военн. Сборникъ. 1881. Т. 142. 12; стр. 306—309.

4782. **О спеціальному образованіи интендант. чиновниковъ.** Статья Л. С. Д. Русскій Миръ. 1873. 196.

4783. **О Новочеркасской военно-фельдшерской школѣ.** Статья П-на. Донскія обл. вѣд. 1880. 13.

4784. **О необходимости** открытія воен. училища на Дону. Статья **Н. К.** Донскія обл. вѣд. 1879. 30.
4785. **Школы саперныхъ батальоновъ.** Л. Житковъ. Народная Школа. 1883. 11; стр. 15—20.
4786. **Ижевская** оружейная школа. Русскій Инвалидъ. 1874. 199. Вятскія губ. вѣд. 1874. 80 и Извѣстія И. Р. Геогр. Общ. 1875. Т. 11. 5; стр. 412—413.
4787. **Донская** артиллер. школа. Эссаулъ. Донскія обл. вѣд. 1874. 2.
4788. **Объ открытіи** Донской артиллер. школы. Донская Газета. 1874. 2.
4789. **По поводу** предстоящаго закрытія «Донской артиллер. школы». Статья Есаулъ. Донскія обл. вѣд. 1875. 3.
4790. **О классѣ** донск. урядниковъ. Донская Газета. 1875. 85.
4791. **Заявленіе** по поводу составленія проекта устава о военномъ образованіи казаковъ. Донской офицеръ. Донская Газета. 1874. 17.
4792. **Открытіе** Кубанской артиллер. школы (въ г. Майкопѣ). Евг. Фелицынъ. Кавказъ. 1873. 26.
4793. **Объ оружейныхъ** школахъ вообще и о Тульской въ особенности. Статья **П. М.** Русск. Инвалидъ. 1874. 230.
4794. **Нѣсколько** словъ о военныхъ школахъ для образованія унтеръ-офицеровъ. Статья **М. К-аго.** Воен. Сборникъ. 1879. Т. 130. 11; стр. 69—76.
4795. **Солдатская** школа. Подробное практическое руководство къ устройству школъ грамотности въ войскахъ и къ обученію нижнихъ чиновъ въ ротныхъ школахъ и учебныхъ командахъ. П. Заринскій. Ч. I. Устройство солдатской школы. Ч. II. Обученіе. Изд. 2-е, испр. и доп. Казань. 1874. Тип. военн. окр. 8°. XIII. 144—240. стр. (1.430 экз.) Ц. 60 к.
4796. **Тоже.** Изд. 3-е. Спб. 1876. Тип. Безобразова. 8°. X—XVI—135 и 234 стр. и 3 л. черт. (2.600 экз.) Ц. р. 50 к.
4797. **Ротная** школа. Недѣля. 1876. 34 и 35.
4798. **Жизнь** воспитанниковъ военно-учебн. заведеній въ

Ст. Руссѣ, лѣтомъ 1872 г. П. Цитовичъ. Педагог. Сборникъ. 1873. 1; стр. 1—17.

4799. **Опытъ** санитарной статистики военно-учебныхъ заведеній за десятилѣтіе 1866—1875 гг. Д. Кедровъ. Педагог. Сборникъ. 1879. 2; стр. 150—184, 3; стр. 233—269.

4800. **Къ вопросу** о причинахъ, вызывающихъ заболѣваемость между воспитанниками военно-учебныхъ заведеній. Статистическій матеріаль. Д. В. Кедровъ. Педагогич. Сборникъ. 1883. 7; стр. 44—63. 10; стр. 285—290—300. 11; стр. 300—317.

4801. **Санитарная станція** военно-учебныхъ заведеній въ г. Арнсбургѣ на о. Эзелѣ. А. Кондратьевъ. Педагог. Сборникъ. 1885. 4; стр. 411—435.

4802. **Матеріаль** къ изученію санитарнаго состоянія и гигиенической обстановки военно-учебн. заведеній. Б. Г. Мемдемъ. Военно-Медиц. Журналь. 1886. Ч. 156. 7; стр. 1—26. 8; стр. 67—88.

4803. **Замѣтка** по поводу статьи г. И. Зубковскаго: «Санитарное состояніе Полоцкой военной гимназіи и гигиеническая ея обстановка». П. Носовичъ. Педагог. Сборникъ. 1876. 1; стр. 84—85.

4804. **Положеніе** о школахъ и учебныхъ командахъ артиллерійскихъ войскъ. Спб. 1879. Складъ въ военномъ магазинѣ. 8°. 10 стр. Ц. 5 к.

4805. **О постановкѣ** курса тактики въ военныхъ училищахъ. Статья Л. Б. Военный Сборникъ 1874. т. 97. 6; стр. 304—313.

4806. **Замѣчанія** на статью г. Л. Б. О постановкѣ курса тактики въ военныхъ училищахъ. Статья А. С. К. Военный Сборникъ 1874. Т. 97. 7; стр. 117—119.

4807. **Нравственное воспитаніе** солдата. («De l'éducation morale du soldat»). Соч. полковника италіанскаго генеральнаго штаба Корси, помѣщенное въ «Journal des sciences militaires» за 1879 годъ). Военный Сборникъ. 1880. 1; стр. 1—11. Рец. А. П-р-скаго, 2; стр. 77—99. 7; стр. 1—18.

4808. **Нѣсколько** словъ о воспитаніи и образованіи солдатъ. Поручикъ В. Дацевичъ. Военный Сборникъ. 1880. 11; стр. 92—98.
4809. **Monstrum horrendum** обученія войскъ. Николай Волоцкой. Московскія Вѣдомости. 1873. 166.
По поводу ст. г. Драгомирова, въ «Москов. Вѣдомостяхъ».
4810. **Грамотность** въ войскахъ. М. Силаковъ. Народн. Школа. 1874. 11; стр. 24—36.
4811. **Нужна-ли** грамотность солдату. А. Маркграфскій. Западная Почта. 1879. 51 и 52.
См. замѣтку въ № 74.
4812. **Успѣхи** грамотности въ войскахъ. Школьная Жизнь. 1873/4. 10.
4813. **Взглядъ** г. Заринскаго на книги для первоначальнаго чтенія въ солдатской школѣ. Н. Кольдевинъ. Школьная Жизнь. 1873/4. 9.
4814. **Объ общей** системѣ обученія нижнихъ чиновъ. Новости и Биржев. Газ. 1880. 193.
4815. **Обученіе** въ военной школѣ письму первыхъ девяти цифръ. Н. Кольдевинъ. Школьная Жизнь. 1873. 18; стр. 430—432.
4816. **Замѣтка** о преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ въ учебн. командахъ при годовичномъ курсѣ. Статья В. К—о. Военный Сборникъ. 1875. Т. 105. 10; стр. 314—317.
4817. **Замѣтка** на статью генераль-маіора Бранта «Зимнія занятія въ пѣхотѣ». М. Силаковъ. Педагогическій Сборникъ. 1874. 9; стр. 922—932.
4818. **Бесѣды** Золотова въ учебномъ фехтовально-гимнаст. кадрѣ. 8 бесѣдъ. СПб. 1859—60. Систематическій обзоръ русской народно-учебной литературы. 1878.
4819. **Основные** требованія отъ офицера, какъ преподавателя въ солдатской школѣ. Н. Кольдевинъ. Школьная Жизнь. 1873/4. 11.
4820. **Проектъ** программы для ротной школы, двухъ-годичнаго учебнаго курса. Н. Кольдевинъ. Школьная Жизнь. 1873/4. 13.

4821. **Къ вопросу** о чтеніи въ войскахъ. Русскій Инвалидъ. 1879. 38.

4822. **Предисловіе** къ изданію общеобразоват. бесѣдъ съ нижними чинами. Цѣль и назначеніе изданія. — Условія выписки. — Программа. — Извлеченіе изъ газеты «Русскій Инвалидъ» о первомъ публичномъ чтеніи нижнимъ чинамъ въ г. Вильнѣ. — Списокъ подписчикамъ на изданіе. — Отъ автора-издателя. Спб. 1878. Тип. Товарищ. «Общ. Польза». 8°. 25 стр. (1000 экз.).

4823. **Первая** общеобразовательная бесѣда съ нижними чинами. Для чтенія въ учебныхъ командахъ во время уроковъ грамотности, а равно для воскресн. чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, подобно чтеніямъ для народа, производимымъ въ С.-Петербургѣ. Изд. Павла Меншикова. Спб. 1878 г. Тип. Товар. «Общ. Польза» 8°, 45 стр. 1 портретъ и 1 карта (5000 экз.) Ц. 25 к.

4824. **Тоже.** Третья общеобразовательная бесѣда съ нижними чинами. Отдѣлъ III. (Религіозно-нравственный со 2-й до 4-й бесѣды). Для чтенія въ войсковыхъ учебныхъ командахъ, а равно для публичныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, подобно чтеніямъ для народа въ С.-Петербургѣ. Варшава. (Изд. подполковника Павла Меншикова. Тип. управл. варшавск. жандарм. округа). 1881. 8°. 60 стр. 500 экз.

4825. **Тоже.** Четвертая общеобразовательная бесѣда съ нижними чинами. Отдѣлъ II. Павелъ Меншиковъ. Варшава. 1880. Тип. упр. Варш. жанд. округа. 8°. 25 стр. (1500 экземпл.). Ц. 25 коп.

4826. **Тоже.** Пятая общеобразовательная бесѣда съ нижними чинами и съ народомъ. Отдѣлъ II (географическій съ 4-й до 9-й бесѣды). Для чтенія въ войсковыхъ учебныхъ командахъ, а равно для публичныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, подобно чтеніямъ для народа въ С.-Петербургѣ. О солнцѣ, о движеніи земного шара и о временахъ года. Иллюстрированное популярное изданіе артиллеріи подполковника Павла Меншикова. Варшава. 1881. Тип. управл. варшавск. жандармск. округа 8°, 30 стр., (2.210 экз.) Ц. 25 к.

4827. **Тоже.** 14-я общеобразовательная бесѣда съ нижними чинами. Отдѣлъ III. Иллюстр. изд. П. Менъшикова. Спб. 1880. Тип. товар. «Обществ.н. Польза»; (складъ у автора-изд., крѣпость Ново-Георгиевскъ, ст. Закрочимъ). 8^о, 74 стр. (5000 экз.). Ц. 25 к.

4828. **Иллюстрированное** популярное изданіе общеобразовательныхъ бесѣдъ. Для чтенія въ войсковыхъ учебныхъ командахъ и въ народныхъ школахъ въ часы занятій грамотностию, а равно для публичныхъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ, подобно чтеніямъ для народа въ С.-Петербургѣ. П. Менъшиковъ. Варшава. Тип. управл. Варшавск. жандарм. округа; (изд. автора). (1.000 экз.). 1881. 16^о, 31 стр.

4829. **Военно педагогическій** курсъ. Опытъ руководства для систематическаго обученія молодыхъ солдатъ въ пѣхотѣ. Въ двухъ частяхъ (текстъ принаровленъ къ пониманію солдатъ учителей). А. В. Андреяновъ. Часть первая. Кронштадтъ. 1879. (Тип. «Кронштадтскаго Вѣстника») 8^о, 226 стр. Ц. 1 р.

4830. **Замѣтка** о распредѣленіи занятій для одиночнаго образованія и развитія нижнихъ чиновъ въ пѣхотныхъ частяхъ, въ теченіе трехлѣтняго срока. Статья **М. К.** Военный Сборникъ. 1875, т. 101. 2; стр. 230—236.

4831. **Объ обученіи** новобранцевъ, поступающихъ въ войска по обязательной воинской повинности на шестимѣсячный и годичный сроки. Статья **Н. В.** Военный Сборникъ. 1875. т. 101. 1; стр. 111—118.

4832. **Словесныя** занятія съ ротою въ вопросахъ и отвѣтахъ. 4-е изд. испр. и значительно доп., согласно приказу по военному вѣдомству отъ 14-го февраля 1875 г. за № 52. Ю. Сулковскій. Спб. (Изд. Фену и Жуковскаго.) Тип. В. Безобразова и К^о. 1881. 8^о, 113 стр. (5000 экз.). Ц. 30 к.

4833. **Нужна-ли** система бальныхъ отбѣтокъ въ ротныхъ школахъ? Н. Ф. Кульмскій. Школьная Жизнь 187³/₄. 8.

4834. **Организація** годичнаго экзамена въ ротныхъ учебныхъ командахъ и отчетность о немъ. Н. Кольдевинъ. Школьная Жизнь. 1873—74. 25; стр. 547—559.

4835. **Организація** наружнаго порядка и отчетности въ

ротныхъ учебныхъ командахъ. Н. Кольдевинъ. Школьная Жизнь. 1873³/₄. 6; стр. 132—137.

4836. **Замѣтки** о способахъ занятій въ ротныхъ школахъ и полковыхъ учебныхъ командахъ. П. Бобровскій. Военный Сборникъ. 1874. № 10; т. 98 стр. 319—337 № 11 стр. 76—100.

4837. **Замѣтка** о способахъ занятій въ ротныхъ школахъ и полковыхъ учебныхъ командахъ. П. Бобровскій. Военный Сборникъ. 1874. 11; стр. 76—100.

4838. **Замѣтки** практика о полковыхъ учебныхъ командахъ. Статья Д. У. С. Военный Сборникъ. 1875. т. 102. 3; стр. 110—119.

4839. **Организація** годичнаго экзамена въ ротныхъ учебныхъ командахъ и отчетность о немъ. Н. Кольдевинъ. Школьная Жизнь. 1873³/₄. 25.

4840. **Практическое** руководство къ обученію нижнихъ чиновъ въ ротныхъ школахъ и учебныхъ командахъ. Пл. Заринскій. Ч. 1. Училищевѣдѣніе. Ч. II. Обученіе. Казань. 1874. Ц. 1 р. 10 к.

1) Русск. Инвалидъ. 1873. 244. -- 1874. 95. (Рец. П. В.)

2) Спбург. Вѣдомости. 1874. 139. (Рец. В. Громачевского.)

4841. **Изъ Казанской** станицы. Обученіе малолѣтковъ военному дѣлу. И. Тимощенко. Донскія обл. вѣд. 1873. 3.

4842. **По поводу** статьи г. Тимощенко: «Обученіе малолѣтковъ военному дѣлу». Михайль Калининъ. Донскія област. вѣд. 1873. 16.

4843. **Правила** пріема малолѣтнихъ въ военныя прогимназіи. 1874. (напеч. 5.000 экз.) Ц. 10 к.

4844. **Пріемныя** программы для поступленія въ различные классы кадетскихъ корпусовъ. (По этимъ программамъ экзаменуются для поступленія въ соотвѣтствующіе классы пажескаго Его Имп. Вел. корпуса и приготовительныхъ классовъ онаго.) Изданіе комиссіонеровъ военно-учебныхъ заведеній, Н. Фену и К^о. Спб. 1892. Тип. В. Демакова. 8^о, 4 н. 55 и 5 н. стр., (10.000 экз.) Ц. 15 к.

4845. **Пріемныя** программы. Часть 2-ая: Для поступле-

нія въ различные классы военныхъ гимназій, юнкерскихъ училищъ, вольноопредѣляющихся по 3-му разряду и женскихъ училищъ ордена св. Екатерины и Александровскаго, на 1879 — 1880-ый годъ. Н. М. Сѣдельниковъ. Москва. Тип. бывш. А. В. Кудрявцевой. 1879. 8°. 58 стр. Ц. 50 к.

4846. **Пріемныя** правила и программы для поступления въ различные классы военныхъ гимназій на 1882 — 83 учебный годъ. По этимъ же программамъ экзаменуются для поступления въ соотвѣтствующіе классы пажескаго Его Имп. Вел. корпуса, приготовительныхъ классовъ того же корпуса и приготовительнаго пансіона николаевскаго кавалерійскаго училища. Изданіе Н. Фену и К°. Спб. 1881. Тип. дома приз. малолѣтн. бѣдныхъ. 8°, 72 стр. (2,200 экз.) Ц. 10 к.

4847. **Инструкція** по воспитательной части для военныхъ гимназій и прогимназій. Устройство внутренняго порядка. Основныя правила физическаго и нравственнаго воспитанія. Общія обязанности воспитателей. Спб. 1881. Тип. М. Стасюлевича. 8°, 4 н., 170 и 3 н. стр. (3,000 экз.).

4848. **Программы** преподаванія, въ главныхъ основаніяхъ, учебныхъ предметовъ курса военныхъ гимназій. Тип. морск. мин. 1881. 8°, 20 стр. Ц. 15 к. (300 экз.).

4849. **Программы** учебныхъ предметовъ въ объемѣ курса военныхъ гимназій. По этимъ программамъ, изъ всѣхъ вообще предметовъ въ нихъ указанныхъ, испытываются при военныхъ гимназіяхъ желающіе поступить въ военныя училища, или на службу въ войска вольноопредѣляющимися 2-го разряда. Въ концѣ приложенъ списокъ книгъ и учебныхъ пособій, рекомендованныхъ въ настоящихъ программахъ. Изданіе Н. Фену и К°. Спб. 1882. Тип. дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. 8°, 77 стр. (3,000 экз.) Ц. 20 к.

4850. **2-го военного** Константиновскаго училища программы. Спб. 1882. Тип. Мин. Путей Сообщ. (А. Бенке). Программа военной топографіи. Программа фортификаціи. 16°. 10 и 27 стр. (1000 экз.).

4851. **Классныя** правила перваго военного Павловскаго училища. Спб. Тип. Гогенфельдена. 1831. 16°, 22 стр.

4852. **Измѣненія**, послѣдовавшія по первоначальной смѣтѣ Главнаго Управл. Военно-Учебныхъ Заведеній на 1878 годъ. Спб. Тип. Морск. Министерства. 1878. 4^о, 25 стр. 460 экз.

4853. **Морской** шляхетный корпусъ, въ воспоминаніяхъ Л. А. Загоскина. (1822—1826 г.) Русская Старина. 1886. Т. 52. 12; стр. 709—716.

4854. **Морской** кадетскій корпусъ. Изъ воспоминаній Николая Александровича Энгельгардта. 1822 — 1829 гг. Русск. Старина. 1884. 2; стр. 375 — 380.

4855. **Морской** кадетскій корпусъ, въ воспоминаніяхъ адмирала Александра Ильича Зеленаго. 1822—1826 гг. А. И. Зеленой. Русск. Старина. 1883. 10; стр. 89—98.

4856. **Морской** генеральный штабъ и морская академія. (Передовая статья). Голось 1876. 259.

4857. **Предположенія** объ организаціи высшаго морского образованія въ Россіи. Капитанъ-лейт. А. Страннолюбскій. Морской Сборникъ. 1878. 10; стр. 77—187, 11; стр. 37—144.

4858. **Замѣтка** на статью: «Предположенія объ организаціи высшаго морского образованія въ Россіи», штатнаго преподавателя морского училища капитанъ-лейт. Страннолюбскаго, помѣщенную въ № 10 и № 11 «Морского Сборника» 1878 г. — М. Верховскій 2. Морской Сборникъ. 1878. 12; стр. 173—184.

4859. **Военно-морское** образованіе. Кронш. Вѣстникъ. 1880. 53.

4860. **По вопросу** о морск. образованіи. В. Генишъ. Кронштадт. Вѣстникъ. 1881. 124.

4861. **Образованіе** морск. артиллеристовъ. Ал. Швар-салонъ. Кроншт. Вѣстникъ. 1881. 145.

4862. **Военно-морское** образованіе въ Россіи. Страна. 1881. 17.

4863. **Отчетъ...** Комитета морскихъ учебныхъ заведеній и приѣма въ Морское училище съ 1876. Морской Сборникъ. 1876, т. 157. 11; стр. 1—48 и 1—20.

4864. **Отчетъ** предсѣдателя ученаго отдѣленія Морского технического комитета и комитета морскихъ учебныхъ заведеній за 1878 годъ. Морской Сборникъ. 1878. 4; стр. 29 — 67.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

БРЕТЪ-ГАРТА

РОМАНЫ, ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ, ОЧЕРКИ, ПАРОДИИ.

Сочиненія извѣстнаго американскаго писателя Бретъ-Гарта печатаются въ шести томахъ (около 2000 страницъ), съ портретомъ и факсимиле автора и статей В. В. Чуйко.

Цѣна по подпискѣ за всѣ 6 томовъ два руб., съ пересылкой три руб., (за наложенный платежъ 20 коп.)

Вышли четыре тома; 5 и 6 — въ мартѣ.

Подписка прекращается 1-го апрѣля, послѣ чего цѣна будетъ повышена.

Иногородные высылаютъ подписку въ Правленіе Высочайше утвержденнаго Товарищества «Общественная Польза» (С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, собственный домъ, № 39).

Для г.г. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка по соглашенію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ
 (XIV годъ изданія)
 НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ
 ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ”

и педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНИЕ И ОБУЧЕНИЕ“.

«Родникъ» въ 1895 году будетъ издаваться въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 13 лѣтъ.

«Родникъ» выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками большого формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и отдѣльными картинами.

Въ 1895 году въ «Родникѣ» между прочимъ будутъ помѣщены: большая повѣсть изъ морской жизни К. М. Станюковича, подъ названіемъ «Вокругъ свѣта на Коршунѣ», и биографическая повѣсть В. П. Авенариуса: «Ученическіе годы Гоголя».

Вмѣстѣ съ «Родникомъ» можно получать ежемѣсячный педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе», посвященный вопросамъ семейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

«РОДНИКЪ» рекомендованъ и одобренъ учеными и учебнымъ Комитетами: Мин. Нар. Просв., Святейшаго Синода, Собственной Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи и Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній. Удостоенъ почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, въ 1888 г.

Условія подписки на 1895 годъ прежнія :

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ «Родникъ»	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На «Родникъ» и педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	6 »	3 » — »	1 » 50 »
За границу	8 »	4 » — »	2 » — »
Отдѣльно на педагогическій листокъ «Воспитаніе и Обученіе»	2 »	1 » — »	— » — »

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106, при «Русскомъ книжномъ магазинѣ» Н. Н. Морева.

За издателя Н. Моревъ. Редакторъ Алексѣй Альмедингенъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками «Читальня Народной Школы» (8-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и пересылкой 3 рубля въ годъ.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „ГИМНАЗІЯ.“

Ф. Экштейнъ.

ПРЕПОДАВАНІЕ ЛАТИНСКАГО И ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКОВЪ

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 руб.

В. Шрадеръ.

ГИМНАЗИИ И РЕАЛЬНЫЯ УЧИЛИЩА.

ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Цѣна 3 р.

К. Негельсбахъ.

ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.

Перев. съ 3 изданія, Н. Кораблева.

I. Учитель. II. Дисциплина. III. Дидактика. — Цѣна 1 руб.

Г. Бржоска.

НЕОБХОДИМОСТЬ ПЕДАГОГ. СЕМИНАРІЙ ПРИ УНИВЕРСИТЕТАХЪ.

Перев. подъ ред. Г. Янчевецкаго. Стр. 278. Ц. 1 р. 50 к.

А. Фогель.

ФИЛОС. ОСНОВАНІЯ ПЕДАГОГІИ.

(Локкъ — Кантъ — Гегель — Шлейермахеръ — Гербартъ — Венеке).

Цѣна 1 руб.

I. Винкельманъ.

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА ДРЕВНОСТИ.

Перев. С. Шаровой, подъ ред. Г. Янчевецкаго.

Цѣна 3 руб.

Я. А. Коменскій.

Lingua linguarum reserata.

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ ЯЗЫКОВЪ.

Лат. текстъ съ русск. перев., статей о Коменскомъ и портр. Коменскаго.

Цѣна 1 руб.

J. Spangenbergius.

Bellum Grammaticale.

ВОЙНА ВЪ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКЪ.

Пер. съ лат. Д. Янчевецкій. Ц. 50 к.

E. Fiedler.

ОТНОШЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА КЪ ЛАТИНСКОМУ.

ПОСОВІЕ ДЛЯ ПРЕПОДАВАНІЯ.

Перевелъ Д. Янчевецкій. Цѣна 25 коп.

БИОЛОГІЯ

**И
ХРИСТІАНСКАЯ ПЕДАГОГИКА ВЪ ИХЪ ВЗАИМНЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ**

Перев. съ нѣм. I. Регема. Цѣна 50 коп.

Павсанія. Описаніе Еллады, или Путешествіе по Греціи во II в. по Р. Х., перев. Г. Янчевецкаго. Ц. 5 р. — Содержаніе: Введеніе. Кн. I. Атика. Кн. II. Коринѣика. Кн. III. Лаконика. Кн. IV. Мессинія. Кн. V. Илида А. Кн. VI. Илида В. Кн. VII. Ахайя. Кн. VIII. Аркадія. Кн. IX. Віотія. Кн. X. Фокида.

Ксенофонтъ. Полное собр. сочиненій, перев. Г. Янчевецкаго въ 5 ч. Ц. 7 р. Ч. I. Анабазисъ. 1 р. 25 к. Ч. II. Воспоминанія о Сократѣ. 80 к. Ч. III. Киропедія. 1 р. 50 к. Ч. IV. Исторія Греціи. 1 р. 50 к. Ч. V. Мелкія статьи. Ц. 2 р.

Содержаніе Мелкихъ статей (Scripta Minora): I. Пиръ. II. Апологія Сократа. III. Лакед. государство. IV. Аѳинское государство. V. О ховяйствѣ. VI. Геронъ. VII. Агисилай. VIII. Доходы города Аѳинъ. IX. Гиппарахъ. X. О конницѣ. XI. Охота.

ГОДЪ VIII. Продолжается подписка ГОДЪ VIII.
на 1895 годъ.

„ГИМНАЗІЯ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ФИЛОЛОГИИ И ПЕДАГОГИИ

ГОДЪ VIII

— (1888—1895) —

Подписная цѣна:

вмѣстѣ съ „ПЕДАГОГИЧЕСКИМЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКОМЪ“

на 12 мѣс. 8 руб. за гран. 10 рубл.

» 6 » 4 » » 5 »

» 3 » 2 » » 3 »

» 1 » 1 » » 1 »

ОТДѢЛЬНАЯ ПОДПИСКА НА

„Педагогическій Еженедѣльникъ“

на 12 мѣс. 3 р., за гр. 4 р. — к., || на 3 мѣс. 1 р. 50 к., за гр. 2 р.

на 6 мѣс. 2 р., за гр. 2 р. 50 к., || на 1 мѣс. — р. 60 к., за гр. 1 р.

Въ складѣ редакціи имѣются еще полныя экземпляры „ГИМНАЗІИ“ за прежніе годы. Цѣна съ перес.: за 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 г.г. по 3 руб.

за 1893 по 5 руб.

за 1894 по 8 руб.

Адресъ редакціи: Ревель.

Редакторъ-изд. Г. Янчевецкій.